

ЛЕОНА ВАЛИ

ЗА ПЕРИМЕТРОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДРАМА | ТРИЛЛЕР | ПОСТАПОКАЛИПСИС | ЛЮБОВЬ

Леона Вали

За периметром

<https://litres.ru/74595357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сначала исчезла связь.

Потом люди.

Потом правила.

Оливия Кросс мечтала выйти за периметр. Теперь ворота открыты — и это больше не похоже на свободу.

Снаружи ждут заражённые. Внутри — страх, оружие, чужие тайны и Кейн Райд, человеку, которому Лив меньше всего хотела бы доверять свою жизнь.

Но чем хуже становится мир, тем труднее понять, что опаснее: выйти за стены — или остаться рядом с ним.

Содержание

Глава 1. До сирены	4
Глава 2. После сирены	32
Глава 3. Знак	54
Глава 4. До особого распоряжения	77
Глава 5. Список	109
Глава 6. Вывод	144
Глава 7. Казарменный режим	173
Глава 8. Нам врали. Часть 1	200
06:18.	203
06:52.	205
08:47.	207
09:36.	209
09:58.	212
10:11.	214
10:39.	218
11:03.	221
11:28.	225
11:57.	228
12:24.	230
12:41.	233

Леона Вали

За периметром

Глава 1. До сирены

5:30.

— Девочки, подъём! — наигранно и радостно пропела слегка писклявым голоском женщина лет сорока и включила полный свет. — Давайте-давайте, встаём! — похлопала она в ладоши и снова убежала по своим делам.

В это время я уже минут тридцать не спала и просто лежала с закрытыми глазами, надеясь, что время будет тянуться как можно медленнее. Вчера я легла в постель только ближе к двум часам ночи, а смогла уснуть ещё позже. Получалось, что в лучшем случае я спала два с половиной часа. И так уже пятый день подряд. Ничего, сегодня уже суббота, а это означает, что ещё один день — и я смогу поспать до десяти.

Весна. Осталось совсем чуть-чуть снега, и то только в местах, куда не попадало солнце. Я застегнула юбку на молнию сбоку. Она сошлась намного легче, чем в прошлый раз. Ещё похудела. И нет весов, чтобы взвеситься и узнать, насколько я стала легче. Такой график работы не давал расслабиться. Моя раковина была свободна, и я заняла её. Умывшись и заколов русые волосы крабиком, я повязала белую косынку и

скептически улыбнулась самой себе.

Для меня утро всегда ассоциировалось со спешкой, потому что я никогда не могла заставить себя встать пораньше и сделать все дела не торопясь. Всегда всё в самый последний момент. И здесь было абсолютно так же, только теперь торопилась не я одна, а ещё шестьдесят женщин. Кто-то шёл, чуть ли не бежал, кто-то и вовсе бежал, кто-то толкался, не оглядываясь, как будто это уже стало нормой их бытия. И я научилась маневрировать среди них всех. Застегнув верхнюю пуговицу куртки, вдохнула затхлый запах чьих-то вещей и направилась к выходу.

6:00.

Вроде бы светило солнце, небо было ясное, голубое, но по утрам холод ещё пробирал, если стоять в тени. Я бы с удовольствием надела брюки, но нельзя. Все обязательно должны быть в юбках. Мы с девочками двигались как можно интенсивнее, выполняя утреннюю зарядку, чтобы согреться. Кто-то двигался чересчур карикатурно, что выглядело смешно и выделялось из толпы. Я уже ждала обеда: тогда смогу положить голову на двадцать минут и попытаться провалиться в сон. Тут я любила спать. С удовольствием вообще не просыпалась бы.

— Зарядка закончена! — крикнула девушка с крыльца.
— Строимся на завтрак!

Я нашла в сонной утренней толпе Эн и Диану и встала рядом с ними.

— Сегодня должны новеньких привезти, — услышала я из глубины строя.

Мне всегда было интересно смотреть на новеньких: вдруг увижу знакомое лицо. Хотя я и твердила себе, что никого не жду, в глубине души знала, что это совсем не так. Я всё-таки кого-то ждала.

— Чёрт, я ложку в отряде забыла. Я сбегая за ней. Задержите всех, пожалуйста, — сказала Эн и уже повернулась к входу в локалку, но я успела схватить её за рукав зелёной куртки.

— Возьмёшь мою. Я не завтракаю, только круг сделаю и пойду обратно в отряд пить кофе.

Я не завтракала в столовой, потому что там были только каши. Ничего не имею против каш, но не все могу есть. Только гречку. Остальное... ну не могу. Даже когда собственная еда в бауле заканчивалась, на завтрак в столовой я могла съесть только кусок хлеба и выпить сладкий чай. Перебыюсь. Но завтракаешь ты или не завтракаешь — всё равно надо идти. Это называлось «круг почёта».

Мы построились в ряды по пять человек и пошли тремя отрядами в сторону столовой. Зайдя за угол здания, где располагался мой отряд, мы вышли на другой плац. Оттуда до столовой было по прямой, поэтому и повеяло баландой. Неважно: детский сад, школьная столовая, буфет колледжа, столовая на зоне — всё пахнет одинаково отстойно.

Перед входом выстроилась очередь в одну линию: все

женщины по одной по-быстрому проскакивали в одинарный дверной проём. Кто оставался на завтрак — вставал в очередь, которая начиналась с лестницы первого этажа и тянулась до самой столовой на втором. Когда подходила очередь, брали на раздаче коричневые подносы. Ставили на них сладкий чай в бежевых пластиковых кружках. Подносы пахли селёдкой, если накануне на ужин была селёдка. Ещё они могли пахнуть не до конца смытым моющим средством, очень похожим на самую противную разновидность хозяйственного мыла. Здесь всё чем-то пахнет. Когда настала моя очередь проскочить через вход в столовую, я быстрым шагом сделала круг и пошла к выходу. Выход был с другой стороны, поэтому это и называли «кругом почёта». Оказавшись на улице, я заметила, что солнце уже начало прогревать воздух и находиться снаружи стало намного приятнее. Я вдохнула относительно свежий воздух и увидела, что строй по два человека уже собирался уходить. Я крикнула им вслед:

— Разрешите пройти с вами!

Я видела, что надзорка уже собиралась ответить мне отказом, но не успела: я подбежала и встала в их строй. И мы все быстрым шагом пошли по своим отрядам. У нас было пятнадцать минут позавтракать в отряде.

Я здесь уже три года и до сих пор не могла принять эти правила — передвигаться строем и в сопровождении инспектора. Маршрут, на который свободным шагом ушло бы максимум пять минут, порой занимал то полчаса, то час. Но,

конечно, иногда можно было схитрить, пробежать, пока никто не видит. Правда, если тебя замечали во время очередного обхода территории, мало не покажется.

— Бля-я-ять! — крикнула шепеляво Нэнси. — Кто опять оставил чайник после себя пустым?

Видимо, я не успею попить кофе. Ладно, разберусь с этим на промке. Я пошла в каптерку: нужно было собрать с собой немного перекуса на весь день, тем более с утра я так ничего и не выпила. В комнате хранения вещей аншлаг. Кто-то залез наверх и там рылся в своём бауле, тоже собирался. Кто-то вальяжно разложился и не давал пройти другим. И запах. Кто-то засунул недосушенные вещи в баул, и они стухли. Как же въедается этот запах — хочется поскорее выбраться наружу и продышаться. Я по-быстрому собрала в прозрачный целлофановый пакет несколько конфет и чайных пакетиков и незаметно спрятала его в лифчике. Ну, немного подтают, но вариантов немного: есть захочется в течение дня.

— Проверка! Выходим! — раздался звонкий голос с улицы.

Я успела опереться о стену здания, выкрашенную белой краской, но моментально отошла: она оставляла белые меловые следы на одежде. Подвинулась поближе к стоящим впереди девочкам. Кто-то всё-таки ушил свою робу так, что она сидела по фигуре и красиво подчёркивала изгибы женского тела. Кто-то, наоборот, просто забил. Мне, можно сказать, повезло: выдали мой размер, поэтому сильно менять ниче-

го не пришлось. Иногда казалось, будто специально выдают форму совсем другого размера, чтобы ещё раз немного принизить здесь человеческое достоинство и, самое главное, индивидуальность. Тут задача заполнить твоё время так, чтобы тебе было попросту некогда о чём-либо подумать. И если действительно не сопротивляться, то уже через пару лет себя не узнаешь. Многие вещи, которые ты считала дикими, становятся для тебя нормой. Сшить красивый чехол для ложки и постоянно носить её в кармане. Прятать крышку от консервной банки, чтобы ею можно было что-то нарезать, например колбасу.

— Ты сегодня до сколько? — спросила меня Диана, стоя справа от меня в соседнем строю.

— Я планирую до четырёх, — выдохнула я. — Хочу прийти поспать и вечером опять на фабрику пойду.

— Тогда вместе пойдем на ужин. Я подожду тебя. Я сегодня слышала, что в столовой будет пюре и котлеты.

— Ну это практически праздничный ужин, — рассмеялась Эн. — Лив, тогда с фабрики выходим в четыре вместе. И только попробуй заднюю дать.

— Пюре с котлетами — предел столовых мечтаний, а выйти с фабрики в четыре — это почувствовать себя человеком, — рассмеялась Диана. — Мне вас, промку, не понять. Да, я хозработник, постоянно что-то куда-то переношу, перекапываю запретку, но зато каждый день в четыре вечера я уже свободна и занимаюсь своими делами. Вообще не понимаю,

как и зачем вы остаётесь там до ночи.

— И то за выход в четыре такое чувство вины ощущаешь ещё, — добавила Эн.

— На самом деле, если мы будем выходить в четыре каждый раз, то и зарплата у нас будет по триста рублей максимум. Это две пачки сигарет. А курить хочется, — сказала я.

Большую часть отрядов уже пересчитали, и главный инспектор смены пошёл в нашу сторону. Когда он приблизился, осуждённая, которая нас каждое утро будила, громко крикнула: «Три-четыре!». И весь отряд хором, громко и звонко: «Здравствуйте!»

Прозвучала команда: «Голос!»

Нас посчитали, и мы пошли строем в сторону фабрики.

— А много новеньких должно сегодня приехать? — спросила я.

— Я слышала, что большой этап едет. Может, человек четырнадцать, — ответила Диана. — Нужно, чтобы с большими сроками, чтобы интересные были. А то в последнее время скучно. То полтора года, то два.

— Так у тебя у самой трешка, что ты начинаешь-то. И у меня трешка, — прозвучал голос Эн. — И вообще этой осенью я уже пойду домой! — наигранно похвастала она.

Мне стало как-то грустно. Потому что я старалась не думать об этом. Ведь в ноябре Эн освобождается. А в октябре у Дианы суд по условно-досрочному освобождению. И шанс высокий, что она пройдёт и тоже этой осенью окажется дома.

Нет, я не завидую. Но только чуть-чуть. По-хорошему. Потому что тоже хочу. А у меня впереди ещё три года и три месяца. Как представляю, сколько у меня ещё впереди, — жить не хочется. Кажется, проще умереть. Но позади ровно столько же, значит, половина пути уже пройдена. Это немного успокаивает.

— Через сколько крой отдашь? — с наездом спросила Мавлюда, вплотную встав перед моей машинкой. — Мне сколько тебя ждать надо еще?

— Не переживай, — я оторвала взгляд от швейной машинки и улыбнулась ей. — Ты обязательно узнаешь, когда я закончу.

В этом месте большая часть женщин, научившись быстро шить — да, именно быстро, а не качественно, — надевает некую корону и начинает считать себя выше остальных. А я не торопилась. Я специально не торопилась, потому что если сделаю много брака, то никто не будет помогать мне всё это исправлять.

Мавлюда что-то фыркнула на своем и недовольно ушла.

— Как же она заебала, — выдохнула я. — Это она ещё не знает, что я сегодня с ней не остаюсь до поздней ночи, а выхожу в четыре.

— Пусть до последнего и не знает, что ты выходишь, — прокомментировала сидевшая рядом Кристина и рассмеялась. — Тебе что, каждый день до часу ночи с ней оставаться? Тебя вообще не должно волновать, что ей хочется быть

впереди планеты всей.

— Да, ты права.

Я снова продолжила отшивать крой. Впереди было ещё полтора часа монотонной работы до первого перерыва. Вокруг шумели моторы, разговаривали женщины, кто-то уже что-то не поделил и выяснял отношения. Прошло только полчаса от начала рабочей смены, но я уже ощущала себя грязной. Чувствовала липкий жирный слой на лице, к которому прилипали текстильная пыль и частички синтепона. Я взяла влажную салфетку и протёрла ею лицо. Ну всё, теперь легче.

9:00.

Шум машин почти одновременно стих. После двух часов непрерывного грохота внезапная тишина даже давила на уши. Кто-то уже хватал сигареты, кто-то чай, кто-то шёл в туалет. Всего десять минут — поэтому все торопились. А я ожила, сделав первый глоток сладкого растворимого кофе за сегодня.

— Спрячь! — шепнула Кристина.

Я одним ловким движением спрятала кружку с кофе в стопку отшитого кроя и надеялась, что меня не заметили. Я далеко не первый день здесь, но всё равно каждый раз в такие моменты сердцебиение учащалось и становилось страшно попасться. Ведь если инспектор найдёт у меня что-то съедобное на промке, то это нарушение. А нарушение — огромная палка в колёсах на пути домой пораньше. А домой хо-

чется: меня там ждут.

— Кажется, прошла мимо, но всё равно тоже смотри. Она может обратно этим же путём пойти, — сказала Кристина, оглядывая цех. — У тебя сегодня звонок, помнишь?

— Да, как не помнить. Я сегодня в четыре и выхожу ради него.

— Кому сегодня звонишь?

— Я хочу попробовать дозвониться до Логана. Он два звонка подряд не отвечал, — сказала я. — Я уже начинаю переживать.

— Лив, не думай лишнего, не загоняй себя ещё сильнее. — Кристина положила руку мне на плечо, и мне стало легче.

Я была примерно того же возраста, что и её старшая дочь. Двадцать четыре. И внешне тоже напоминала Кристине её дочь. У меня светло-русые волосы чуть ниже плеч, серые глаза и светлая кожа. Сейчас, конечно, от аристократической белизны мало что осталось: на проверках приходится стоять под солнцем, и загар быстро прилипает. Когда меня сюда привезли, мне рассказывали, что тут грязный загар. Я не понимала. Но сейчас и сама стала обладательницей такого загара.

— У нас осталось пять минут. Все, пошли! — сказала Кристина, и мы тоже пошли в курилку.

Вот куда переместился весь гул. Он был здесь — в курилке. Все разбились по своим кучкам: кто с кем пил чай и ходил курить. В первое время я думала, что тут не так страшно:

милые девочки, все зовут с собой покурить. Но звали до тех пор, пока у меня впервые не закончились сигареты. Именно в момент, когда у тебя тут заканчивается всё, ты отсеиваешь ненужных тебе людей. Баульщиц. Тогда мы и познакомились с Кристиной. Она подошла ко мне и сама позвала курить, а на мой ответ, что у меня нет, сказала: «Вот ты глупая! Пошли». И с тех пор я ощущала на себе её опеку. Порой она меня и бесила, я хотела отделиться, но когда ты держишься с кем-то, выживать проще. Это я, кстати, тоже только тут поняла.

— Тебе сколько еще осталось до тридцать пятого? — спросила высокая и худощавая женщина, держа сигарету губами, потому что передних зубов не хватало.

Зная, что она сидит уже девятый или десятый год, а впереди ещё около четырёх, становилось немного не по себе. Сразу начинала высчитывать, сколько мне было лет, когда её посадили.

— Не на мне стоит! — Мавлюда самый обычный вопрос сразу восприняла как предьяву. — Если поторопишь её, — она показала в мою сторону, — то весь отдам к шести-семи.

Она еще не знает, что я выхожу в четыре. Я повернулась к ним спиной, чтобы они не увидели мою улыбку.

— Нет, не надо никого торопить. Я, наоборот, хочу сегодня выйти пораньше. Мне дочери надо позвонить, — сказала Нэнси и выкинула бычок в урну. — Сколько успеем, столько и успеем. До отгрузки время ещё есть. С этими словами она

зашла обратно в цех.

— Сегодня я обязана выйти в баню. Я уже два раза подряд пропустила. Я больше не могу мыться в раковине и ведёрком, — пожаловалась девушка лет тридцати пяти. Я не знаю её имени. — У меня стирки накопилось! Я даже не представляю, где всё сушить потом. На улице попиздят опять наволочки и простынь. Устала уже новые выписывать за свой счёт.

— Я завтра иду на длительное, там в нормальный душ схожу — одна! Без всех вас, — похвасталась другая девушка, а её, по-моему, звали Вики. — Ко мне муж приедет. Отдохну от всех вас наконец-то!

— Сегодня должны принести подписанные заявления на звонки, а то у меня не осталось. Вот сегодня позвоню — и всё, больше нет, — сказала в курящей толпе Лиза. — Каждый раз сдаю по семь-десять, но приносят два. Как будто про запас нам подписать их!

Я затянула сигаретный дым в лёгкие и медленно его выпустила. Тишина бывает здесь редко. Вокруг постоянный информационный шум. Хочешь — не хочешь, будешь всё обо всем знать. Я повернулась к Кристине и сказала:

— У нас осталось две минуты.

— Не опоздаешь. Видишь, сколько людей еще в курилке. По камерам будет сложно понять, кто именно задержался на перерыве.

Я согласилась с этим, но внутри всё равно сохранилась

тревога: я задерживалась на перекуре, надзорка могла сейчас зайти, снять всех на свой регистратор, а потом ходи, бегай, уговаривай не вешать нарушение... Иногда завидую спокойствию Кристины, ну или пофигизму.

— Там карантин приехал. Побежали смотреть! — кто-то крикнул, и большая часть людей выбежала из курилки.

В первом цеху, где я и работала, из окна в туалете открывается очень хороший обзор на вновь прибывших людей. В этот момент можно еще увидеть их до перевоплощения в зеленую робу. Я не любила бегать смотреть. Все равно же увижу их. Мы с Кристиной остались в курилке спокойно документировать и только потом пошли к рабочим местам.

На обед — капуста на первое и капуста на второе. Из напитков можно выбрать кисель или... да, тоже кисель.

— Черт, я ложку забыла забрать, — выдохнула я и оторвала нижнюю корочку от столовского хлеба, сделав импровизированную ложку. Этому меня научили тоже здесь.

— Говорят, восемнадцать человек приехало, — сказала Скарлетт. — Дай, пожалуйста, майонез, — одновременно попросила она. — Молоденькие.

— Да, я видела четверых из них в санчасти, когда за таблетками ходила, — добавила Мэди. — Выглядели они не очень. Наверное, наркоманки.

— Слышь, — встряла Елена, — по-твоему, я тоже ужасно выгляжу? — и рассмеялась.

— Определённо ужасно, — прокомментировала я. —

Особенно в этом пиджаке и косынке, — я рассмеялась, поправляя на себе точно такую же одежду.

Елена была красивой девушкой, но ее прошлое все же оставило сильный отпечаток и на ее здоровье, и на ее внешности.

— Я после этапа тоже отвратительно выглядела, — вспомнила я. — Помню: январь, холод, а я в лёгкой одежде, потому что мою тёплую куртку кто-то украл. Сто пятьдесят километров растянулись на месяц пути. Помню, что хотелось есть и согреться. А вы затыкали дырку унитаза бутылкой, чтобы оттуда ночью не вылезали крысы?

— Фу! Ну зачем за столом, — сморщила лицо Скарлетт. — Мой этап прошёл полегче, мне не встречались крысы.

— А мы их даже кормили, чтобы они нас не кусали, пока мы спим, — продолжила я.

— Лив, ну всё, перестань, — Мэди вступилась за подругу.

— А карантин же сам за едой ходит, да? — спросила я. — Просто никого из них нет.

— Да, наверное, просто сопровождение все ждут, — высказала своё предположение Скарлетт.

— Заканчиваем! — на весь обеденный зал громко сказала девушка лет тридцати с длинными тёмными волосами, собранными в высокий хвост. Она была в камуфляжной форме. Мария Ривера. Один из немногих адекватных инспекторов в этой колонии. С ней можно было найти общий язык и о чём-то договориться. — Выходим и строимся!

На обратном пути к промзоне нас даже не пересчитали. За три с лишним года в этих стенах я такого не припомню. Или мне показалось? От однообразия мозг уже сам придумывает разные сценарии.

И снова впереди несколько монотонных часов.

Я начала проваливаться в сон, но руки продолжали подгибать ткань, а нога — нажимать на педаль. В таком состоянии я несколько раз прошивала себе пальцы. Это казалось страшнее, чем было на самом деле. Тут ежедневно набирается минимум пять прошитых пальцев, а то и больше. Поначалу это казалось страшной травмой, а теперь уже никто особо не обрабатывал. Максимум — промыть и забинтовать влажной салфеткой. И всё.

Я резко вздрогнула: ко мне кто-то подбежал. Повернулась — Кристина. Она нагнулась и проговорила мне на ухо:

— Кажется, будет общий вывод с фабрики. Уйдем все в четыре. И даже Мавлюда.

Я окончательно проснулась.

— Откуда такая информация? Почему?

— Я пока курила в туалете, увидела, что было большое построение. Были инспектора, начальники отряда, ну вся администрация. И Кейн что-то объявлял. Видимо, серьезная проверка едет.

— Кто такой Кейн? — в недоумении спросила я.

— Ну как его, Райд, мистер Райд.

При упоминании Райда я поморщилась. Именно благода-

ря ему я вместо библиотеки оказалась на швейке. Три года прошло, а тот разговор до сих пор вспоминать было противно. Я снова посмотрела на Кристину: если это действительно проверка, почему нас собираются выводить раньше времени?

14:00.

— Девочки, кто остаётся после четырёх? — спросила бригадир. — Мне нужно составить список.

Большая часть находившихся в курилке людей подняла руки, чтобы их записали. Я искала глазами Мая, нашего бригадира. Мне нужно было предупредить её.

— Я в четыре выхожу. Меня не теряй, — я подошла к бригадиру. — Сегодня ночью дошью крой и отдам.

— Лив, не переживай, — улыбнулась Мая. — Ты не опаздываешь. И вообще, я советую тебе остаться сегодня в отряде и отоспаться. Ты нам живая нужна, а то посмотри на себя, — она провела взглядом с головы до ног, — ссохлась вся! Ничего от тебя не останется. А синяки под глазами? Что это такое? Поэтому, если почувствуешь, что нет сил и желания, не приходи сегодня на фабрику ночью. Поняла меня? Не заставляй себя.

— Спасибо, — улыбнулась я и пошла обратно в сторону Кристины.

Курилка представляла территорию, огороженную по периметру профлистом. В обед, когда солнце в зените, она сильно нагревалась, и становилось невозможно в ней нахо-

диться.

Зной. Сигаретный дым. Галдёж.

— Там скорая приезжала. Двух из карантина увезли, — услышала я в толпе.

— А я слышала, что приехали и просто сбили температуру. И что забирать никого не стали.

— Ну, в жилзоне во время обеденной проверки, говорят, карантин вообще не видели.

— Наверное, грипп или отравились чем-то во время этапа, — пыталась унять всех Мая. — Не развозите ерунду. Отшивать всё равно надо будет. Отгрузку никто не отменял! — Она закурила сигарету. — Ночью ещё холодно, днём уже жарко. Вот и простыли девочки. Не придумывайте.

Я выбросила недокуренную сигарету. В этой духоте невозможно курить. Я сняла косынку и распустила волосы. Почувствовала, как голова задышала.

— Внимание! — раздался крик из цеха.

Я быстрым и уже отработанным движением вернула козынку на голову, будто и не снимала. Оглянулась: несколько женщин делали абсолютно то же самое. Никому не нужны нарушения. До конца перерыва оставалось ещё пять минут, поэтому я никуда не встала и продолжила сидеть на скамейке.

В курилку зашла Ривера. Тишина. Она окинула всех присутствующих взглядом и сказала:

— Внимание! Кто планирует выход с фабрики в четыре,

то бегом строиться на вывод.

— А что, в четыре не будет вывода? — спросила бригадир.

— Нет. Следующий вывод будет только в восемь, — ответила Ривера. — Поэтому давайте-давайте, а то не успеете. — И она ушла.

За более чем три года здесь это было во второй раз. В первый раз случилось масштабное отключение электричества, и нас всех вывели ещё до обеда. Наверное, действительно ехала серьёзная проверка.

На неплановый двухчасовой вывод построилось больше человек, чем обычно. Я оглянулась и встретила взглядом с Мавлюдой. Она с прищуром смотрела в мою сторону, была недовольна. Я ей улыбнулась и помахала рукой.

— Ну всё, не издевайся над ней, — прокомментировала Кристина. — Но так ей и надо, всех достала уже.

Строем по пять человек мы пошли в свои отряды. Наш — четвёртый. На плацу, кроме нас, никого не было. Инспекторов для сопровождения тоже не оказалось. Мы шли сами по себе, как нам и сказали.

— Только что звонили из дежурной части. До ужина из отряда никуда не выходим. Сидим в отряде. Надеюсь, все услышали, — сказала завхоз. — Если мне будут высказывать, я отправлю вас, и будете сами объясняться. Слышали все?

В это время был хороший напор горячей воды, и я побежала занимать свою раковину в умывальнике. Она была крайней, у окна с подоконником. Я поставила на него свои бан-

ные принадлежности. Сняла всё, что выше пояса, и начала намыывать тело ароматным мылом. Рядом со мной то же самое делали ещё семь женщин. Брызги летели в разные стороны. После того как я помыла голову в раковине, набрала воды в небольшое ведёрко и зашла в кабинку туалета. Кабинок было пять на шестьдесят человек. Работали четыре. Перегородки были из прозрачного пластика. Дверь в кабинку не закрывалась изнутри. Ну тут и ошибочно не зайдёшь: ты и так видишь, какая кабинка занята, а какая нет. Четыре женщины сидели на унитазах за прозрачными перегородками и подмывались ведёрками. Никогда не думала, что так буду мыться. А сейчас это был единственный способ остаться свежей, когда в душ можно сходить только два раза в неделю.

17:00.

После ужина мы вчетвером сели в чаепитке попить чай.

— Сегодня ходили, укрепляли колючку, проверяли забор. Не думаю, что этим должны мы заниматься. — Ди показала руки. — Я вся изрезалась.

— А проверка приезжала? — спросила Кристина.

— Какая проверка? Никого не было, — даже не поняв вопроса, ответила Ди. — Я весь день в жилке и никого не видела. Только местные, и всё. — Она развела руками и поднесла чашку чая к губам.

— А кто телевизор сломал? — раздался недовольный крик из другой части отряда. — Он не включается!

— Ни дня без ора, — выдохнула я и пошла смотреть, что происходит.

Я подошла к телевизору. Действительно ничего не показывал. Лишь серый экран и шипение.

— Может, авария какая-нибудь?

Всё равно по этому телевизору не показывали ничего интересного. Я пошла к своей шконке и прилегла поспать.

— Внимание! — крикнула завхоз. — Идёт начальник отряда!

И часа прилечь не дадут. Я вскочила, поправила заправочную простынь, чтобы не было видно, что на ней только что лежали, и встала рядом со шконарём.

— Три-четыре!

И все хором: «Здравствуйте!»

Я пошевелила губами, еще толком не проснувшись.

В секцию зашла молодая женщина, но из-за помады и стрижки казалась намного старше своих лет. Это была мисс Митчел.

— Строимся! — объявила она. — Сейчас вас посчитаю, и можете заниматься своими делами.

Вечерняя проверка должна была быть в девять, но сейчас не было ещё и шести. Мы построились по проходам между спальными местами по пять человек. Она прошлась по рядам, всех посчитала и вернулась на прежнее место.

— Так, — произнесла она. — Внимательно все меня слу-

шаем. За последнее время со стороны осуждённых было допущено огромное количество нарушений распорядка. Кто-то находился на спальном месте в неотведённое для этого время. Кто-то прошёл из бани без сопровождения. Кто-то пронёс продукты питания на фабрику.

— У нас не было таких нарушений за последнее время, — встряла Мая.

— Это касается всех отрядов, — ответила миссис Митчел. — Начальником исправительного учреждения было принято решение наказать все отряды сроком на две недели.

— Станки опять забираете? — выкрикнул кто-то из последних рядов. — Да сколько можно! Я и так пропустила предыдущую баню, так теперь еще две недели побриться не смогу.

— Так, — строго одёрнула начальница отряда. — Отставить! Станки остаются. Две недели без телевизора и телефонных звонков.

Строй из женщин начал громко возмущаться.

Кристина сразу посмотрела на меня.

Я уже два звонка не могла никак дозвониться до Логана. Это две недели. Я понимала, что человек мог просто отвлечься, не услышать звонок или быть действительно занятым. Это у меня тут только определённое время и пятнадцать минут на дозвон и сам разговор. Он увидел пропущенный звонок и продолжил жить дальше. А у меня в голове страшная неизвестность. Может, с ним что-то случилось?

Или, может, он с кем-то? Чёрт, я не могла перестать думать об этом... Мне нужно услышать его. Мне нужна ясность.

— Я две недели его не слышала, — прошептала я Кристине, пока в строю решали, из-за кого так всех наказали. — Да я живу тут только от звонка до звонка ему... Длительное свидание ещё не скоро... Я просила маму дозвониться до него. Он сказал ей, что много работает. Он же знает точное время и день моего звонка. Суббота в шесть вечера. Трудно держать телефон рядом? — Я пыталась сдержать слёзы: если дать им волю, то я не смогу так просто остановиться.

— Малышка, — приобняла меня Кристина. — Не думай о плохом, ты этим только себе хуже делаешь. Напиши письмо. Когда-нибудь оно дойдёт до него.

— Он мне рассказывал, что переехал. Я не знаю адрес, — прошептала я. — Я записала его новый адрес на листочке и потом на нём же составляла список покупок в магазине. И выкинула, скорее всего.

— Не думай об этом, — успокаивала меня Крис.

Митчел оглядела весь строй взглядом в поисках кого-то.

— А вот ты где, Дэвис, — сказала она, обращаясь к Диане. — Собери весь хозотряд и идите в дежурную часть.

— Миссис Митчел, а вы не знаете, это надолго, ну стоит переодеться в рабочую одежду? — уточнила Диана.

— Я не могу точно ответить, но если задержитесь допоздна, то завтра разрешаю всему хозотряду тоже поспать до десяти вместе с фабрикой. Так что лучше переоденьтесь, —

ответила Митчел и ушла в свой кабинет.

К восьми вечера я сделала все свои бытовые дела в отряде. К этому времени должны были прийти девочки, которые остались на фабрике. У них около двадцати минут, чтобы закинуть в себя что-нибудь и снова убежать на фабрику, поэтому те, кто уже был в отряде, старались оставить комнату приёма пищи пустой и не мешать. Я лежала на шконке на боку, поджав ноги к себе. Для уюта накрылась своим зимним платком и читала роман в мягкой обложке. Только книги и сны дают возможность почувствовать свободу, находясь в этом мире.

20:30.

— Лив, оставайся и поспи. Не иди ты на эту швейку, — проворчала Эн. — Пошли лучше чай с чем-нибудь вкусным перед сном попьём.

— Я уже собралась, — ответила я и вышла из отряда в локалку к остальным, кто тоже собрался на фабрику в ночь.

Нас желающих было около двадцати человек. Все они разбрелись по локальной зоне. Кто-то курил, кто-то отошел в сторону, чтобы не дышать этим дымом. Кто-то ходил вдоль забора и обратно, измеряя шагами расстояние. Я достала пачку, посмотрела и убрала ее обратно в карман. Не стала закуривать.

— Вывод задерживается, что ли? — кто-то спросил.

— Может, не досчитались кого-то или уснул кто-то на фабрике.

— И в отряд тоже никто с фабрики поужинать не забегал. Все, что ли, в столовую пошли сегодня на пюре с котлетами?

Может, мне действительно остаться сегодня в отряде?

— Фабрика отменяется! Заходите обратно, — выбежала на крыльцо с новостью Стеф, наш завхоз. — Только что из дежурки сообщили.

Значит, точно приехала проверка. Наверное, они не стали выводить оставшихся с фабрики, чтобы по камерам не было видно, что в этой колонии есть незаконные переработки.

Несколько человек начали возмущаться, что им не дают шить, работать в ночь, что у них скоро отгрузка пошива. Но большая часть девочек радостно воскликнула и побежала в отряд делать свои девчачьи дела. И я побежала вместе с ними.

После внеплановой проверки нас больше не строили. Все режимные мероприятия остались позади. День подошёл к концу. Кто-то заваривал последний чай, кто-то ещё переговаривался через несколько кроватей, а кто-то уже храпел. Я приняла удобную позу, натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Наконец-то я снова была в постели и могла немного отвлечься от реальности.

— Ты завтра во сколько встаёшь? — раздался за спиной голос Эн.

— Я буду спать до последнего. До десяти. И если меня кто-нибудь разбудит, я его убью.

— Даже если на завтрак?

— Тем более. Спокойной ночи.

— Добрых, — ответила подруга и ушла в свой проход.

Интересно, чем сейчас занимается Логан? Как часто он думает обо мне? Я не смогу звонить две недели — может, он насторожится и будет более ответственно относиться к моим звонкам...

Где-то за стеной коротко лязгнул металл. Я приоткрыла глаза и прислушалась. Похоже, в карантине снова хлопнули дверь. Даже ночью здесь редко бывает тихо.

03:17.

Меня подбросило на кровати от глухих ударов в металлическую запасную дверь — она была метрах в десяти от моей шконки. Я открыла глаза. Вокруг стояла полная темнота. Только луна пробивалась сквозь окна, на которых не задёгнули шторы. Ночной свет обычно не выключали, и я уже отвыкла от такой темноты. Я оглядывалась, пытаюсь понять, что происходит.

— Ты слышала? — шёпотом спросила соседка с верхней шконки.

— Что происходит? — пробормотала я, скорее себе, чем ей.

Удары повторились. Будто кто-то пытался вломиться к нам внутрь.

— Обход должен быть. Может, мы дверь закрыли и надзорка попасть не может? — предположил кто-то. — Я пойду открою.

— Стой! — крикнула я шёпотом и вскочила, чтобы успеть её остановить. — Дверь открыта! Я сама перед сном оставила её незапертой для ночного обхода.

Собственный пульс я слышала лучше голоса. Почему мне так страшно? Это же просто стук... Но если дверь открыта, почему они не входят? Надо закрыть её. И как можно скорее.

Не надевая обуви, я на цыпочках пошла к запасной двери. Она действительно была не заперта. Я замерла в нескольких шагах от неё. Почему они не могут просто войти? Зачем так ломиться?

— Там же карантин находится, да? — услышала я за спиной.

— Да, — ответила Мая. — Может, крыша поехала у кого-то из новеньких? Или отхода? Кто их знает... Выглядели они так себе.

По металлу снова забарабанили — теперь без остановки. Грохот прокатился по всей секции. Уже никто не спал. Под этот шум я осторожно задвинула засов на запасной двери и вернулась к остальным.

— Я главную тоже закрыла, — выдохнула Стеф. — Что за чертовщина! Есть у кого спички? А то ничего не видно.

Уличное освещение тоже погасло. Наши окна выходили на административные здания за забором — там было темно. Обычно при отключении электричества в жилзоне меньше чем через минуту запускался резервный генератор, и свет возвращался. Поэтому во время отключений всех выводили

с фабрики: чтобы были на виду. Но сейчас генератор почему-то молчал.

— Стеф, звони в дежурку, спроси, что это за хуйня, — сказала я. — Меня это уже пугает.

— Электричества нет. Как я позвоню?

— Чёрт, — выдохнула я.

Удары оборвались. Наступила тишина.

— Наконец-то её скрутили... Чокнутая совсем. Надеюсь, после карантина её не к нам в отряд, — сказала Эн. — Стеф, открой чаепитку. Пойду хоть перекушу.

— Тихо! — шепнула я.

Я снова подошла к запасной двери и прислонилась ухом к холодному металлу. За ней было тихо. Ни шагов, ни голосов. Если бы пришли сотрудники и кого-то скрутили, мы бы слышали. Только мой пульс грохотал в голове.

— Откройте! — по ту сторону двери раздался женский крик. — Помогите! Прошу! Откройте! — Женщина захлёбывалась слезами.

Меня пробрала дрожь.

— Может, в карантине конфликт произошёл, — предположила Эн. — Её надо впустить. Она же просит помочь. Слышите? Она плачет! Мы что, звери? — Эн подошла ко мне. — Открой дверь.

Я отрицательно покачала головой.

— А нам кто потом поможет? — шёпотом спросила я и заслонила собой дверь, не подпуская Эн.

По лестнице за дверью застучали шаги. Судя по звуку, бежало несколько человек. Мы с Эн одновременно повернули головы.

— Назад! — раздался мужской голос. Обычно сотрудники отдавали команды уверенно и спокойно, но сейчас я услышала в его голосе тот же страх, что чувствовала сама. — Я сказал, назад!

Внезапно темноту разорвала оглушительная сирена. Мы невольно зажали уши. Что происходило за дверью, больше не было слышно.

Глава 2. После сирены

03:17.

Сирена завывала так громко, что я даже не сразу поняла, откуда идёт звук. Он будто появился у меня внутри головы. Эн стояла совсем рядом, держалась за уши и что-то кричала, но я видела только, как шевелятся её губы. В проходе кто-то врезался плечом в тумбу, кто-то выронил кружку. В полной темноте мы начали толкаться, хотя места в секции меньше от этого не стало.

Я стояла у запасной двери и смотрела на засов. Он был задвинут. Я сама его закрыла. И теперь почему-то не могла отойти.

Из окна падал слабый лунный свет. Генератор так и не запустился. Обычно в таких случаях достаточно подождать совсем немного — сначала щелчок, потом лампы загораются одна за другой. Но сейчас прошло уже несколько минут, а вокруг ничего не изменилось.

Сирена оборвалась так же резко, как началась. У меня зазвенело в ушах. И в этом звоне я услышала женский голос: — Пожалуйста! Я здесь! Откройте!

Она успела выкрикнуть ещё что-то, неразборчивое. Потом послышался глухой удар, будто на лестнице уронили что-то тяжёлое. Крик оборвался. За ним — быстрые шаги. Несколько человек бежали по лестнице, перебивая друг дру-

га. Кто-то вскрикнул ещё раз, уже дальше, и стало тихо.

— Что это было? — спросила Эн.

Я посмотрела на неё. Лучше бы она не спрашивала. У меня не было ни одного ответа, который я сама готова была услышать.

— Открой, — сказала она.

— Нет.

— Лив, она же там!

— Я слышала.

— Может, она упала!

— А те, кто побежал, кто? Ты знаешь?

Эн отступила на шаг и зло вытерла лицо рукавом. Кристина встала между нами, не давая спору продолжиться.

— Обе отойдите от двери. Если там сотрудники, они сейчас разберутся.

Очень хотелось ей поверить. Я отошла к своей шконке, нащупала ногой тапочек. Второй куда-то делся. Конечно, именно сейчас. За три года здесь я научилась находить свои вещи с закрытыми глазами, но сегодня всё шло как-то неправильно.

— Девочки, назад от выхода! — крикнула Стеф. — И не орите все одновременно!

— Так объясни, что происходит! — ответила ей Нэнси.

— Мне никто ничего не объяснял!

Это мы уже поняли.

03:26.

Стеф нашла спички. После трёх неудачных попыток она зажгла свечу и поставила её в кружку на подоконник. На столе в чаепитке появилась вторая. От двух огоньков почти не стало светлее, зато можно было хотя бы различать лица тех, кто стоял рядом.

Часть женщин рвалась к главному выходу. Они считали, что надо искать инспектора и выяснять, что за хуйня происходит. Другие требовали закрыть вообще всё, что можно закрыть, и не высовываться. Спорили громко, перебивая друг друга, будто кто-нибудь из нас знал больше остальных.

Я присела на край шконки и надела носки. От пола тянуло холодом. Нора свесилась сверху.

— Ты слышала, что было после крика?

— Шаги. И удар.

— А потом как будто тащили что-то по ступенькам.

— Может, её подняли.

— Может.

Нора коснулась пальцами шрама над бровью и посмотрела в сторону двери. Она вообще просыпалась от любого шума, а сегодня, кажется, так и не решила, что страшнее — заснуть снова или сидеть и слушать.

С главной стороны отряда послышались шаги, а потом громкий стук. Мы все притихли. Стеф подхватила свечу и пошла по проходу. Мая двинулась за ней. Я тоже поднялась, но Кристина поймала меня за рукав.

— Ты-то куда? Стой здесь.

— Я просто посмотрю.

— У нас и без тебя желающих хватает.

За дверью кто-то назвал фамилию Стеф. Она узнала голос и подошла ближе. Я не видела человека снаружи, только слышала мужской голос. Он говорил быстро, будто каждую секунду ему надо было успеть в другое место.

— Распоряжение дежурной части: отряд не покидать. Двери держать закрытыми. На стук не открывать без подтверждения сотрудника. Ждать дальнейших указаний.

— Что произошло? — сразу спросила Стеф.

— Отряд не покидать, я сказал. Всем находиться внутри.

— А свет? Связь? У нас телефон не работает?

Ответа не последовало. Снаружи застучали удаляющиеся шаги.

— Стойте! — крикнула Стеф в дверь. — Диану Дэвис и хозотряд куда отправили? Они не возвращались!

Шаги не остановились.

Нэнси выругалась, и на этот раз её никто не одёрнул.

— Это что за распоряжение такое? Сидите и не отвесчи-вайте? — спросила она.

— Значит, сидим, — ответила Мая. — Хотя бы до утра.

— А если до утра нас тут забудут?

Никто не ответил.

03:41.

Стеф попробовала позвонить ещё раз, но трубка молчала. Женщины тут же стали предлагать свои варианты: про-

верить другой аппарат, пойти в соседний отряд, постучать по трубе. Последнее мне особенно понравилось. Как будто у администрации есть специальный график приёма сигналов по батарее.

— Давайте хоть по головам не ходить, — сказала Кристина. — Сядем и нормально поговорим.

Нормально у нас не получилось.

— У меня на швейке сестра осталась, — сказала Лиза. — Она с ночной смены не вернулась, и вообще никто с фабрики не пришёл. Мы что, будем просто ждать, пока их там запрут и сожгут?

— Кто кого сожжёт? — спросила Мая.

— А я знаю? Тебе приказали сидеть, ты и рада.

Мая поднялась из-за стола. Она была выше Лизы почти на голову, и та сразу заговорила потише, хотя отступать не стала.

— Я не рада. У меня там тоже люди остались. Но если мы все сейчас выйдем на промку, ты можешь сказать, что с нами будет? Нас кто-нибудь проведёт? Откроет ворота? Или мы там будем орать и бегать по темноте?

— Значит, надо хотя бы двоим выйти и посмотреть!

— Не выйдет никто, — вмешалась Стеф. — Вы слышали распоряжение.

— Ты его слышала. Мы даже не видели, кто там стоял.

— Я голос сотрудника знаю.

— Ну и прекрасно! А Диану ты тоже знаешь. Где она?

И вот тогда я по-настоящему вспомнила про Ди.

Не просто как про человека, которого нет рядом. А как про Диану: вчера за чаем она показывала нам исцарапанные руки и ругалась, что их заставляют укреплять колючку. Обещала дожидаться меня на ужин, смеялась над нашими переработками и собиралась осенью выйти по УДО. Миссис Митчел отправила её собрать весь хозотряд и идти в дежурную часть. Ди спросила, переодеваться ли в рабочую одежду, и ей разрешили завтра спать до десяти, если задержатся.

Она переоделась и ушла. И больше я её не видела.

— Кто-нибудь вообще видел хозотряд вечером? — спросила я.

— Я слышала, их на ограждение погнали, — отозвалась Скарлетт. — Ещё до отбоя говорили. На внешку или на запертку, не знаю.

— Кто говорил?

— Девочки из третьего. Я курить ходила и подслушала их разговор через забор.

— Ты сама Ди видела?

— Нет.

— А остальные?

Скарлетт покачала головой и отвернулась. Она не любила, когда её начинали допрашивать. Я тоже не любила. Но мне вдруг стало важно узнать хоть что-то.

— Она же с рабочей одеждой ушла, — тихо сказала Эн.
— Наверное, правда ограждение делали.

— Ночью? — спросила я.

— Они и днём там работали. Может, что-то доделывали.

— В три ночи?

Эн посмотрела на меня, и я поняла, что вопрос бессмысленный. Диана ушла задолго до трёх. И если мы не знаем, где она сейчас, от наших предположений ничего не изменится.

Я решила, что утром найду способ выяснить. Сейчас надо было хотя бы понять, что происходит в нашем собственном отряде.

04:02.

Мы поделились на два лагеря. Никто, конечно, не проводил голосование и не вешал таблички. Просто одни сидели возле главного выхода, собираясь при первой возможности идти на фабрику, а вторые двигали к запасной двери тумбы.

— Нельзя её совсем заставлять! — возмущалась Эн. — Если придёт инспектор, как мы откроем?

— Инспектору мы сами откроем, если он назовётся, — сказала Мая. — А пока не будем делать вид, что там всё нормально.

— И вообще мебель казенная, — вставила Стеф по привычке.

На неё посмотрели сразу несколько человек.

— Да знаю я! — всплеснула она руками. — Двигайте уже.

Тумбы скребли по полу, женщины ругались, кому куда ставить ноги. Я держала свечу, пока Мая с Еленой разворачивали тяжёлый стол. К ножке прилип кусочек вчерашней

каши. Меня вдруг так передёрнуло от этой каши, будто из-за неё всё и происходило.

В обычный день в отряде нельзя просто взять и переставить мебель. Перед проверкой мы по двадцать минут расставляли кружки на полках, чтобы всё было «по образцу». Сейчас стол стоял поперёк прохода, перекрывая подход к запасной двери. И никто даже не вспомнил про образец.

Стеф велела не запирасть выходы окончательно. Если придёт подтверждённый приказ на эвакуацию, нам надо будет выбраться самим. Это была первая разумная мысль за последний час.

В чаепитке Кристина организовала сбор воды. У нас были кружки, чайники, пара пустых пятилитровых бутылок из-под покупной воды и ещё несколько ёмкостей, которые лучше было сначала хорошо отмыть. Напор из крана стал слабым, но вода пока шла.

— Набирайте сейчас, — сказала Крис. — Потом будете друг у друга последние глотки выпрашивать.

— А ты с чего взяла, что её отключат? — спросила Нэнси.

— Ни с чего. Поэтому и набираем.

Я сходила за своей бутылкой. Попутно нашла второй тапочек под шконкой, куда его, видимо, отшвырнула, когда вскочила. Хоть одна проблема решилась.

Лиза с ещё тремя женщинами продолжала стоять у главного входа. Они требовали, чтобы Стеф хотя бы выпустила их в локалку. Не на фабрику, так посмотреть, что снаружи.

— А если там наши девочки? — кричала Лиза. — Они будут знать, что мы здесь!

— Они и так знают, где наш отряд, — ответила Стеф.

— Значит, ты решила за нас всех?

— Я выполняю распоряжение!

— А мы здесь люди или мебель?

На последнем слове кто-то невольно посмотрел на передвинутые тумбы, и Нэнси прыснула. Никто больше не засмеялся.

04:24.

У запасной двери опять раздался звук. Не удары. Скорее кто-то задел металл с той стороны и медленно провёл по нему чем-то твёрдым.

Мы замолчали.

— Кто там? — выкрикнула Стеф.

Тишина.

— Сотрудник? Назовитесь!

В ответ — короткий стук, затем ещё один, чуть ниже первого. Я даже задержала дыхание. Не знаю, чего ждала. Что незнакомка снова попросит помощи? Что кто-нибудь крикнет фамилию и начнёт возмущаться, почему мы закрылись?

Вместо этого с лестницы донеслись шаги. Они удалились и стихли.

— Может, кто-то ранен, — сказала Эн.

— Мы же не знаем, кто это, — ответила я.

— Ты всегда так будешь говорить?

Я повернулась к ней.

— А что мне сказать? Давай откроем и посмотрим? Если там сотрудник, он только что приказал нам не открывать без подтверждения. Если не сотрудник — тем более.

— То есть вообще никому не поможем?

— Я не это сказала.

— А получилось именно это.

Кристина положила руку Эн на плечо.

— Я понимаю тебя. Но крик уже давно прекратился. Мы не знаем, что с этой женщиной. Не надо сейчас лезть туда по одной.

Эн отошла. Я осталась стоять возле стола, прислушиваясь к собственному сердцу. Меня разозлило, что Эн увидела во мне какого-то бессердечного человека. Ещё больше разозлило, что я сама не была уверена, не права ли она.

Я правда оставила эту дверь незапертой перед сном. Для ночного обхода. Потом задвинула засов у неё перед носом — перед носом у женщины, которой нужна была помощь. И сейчас не могла придумать для себя оправдание получше, чем «неизвестно, что там». Может, она стояла в двух шагах и успела бы проскочить. Может, её уже кто-то держал за руку. А может, за дверью вообще было совсем не то, что я представляла.

В тюрьме очень быстро учишься делать вид, что чужие проблемы тебя не касаются. Не потому, что тебе плевать. Просто каждый раз, когда пытаешься помочь, можно полу-

читать неприятности вместе с тем, кому помогала. Но эта женщина даже не была нашей. Я не знала, кто она. И всё равно теперь слышала её крик, хотя за дверью уже стало тихо.

04:47.

Первый хлопок раздался где-то далеко, за административными зданиями. Я бы не обратила на него внимания, если бы за ним почти сразу не прозвучал второй.

— Выстрелы, — сказала Мая.

— Ты уверена? — спросила Елена.

— Нет. Но похоже.

Мы потянулись к окнам, хотя смотреть было не на что. Свет на территории по-прежнему не горел. Из нашего окна был виден кусок плаца, часть административного корпуса и проход между зданиями. Дальше всё тонуло в темноте.

Раздался крик. Женский или мужской — не разобрала. Потом кто-то громко выругался. Звякнул металл. Вдалеке забарабанили, будто чем-то били по железным воротам.

— Бунт, — уверенно сказала Лиза. — Я сразу говорила.

— У кого бунт? — спросила я.

— У карантина. У кого ещё?

Я вспомнила вчерашние разговоры о больных новеньких. Большой этап, восемнадцать человек. Кто-то лежал с температурой, приезжала скорая. Потом нас неожиданно заперли в отрядах и отменили работу. При желании из этого можно было сложить любую историю. Но ни одна не объясняла, почему нас оставили без света и связи.

— А если это побег? — спросила Мэди.

— Куда они побегут? — Нэнси махнула рукой на окна. —

Тут и днём заборы не перепрыгнешь.

— Ну, значит, кто-то пытается.

— Пусть пытается. Лишь бы к нам не ломился.

05:03.

Издалека слышался двигатель. Кто-то выкрикнул: «Машина!» Мы прижались к стёклам, толкая друг друга локтями. По стене административного корпуса скользнули фары. Самой машины видно не было — только свет на белой штукатурке и кусок крыши, когда она проехала мимо прохода.

— Сейчас приедут, — сказала Стеф. — Значит, транспорт есть.

Я очень хотела спросить, откуда ей известно, что машина едет к нам. Но промолчала.

Фары остановились. Несколько секунд мы слышали работающий двигатель. Потом он заглох. Свет погас, и двор снова стал тёмным.

— Может, скорая? — спросила Нора.

— На скорой маяки были бы, — ответила Мая.

— Не обязательно включать их всю дорогу.

Лиза снова подняла вопрос о фабрике.

— Мы до утра так просидим, а там люди. Я не понимаю, чего вы ждёте.

— А я не понимаю, чего ты добиваешься, — устало сказала Мая. — Дверь есть. За ней локалка. Потом ещё ворота,

потом проход до промки. По пути ни одного сотрудника ты не видела. Куда побежишь?

— Ты меня не учи. Я там каждый день хожу.

— Со строем и сопровождением. Не сама.

— Вот именно! Вечно нам не дают никуда выйти. Даже когда свои там остались.

— Девочки, хватит, — сказала Кристина. — Давайте договоримся, что до рассвета никто не выходит. Тогда хотя бы видно будет, куда идти.

— И что нам даст рассвет? — спросила Лиза.

— Хотя ямы под ногами увидишь, — ответила Нэнси.

Это был, пожалуй, единственный аргумент, с которым никто не стал спорить.

Я попробовала представить себе это место. Вчера Ди показывала руки, изрезанные колючкой. Говорила, что они целый день что-то укрепляли, хотя этим должны заниматься не заключённые. И вот их опять послали. Может, обнаружили дырку в ограждении? Может, ждали побега? Тогда почему никто не объяснил нам даже этого?

Только Ди так и не вернулась.

05:21.

Светать начинало медленно. Сначала я заметила, что вижу собственные пальцы на подоконнике. Потом проявились серые стены зданий и дорожка между ними. Ни одного сотрудника на плацу не было. Обычно по утрам слышно всё сразу: двери, команды, стук каблуков, чьи-то ругательства,

смех из соседнего отряда. Даже когда мы спали до десяти, колония уже давно жила своим распорядком. Сейчас было тихо.

— Может, отменили все мероприятия? — спросила Мэди.

— Мне бы кто вчера сказал, что я буду хотеть на зарядку,

— ответила Эн.

— Я и сейчас не хочу, — сказала Нэнси. — Но если позвонят, выйду без разговоров.

Стеф попыталась позвонить ещё раз. Без толку. Потом подошла к главной двери и громко постучала изнутри. Никто не ответил. Она подождала и постучала снова.

— Вы же сами сказали не открывать, — напомнила Мая.

— Я не открываю. Я хочу, чтобы кто-нибудь подошёл.

Не подошёл никто.

Две женщины начали собираться. Натянули куртки, перевязали косынки, сложили в карманы сигареты. Я смотрела на них и понимала, что если кто-то сейчас всё-таки откроет дверь, половина отряда рванёт за ними. Не потому, что у них есть план. Просто сидеть и ждать стало невыносимо.

— После рассвета, — сказала Лиза, заметив мой взгляд.

— Мы обещали. Вот рассвет.

— Стеф ещё ничего не разрешала.

— Стеф и не разрешит.

Я не стала отвечать. В общем-то, она была права.

Кристина усадила меня рядом и сунула кусок хлеба. Я отломила немного, прожевала без аппетита. Хлеб был сухой, а

чай — давно холодный. Спросить, когда будет завтрак, казалось издевательством. Хотя я была уверена, что кто-нибудь всё равно спросит.

— Лив, — тихо сказала Эн. — Ди искать пойдём вместе.

— Да.

— И фабрику надо проверить. Там же наши.

— Надо. Только я не хочу, чтобы мы сейчас вышли и сами пропали.

— Я тоже не хочу.

Она взяла мой сухой кусок хлеба и доела его. Я почему-то успокоилась именно после этого. Если Эн уже таскала у меня еду, значит, мы хотя бы не поссорились окончательно.

05:39.

Нора позвала меня к дальнему окну. Оно выходило под другим углом, и если встать на носки, можно было увидеть участок дороги за внешним ограждением. Обычно там ничего интересного не происходило. Иногда проезжали машины. И проходили случайные люди по своим делам без строя и без разрешения.

— Что? — спросила я.

— Там кто-то бежит.

Сначала я увидела только движение. Потом мужчина вышел из-за дерева и побежал вдоль сетки. Он был далеко, поэтому лица я не различала. Светлая рубашка, тёмные брюки. Он метался туда-сюда, словно искал калитку, но при этом ни разу не попытался побежать дальше по дороге. Несколько

раз хватался за ограждение, отскакивал и снова возвращался.

— Может, пьяный, — предположила я.

— Пьяные обычно домой идут, — сказала Нора.

Мужчина вцепился в сетку и начал карабкаться. Нога соскользнула — он упал на колени. Я уже решила, что сейчас он отступит, но тот тут же поднялся и полез снова.

— Девочки, сюда! — позвала я.

К окну подошли Эн, Кристина, Мая. За ними начали собираться остальные, и мне пришлось отойти чуть в сторону, чтобы никто не прижал меня к стеклу.

— Чего он лезет к нам? — спросила Нэнси.

— Может, от кого-то убегает, — ответила Эн.

Я посмотрела на дорогу. За мужчиной никто не бежал. Может, кто-то был дальше, за деревьями, но отсюда не было видно.

Из-за угла появился сотрудник с оружием. За ним — второй. Один остановился возле прохода, другой подошёл ближе к забору и что-то крикнул мужчине. Мы не слышали слов. Он показал рукой вниз, потом в сторону дороги. Мужчина даже головы не повернул. Продолжал карабкаться, обдирая ладони о сетку.

Раздался выстрел.

Я вздрогнула и невольно пригнулась. Когда посмотрела снова, мужчина лежал у забора. Один из сотрудников держал оружие направленным в его сторону.

— Господи, — прошептала Эн. — Он же просто перелезть хотел.

— Он не слушал команды, — ответила Мая, хотя голос у неё тоже был странный.

Мужчина пошевелился. Сначала я решила, что он перекачивается на бок от боли. Но он поднялся на четвереньки, потом встал. Накренился вперёд, чуть не упал и опять схватился за сетку.

— Не попали, — сказала кто-то за моей спиной.

Мне тоже хотелось так подумать.

Сотрудники снова начали стрелять. Мужчину дёрнуло, он сорвался с сетки и упал, но почти сразу попытался встать. Один охранник отступил. Второй продолжал стрелять. Я уже не могла разобрать, какой звук шёл от какого оружия, только видела, как мужчина раз за разом тянется к ограждению.

— Да что он творит? — выдохнула Нэнси.

Никто ей не ответил.

Прогремела ещё серия выстрелов. Мужчина осел возле забора, шевельнул рукой, попытался подтянуть к себе ногу. Потом перестал двигаться.

Двое сотрудников не спешили к нему. Один держал оружие наготове, другой оглядывался по дороге. Они стояли так ещё какое-то время, пока мы молча смотрели на них из окна.

— Он под наркотиками, что ли? — спросила Мэди.

— Не знаю, — сказала я.

С такого расстояния нельзя было увидеть кровь или по-

нять, куда попали. Я не знала, сколько раз в него выстрелили. Но я видела, что после первых выстрелов он встал, а потом пытался подниматься снова. И сотрудники тоже это видели. Почему же они не подошли сразу? Почему продолжали держать оружие на нём, даже когда он уже лежал неподвижно?

Всю жизнь я думала, что ограждение здесь нужно, чтобы такие, как мы, не вышли наружу. Сейчас за ним лежал человек, который пытался попасть внутрь, а сотрудники стреляли, лишь бы он этого не сделал.

— Что там? — закричали из глубины секции. — Дайте посмотреть!

Я отошла от окна. Меня вдруг затошнило. Возможно, от голода. Или от того, что я только что увидела, как на моих глазах расстреляли человека, а я даже не могла решить, что меня напугало больше — выстрелы или то, что было между ними.

05:52.

Сначала раздался стук в главную дверь. Мы все повернулись, но никто не двинулся с места. Стеф взяла свечу, хотя она уже почти не была нужна, и подошла к выходу.

— Кто там?

— Стеф! Открой! Это я!

Женский голос был знакомым. Очень знакомым. Несколько секунд я не могла вспомнить, кому он принадлежит.

— Назовись! — крикнула Мая.

— Марго! Да Марго! Откройте, блять, я одна!

Я с Эн переглянулась. Марго ушла вчера с Дианой. Они обе были в хозотряде.

— Где Диана? — выкрикнула я раньше, чем успела подумать.

— Открой сначала!

Стеф замерла перед дверью. С другого конца секции уже кричали, чтобы не открывала. Эн бросилась вперед. Мая перегородила ей путь рукой.

— Сначала посмотрите, кто там, — сказала она Стеф.

Через боковое окно было видно только кусок крыльца. Я встала на подоконник, прижалась щекой к стеклу и увидела знакомую каштановую стрижку. Марго стояла, согнувшись, и держала одну руку у груди. Куртка была грязной, юбка разорвана на колене. Она подняла голову и увидела меня.

— Лив! Ну скажи им!

— Это она, — выдохнула я. — Это Марго.

— Одна? — спросила Мая.

Я осмотрела двор, насколько позволял обзор. Возле крыльца никого не было.

— Она одна.

Мая отодвинула одну из тумб, Стеф отперла дверь. Марго почти ввалилась в секцию. Эн подхватила её под руку и повела к ближайшей шконке. Марго тяжело дышала и никак не могла перестать оглядываться.

— Воды, — попросила она.

Кристина протянула кружку. Марго сделала несколько

больших глотков, закашлялась и утерла рот рукавом.

— Что там? — посыпалось со всех сторон. — Где сотрудники? А фабрика? Кто стрелял? Где хозотряд?

— Не все сразу! — крикнула Мая.

Я села перед Марго на корточки.

— Где Ди?

Она посмотрела на меня. Потом на Эн. И отвела глаза.

— Мы были у ограждения, — сказала Марго. — Сначала все вместе. Потом нас разделили. Нас с ней отправили к проходу возле санчасти. Там что-то случилось в карантине. Люди кричали, сотрудники бегали. Нам сказали стоять у калитки и никуда не отходить.

— И?

— Потом из того прохода выбежала женщина. Она вся была в крови. За ней сотрудник, тоже в крови. Он орал, чтобы мы закрывали калитку. Ди её закрыла, а меня вытолкнула в сторону жилки.

— Диана осталась там?

Марго кивнула. Я почувствовала, как в груди всё сжалось.

— Почему ты её не забрала?

— Я пыталась! — Она вдруг сорвалась на крик. — Я за ней пошла, а она мне: «Беги к отряду!» Там уже стреляли. Кто-то ломился в проход. Я не могла туда вернуться! Я даже не знала, куда бежать, всё закрыто было!

Кристина осторожно взяла меня за плечо. Я сбросила её руку, даже не подумав. Мне нужно было знать одно.

— Ты видела, что с ней случилось?

— Нет. Я видела, как она закрыла калитку. Потом за ней побежал сотрудник. И всё. Я больше её не видела.

— А фабрика? — тихо спросила Лиза.

Марго подняла голову. В её глазах стояли слёзы.

— На фабрике люди есть. Их не вывели. Я слышала, как они стучали из цеха, когда пробегала мимо. А охранник...

— Она сглотнула. — Он сказал, чтобы к карантину никто не подходил. Там люди бросаются на людей. Он сам не понимал, что с ними.

— В смысле бросаются? — спросила Стеф.

— Не знаю я! Я не знаю! — Марго прижала ладони к лицу.
— Я просто хотела вернуться сюда.

Женщины заговорили одновременно. Кто-то требовал закрыть все окна. Кто-то говорил, что нужно идти в дежурку и требовать вывести людей с фабрики. Стеф пыталась перекричать их, но её уже никто не слушал.

Я смотрела на Марго. У неё дрожали руки. На куртке засохла грязь. Она вернулась. Значит, от прохода возле санчasti до нашего отряда ещё можно было добраться.

— Лив, — сказала Эн и присела рядом. — Она сказала, что Ди закрыла калитку. А не что с ней что-то случилось.

Я кивнула. Наверное, она хотела меня успокоить. Но теперь я точно знала, где подруга была в последний раз. И знала, что мы не сможем просто просидеть здесь весь день, пока кто-нибудь соизволит объяснить, что происходит.

Марго продолжала плакать. Мая требовала от всех отойти и дать ей прийти в себя. За окном наступало обычное весеннее утро, и от этого всё казалось ещё более неправильным.

Сегодня Диане разрешили поспать до десяти. Я посмотрела на пустое место, где она обычно сидела за чаем, и поняла, что ждать до десяти мне будет очень трудно.

Глава 3. Знак

05:58.

— Так мы и будем сидеть? — спросила Лиза.

Марго всё ещё сидела на краю шконки. Кристина принесла ей вторую кружку воды, но та только держала её в руках и смотрела на пол. Мы уже, наверное, раз десять спрашивали, куда делась Диана. И все десять раз получили один ответ: Марго видела, как Ди закрыла калитку, а потом потеряла её из виду.

Лиза стояла посреди прохода в куртке, которую успела надеть ещё до рассвета. Рядом с ней собрались женщины, у которых на фабрике остались подруги и родственницы. Остальные сидели возле шконок, у окон или в чаепитке. Кто-то хотел дождаться сотрудников, кто-то предлагал опять позвонить в дежурку, а кто-то уже открыто говорил, что выйдет, даже если Стеф запретит.

— Я спрашиваю, мы сколько сидеть будем? — повторила Лиза. — До обеда? До завтра? Пока там все передохнут?

— Не ори, — отозвалась Нэнси. — Мы тебя и так слышим.

— А ты мне рот не закрывай. У меня сестра на швейке!

— У меня там тоже люди, — сказала Мая. — Только если мы сейчас всей толпой вывалимся в локалку, лучше никому не станет.

— Тебе легко говорить. Ты здесь.

— Я вчера в два вышла. И не знала, что кого-то там оставят. Если хочешь предъявить мне за это — давай сразу.

Я стояла возле Марго. Она подняла голову, услышав спор, и опять опустила. На подоле куртки засохла грязь. Я хотела спросить, не болит ли у неё что-нибудь, но мы уже так достали её вопросами, что решила промолчать.

— Где ты стояла, когда Ди закрывала калитку? — всё-таки спросила я.

Марго медленно подняла руку и показала куда-то в сторону стены.

— Возле прохода. У санчасти. Я же говорила.

— Я поняла. В самую санчасть вы заходили?

— Нет. Нас оставили у калитки. Потом начался хаос. Лив, я не знаю, куда она побежала.

— Я не это спрашиваю.

— А я уже не понимаю, что ты спрашиваешь!

Она сорвалась на последних словах и тут же отвернулась. Эн присела рядом с ней.

— Всё, не трогай её пока. Ей и так плохо.

Я отошла. Не хотела срываться на Марго. Она хотя бы вернулась и рассказала, что смогла. Но мне казалось: если задать правильный вопрос, из её памяти обязательно вывалится какая-нибудь мелочь, которая объяснит, где Диана. Должна же быть такая мелочь.

— Я в санчасть пойду, — сказала я.

Кристина слышала. Она уже стояла за моей спиной.

— Одна не пойдёшь.

— Я не сказала, что одна.

— Сначала вообще узнай, выпустят ли вас.

— А если не выпустят? Будем сидеть до десяти? Ди как раз разрешили до десяти поспать. Только вот где ей спать, никто не знает.

Я сказала это гораздо злее, чем собиралась. Кристина посмотрела на меня, но отвечать не стала.

Стеф хлопнула ладонью по столу.

— Девочки! У меня распоряжение дежурной части. Отряд не покидать. Всё. Не нравится — придут сотрудники, им и высказывайте.

— Да они не приходят! — выкрикнула женщина из дальнего прохода. — Ты сама недавно в дверь стучала!

— Придут, когда смогут.

— А ты откуда знаешь, что смогут?

В обычное утро за такой разговор уже записывали бы фамилии. Сейчас Стеф даже ручку не достала.

— Послушайте, — сказала Мая. — Мы не предлагаем открывать ворота и отпускать всех гулять. Четыре человека сходят к санчасти. Проверят, что там. Если найдём Диану или кого-то ещё, вернёмся и скажем. Если нет — тоже скажем.

— А почему именно ты решаешь, кто пойдёт? — спросила Лиза.

— Не решаю. Предлагаю. Хочешь — иди вместо меня.

Лиза открыла рот, потом посмотрела на Марго и промолчала. На словах вызваться было проще, чем действительно пойти.

— Я пойду, — сказала Эн.

— Я тоже, — наконец произнесла Марго.

Мы все повернулись к ней.

— Не надо, — сказала я. — Ты еле сидишь.

— Я знаю дорогу.

— Мы тоже знаем, где санчасть.

— Не ту дорогу. Где Ди осталась. Там проход за зданием, вы можете не туда свернуть. Я покажу и обратно пойду, если хотите.

У Марго дрожали пальцы. Кружка стукнула о металлическую спинку кровати. Я забрала её, поставила на тумбу.

— Ты уверена?

— Нет, — ответила она. — Но всё равно пойду.

06:14.

Стеф и Мая отошли к главному выходу. Я слышала не весь разговор, только отдельные слова: «четверо», «ответственность», «обратно», «дежурка». Стеф несколько раз качала головой. Мая стояла перед ней, скрестив руки, и не отступала.

Я тем временем сходила в раздевалку и нашла свои ботинки, но один шнурок опять затянулся намертво. Пришлось развязывать его ногтями.

Эн принесла мне куртку.

— Твою на спинке оставила. Я подумала, ты забудешь.

— Не забуду.

— Ты уже один раз вышла без обуви.

— Ты мне теперь всю жизнь это вспоминать будешь?

— По обстоятельствам.

Я застегнула куртку. В кармане лежали пачка с двумя сигаретами и зажигалка. Сигареты так и не выкурила вчера. Захотелось оставить их возле шконки: если нас поймают на территории, лишняя зажигалка в кармане тоже может превратиться в проблему. Потом подумала, что я вообще-то собираюсь искать пропавшую подругу в колонии, где стреляют, и оставила всё как есть.

Кристина сунула мне яблоко и пару конфет.

— Съешь по дороге.

— Я вчера ела.

— Я помню, когда ты ела. Возьми.

— Крис, ну ты как моя мать.

— Вот и не позорь меня. Вернись нормально.

Она приобняла меня за плечи. Хотела, наверное, сказать ещё что-то, но вокруг было столько народа, что мы обе ограничились этим.

Марго уже стояла у выхода. Она натянула косынку слишком низко, почти до бровей, хотя проверять форму сейчас было некому. Мая заметила, как она переминается с ноги на ногу.

— Если совсем плохо, оставайся, — сказала она. — Не

надо геройствовать.

— Мне нормально.

— Я видела, как тебе нормально. Дойдём до прохода — покажешь и решим дальше.

— Хорошо.

Мая вернулась к Стеф. Та достала ключи.

— Я никого никуда не отпускала, — сказала она достаточно громко, чтобы слышали и мы, и половина секции. — Вы сами решили. Если вас остановят, меня не впутывать.

— Не впутаем, — ответила Мая.

— Через час чтобы вернулись. И не вздумайте в карантин лезть.

— Мы в санчасть.

— Я слышала, куда вы. Про карантин отдельно говорю.

Лиза тут же подалась вперёд.

— А на фабрику когда?

— Когда вернёмся, тогда и будем разговаривать, — отрезала Мая.

— Конечно. Вечно сначала чужие дела.

— Там не чужие, — сказала Эн. — Там Диана.

Стеф приоткрыла главную дверь. На улице было светло и холодно. Она выглянула, задержалась на несколько секунд, потом кивнула нам.

— Быстро. И назад сюда. Я больше никому открывать не стану.

Мы вышли по одной. За спиной щёлкнул замок.

Странно было слышать этот звук снаружи.

06:27.

Локалка была пустая. Ещё вчера в это время нас бы уже вывели на зарядку, кто-то тащил бы ложку в кармане, кто-то пытался покурить за углом до построения. Сейчас только ветер гонял по дорожке обрывок бумаги.

— Идём вдоль стены, — сказала Мая. — Не растягиваться.

— Мы что, на выводе? — спросила Эн.

— Нет. Поэтому тем более рядом держись.

Мы прошли вдоль здания четвёртого отряда. Я на секунду обернулась. В окнах стояли женщины. Смотрели на нас так, будто мы уходили не к санчасти, а за пределы колонии. Я заметила Кристину и показала ей большой палец. Она не улыбнулась.

Я знала здесь почти каждый угол. Где можно срезать дорогу, где надзорка обычно смотрит в окно, где после дождя собирается вода и лучше не наступать. Три года каждый день ходишь по одним и тем же дорожкам, а всё равно всегда с кем-то, кто разрешает тебе идти. Сейчас никто не командовал «быстрее» и не строил по двое или по пять. Можно было остановиться хоть посреди плаца. Только мне совсем не хотелось.

Из-за административного корпуса донеслась короткая очередь. Марго вцепилась в рукав Эн.

— Это оттуда? — спросила она.

— Не знаю, — ответила Мая. — Идём.

Через минуту послышалось ещё несколько выстрелов. Звук шёл со стороны внешнего периметра. Я вспомнила мужчину, которого мы видели из окна. И сотрудников, которые так и не подошли к нему, даже когда он перестал двигаться.

— Они всю ночь там стреляют, — сказала Эн. — У них патронов-то хватит?

— Ты у меня спрашиваешь? — Мая обернулась.

— Просто сказала.

— Ну вот и не надо пока ничего говорить.

Эн закатила глаза, но больше не спорила.

Возле соседнего здания мы остановились. Впереди тянулся открытый участок дорожки. По другую сторону виднелось карантинное отделение. Раньше я часто проходила здесь и даже не смотрела на него. Теперь сама не могла отвести взгляд.

Окна, выходившие на нашу сторону, были заляпаны чем-то тёмным. Не все — два или три. Одно особенно сильно, будто по стеклу размазали грязь ладонями. На солнце пятна отливали бурым. Издалека я не могла понять, что это.

— Что за хуйня? — тихо спросила Эн.

— Не подходите, — сказала Марго так резко, что мы обернулись.

— Мы и не собирались, — ответила Мая.

Марго смотрела на окна. Её губы побелели.

— Там вчера люди бегали, — проговорила она. — Я не видела, кто именно. Сначала орали изнутри, потом дверь хлопала. Не идите туда.

Я положила руку ей на плечо.

— Нам в другую сторону.

— Я знаю.

Но она ещё несколько секунд стояла, прежде чем смогла сдвинуться с места.

В одном из окон административного здания мелькнула фигура. Мы одновременно пригнулись, хотя, если человек нас видел, было уже поздно.

— Может, сотрудник, — прошептала Эн.

— Тут других не водится, — ответила Мая. — Пошли, пока он не вышел.

Мы быстро перешли открытый участок и прижались к стене следующего здания. Марго зацепилась ботинком за выступ бордюра. Я успела схватить её под руку.

— Ты как?

— Нормально.

— Если закружится голова, скажи.

— Да не кружится у меня ничего! Просто не смотрела под ноги.

Я отпустила её. Она уже злилась, когда мы спрашивали о самочувствии. Значит, хоть немного пришла в себя.

06:39.

Калитка оказалась закрытой. Не той, возле которой Мар-

го рассталась с Дианой, а ещё одной, на пути между локальными участками. Её держал магнитный замок. Маленький красный огонёк горел возле коробки под козырьком.

— Вот тебе и электричество, — сказала Эн. — У нас в отряде света нет, а эта хрень работает.

— Резервное питание, — ответила Мая. — Долго оно тоже не протянет.

Я дёрнула ручку. Калитка даже не шелохнулась. Мая проверила нижний край, посмотрела на крепление сверху.

— Может, кнопка с нашей стороны есть? — спросила я.

— Была бы — мы бы уже вышли. С этой стороны только сотрудник открывает.

— Обойти можно? — спросила Эн.

— Можно через дежурку, — сказала Марго.

— Ага, — ответила Мая. — Придём и скажем: здравствуйте, мы тут немножко нарушаем ваш прямой приказ, откroyте, пожалуйста.

Эн коротко хмыкнула. Я бы тоже засмеялась, если бы за внешней опять не начали стрелять.

Мая присела возле калитки, провела пальцами по металлической планке, к которой крепилась ответная пластина. Один угол немного отходил от рамы.

— Её уже когда-то ремонтировали, — сказала она. — Смотрите, болт ходит.

— И что?

— Если сильно ударить, может, крепление вырвет.

— А если нет? — спросила я.

— Тогда будем думать.

— Давай хоть что-нибудь подложим, — сказала Эн. — Ты себе плечо снесёшь.

— Не учи меня. Отойдите.

Мая отступила несколько шагов. Я успела подумать, что сейчас она передумает. Она была крепкая, но всё-таки не железная. Потом она разбежалась и ударила плечом чуть ниже замка.

Грохот вышел такой, что я присела. Металл скрежетнул, калитка отскочила в сторону, с верхнего крепления посыпалась краска. Мая отлетела назад и ухватилась за стойку.

— Блять! — прошипела она.

— Ты целая? — Эн подскочила к ней.

— Дай минуту.

Калитка стояла приоткрытой. Пластина висела на одном креплении, магнит ещё держал её за край, но рама погнулась и уже не сходилась как надо.

— Слышали? — прошептала Марго.

— Тут даже мёртвые услышали, — сказала я.

Где-то хлопнула дверь. Мы присели за бетонный выступ. Несколько секунд ничего не происходило. Потом вдалеке кто-то крикнул, но слов мы не разобрали.

— Всё, идём, — сказала Мая. — Иначе я зря плечо отбила.

Она придержала калитку. Мы проскочили на другую сто-

рону и прикрыли её за собой. Нормально закрыться она уже не могла. Между рамой и стойкой осталась щель.

— Обратно здесь пойдём? — спросила Эн.

— Если раньше нас не найдут, — ответила Мая.

06:51.

За санчастью был узкий проход. Отсюда окна нашего отряда уже не было видно, и это оказалось неприятнее, чем я думала. До сих пор где-то рядом оставалась секция, в которой нас ждали. Теперь между нами были здания, ворота и та калитка, которую мы только что выломали.

Марго остановилась возле небольшого крыльца.

— Здесь, — сказала она.

— Где именно?

— Вот калитка. Ди её закрыла. Меня туда толкнула, к жилке. А сама осталась с этой стороны.

Она показала рукой. Потом прошла несколько шагов и вернулась.

— Нет. Я стояла вот здесь. Сотрудник выбежал оттуда. За ним женщина, вся в крови. Или сначала женщина... Я уже не помню.

— Не торопись, — сказала Мая.

Марго закрыла глаза, как будто можно было прокрутить ночь обратно и посмотреть нужный момент ещё раз.

— Он кричал, чтобы закрывали. Ди успела. Я за неё схватилась, а она меня оттолкнула и сказала бежать. Дальше я слышала выстрелы. И всё. Я правда не видела, куда она по-

шла.

Я подошла к калитке. На нижней перекладине застрял ку-сочек зелёной ткани. Не знаю, чья это была ткань. Здесь все ходили в одинаковом. Рядом на бетоне тянулось тёмное пят-но. Я не стала его трогать.

— Ди! — позвала я негромко.

Мая сразу повернулась.

— Тише.

— А как мы её найдём? Шёпотом?

Я подождала ответа. Его не было. Позвала ещё раз, уже громче. Никто не отозвался.

Эн прошла вдоль стены, заглянула за угол. Марго осталась возле калитки и следила за проходом, откуда мы пришли. Я посмотрела на закрытую дверь санчасти.

— Может, они внутри, — сказала я.

— Может. Давайте только сначала проверим входы, — от-ветила Мая.

На крыльце было несколько влажных следов. Разобрать, чьи они, было невозможно: после ночи здесь ходили и со-трудники, и заключённые. Ручка двери поддалась. Она ока-залась не заперта.

— Ну, прекрасно, — пробормотала Эн. — Все двери от-крыты, а где надо — магнит держит.

Мы зашли.

07:00.

В коридоре пахло лекарствами и каким-то резким мою-

щим средством. После ночи в отряде этот запах казался даже приятным. Свет не горел, но дневного света из окон хватало. На стойке лежали ручки, журнал, несколько чистых листов. Кто-то оставил пластиковую кружку с недопитым чаем.

— Девочки? — позвала я. — Есть кто?

Ответа не было.

Первые комнаты выглядели так, будто медсёстры просто вышли на пару минут. Кушетка с ровно натянутой простыней. Коробка с одноразовыми масками. Шкаф, на котором стояла банка с ватой. На стене расписание приёма. Я увидела собственный отряд в списке и машинально начала искать, когда нам положено приходить. Три года читаешь любые бумажки, лишь бы понять, что тебе разрешено и в какое время.

Мая заглянула в шкаф и тут же закрыла.

— Не это, — сказала она себе под нос.

— Что ищешь? — спросила Эн.

— Потом.

Марго не отставала от нас. Она старалась идти посередине, не подходить первой ни к одной двери. Если мы останавливались, останавливалась и она.

Потом мы открыли следующую дверь.

Стул лежал на боку. У стены валялся металлический поднос, рядом — разбитая ампула и россыпь каких-то таблеток. На полу засохли тёмные пятна. Возле кушетки была смята простыня, и на ней тоже что-то бурое. Один шкаф стоял открытым, ящики были выдвинуты. На дверце осталась поло-

са, будто за неё хватались грязной рукой.

— Назад, — сказала Мая.

Мы остановились в дверях. Мне хотелось заглянуть дальше, но заходить внутрь совсем не хотелось. Эн прикрыла рот ладонью.

— Здесь кого-то лечили? — спросила она.

— Не похоже, — ответила я.

Я сама не знала, на что это было похоже. Я и раньше видела кровь в цеху: там постоянно прошивали пальцы иглой, однажды женщина серьёзно порезала ладонь, и весь стол был в крови. Тогда сразу было понятно, откуда она. Здесь же следы были в разных местах, а людей не было. И ни одного звука.

На полу возле двери лежала упаковка от бинта. Я обошла её, не наступая. Мая приподняла край простыни носком ботинка. Под ней ничего не оказалось.

— Может, они кого-то увезли, — сказала Эн.

— Может, — ответила я.

Это слово за ночь мне уже осточертело.

— Марго, ты сюда заходила? — спросила Мая.

— Нет. Я же говорила, нас у прохода поставили.

— Понятно.

Марго отвернулась к стене. Плечи у неё мелко подрагивали. Я подошла поближе.

— Если хочешь, посиди в коридоре. Мы быстро.

— Нет. Я с вами.

Она сказала это таким тоном, что я больше не предлагала.
07:11.

Я вернулась в коридор. От двери, ведущей к лестнице, тянуло холодом. На полу валялась оторванная пуговица. Я наклонилась, посмотрела — не наша, обычная белая. Рядом что-то зацепилось за ножку табурета.

Сначала я решила, что это бумажка. Потом увидела нагрудный знак.

Я подняла его. Один угол был порван, на другом торчала чёрная нитка. Прочитала фамилию, хотя уже знала, что там написано.

ДЭВИС ДИАНА.

Смешно, но я сразу вспомнила не вчерашние крики и не слова Марго, а то, как Ди стояла перед зеркалом и пыталась в третий раз пришить этот чёртов знак. Она не любила шить. Вообще не понимала, как мы целыми днями сидим за машинками. Пришивала кое-как, двумя стежками, а потом уголок опять отходил. Сколько раз я ей говорила: дай сюда, за минуту сделаю нормально. Она каждый раз обещала, что вечером принесёт.

Вот и принесла.

— Лив? — позвала Эн.

Я показала ей знак. Эн взяла его за край, разглядела фамилию.

— Это её?

— Да.

— Ты уверена?

— Я ей сама говорила, чтобы пришила нормально.

Мая подошла к нам и присела возле табурета. Осмотрела пол, дверной косяк, потом посмотрела на знак.

— Значит, была здесь.

— Мы и так знали, что была. Марго видела.

— Теперь точно знаем, что проходила возле этой двери. Это разные вещи.

— Может, через лестницу ушла? — спросила Эн.

— Куда? — Марго подошла ближе.

— Ну, есть же другие выходы.

— Есть. Но я не бывала там.

Я сунула знак во внутренний карман куртки. Ткань у самого шва была влажной, непонятно от чего. Вытерла пальцы о юбку.

— Проверим лестницу.

Мы поднялись на несколько ступенек. Выше была закрытая дверь, за ней ничего не слышалось. Мая дёрнула ручку, но дверь не открылась. Я ещё раз позвала Ди. Тихо. Возиться с очередным замком она не разрешила.

— Нам уже возвращаться надо. Стеф час дала.

— Мы десять минут здесь.

— А до отряда ещё идти.

Я посмотрела на часы. В самом деле, времени было немного. И всё равно уходить с одним куском ткани казалось каким-то издевательством.

— Я без неё не вернусь, — сказала я.

— Вернёшься, — ответила Мая. — А потом решим, куда идти дальше. Одной ты её тут не найдёшь.

Она сказала это негромко. Я хотела возразить, но Эн уже взяла меня за руку.

— Лив, мы вернёмся. Здесь никого нет.

Я выдернула руку, но спорить не стала.

07:19.

Мая опять свернула к кабинету, в который заглядывала по дороге. Открыла дверь и прошла за стойку. Я пошла следом.

— Нам же обратно надо.

— Две минуты.

— Что ты ищешь?

— Свои таблетки.

Она открыла нижний шкаф, перебрала подписанные коробки. Я увидела знакомые бумажные пакеты, в которых нам выдавали лекарства. Некоторые были подписаны по фамилиям. Мая нашла свой, достала блистер и посмотрела, сколько осталось.

— Антидепрессанты, — пояснила она, заметив мой взгляд. — Мне их поштучно выдают. У меня свои закончились.

— А попросить потом нельзя?

— Кого? Ты видела здесь хоть одну медсестру?

Я промолчала.

— Я вчера ещё должна была получить, — продолжила

Мая. — Сказали прийти утром. Вот я и пришла.

Она положила свои таблетки в карман. Потом открыла другой шкаф, достала несколько упаковок обезболивающего, антисептик и перевязочные материалы.

— Стой, — сказала Эн. — Это ты уже не своё берёшь.

— Вижу.

— Мая, за такое злостное нарушение можно в карцер попасть?

— Знаю.

— И что?

— И ничего. Мне сейчас бинты нужнее, чем очередное объяснение начальнику отряда.

Она сунула упаковки в небольшой пакет и завернула его в кусок чистой ткани. Я смотрела, как она проверяет названия и сроки годности. Всё делала быстро, без суеты.

— Мы пришли за Дианой, — напомнила я.

— А Дианы здесь нет. Зато всё это через час могут запечатать, и мы потом будем сидеть и просить по одной таблетке через дежурку. Если она ещё будет работать.

— Ты же сама только что сказала, что надо возвращаться.

— И возвращаемся. Подержи.

Она протянула мне пакет. Я не взяла.

— Нет уж. Это твоё решение.

— Хорошо.

Мая не обиделась. Положила пакет в свою куртку, поправила воротник, чтобы ничего не выпирало. Потом перело-

жила пару упаковок в другое место.

— Не найдут? — спросила Эн.

— Я знаю, куда спрятать. И сомневаюсь, что в ближайшие дни будет шмон.

— Надеюсь, ты права, — сказала я.

— Я тоже.

Меня раздражало, что она не спорит и не оправдывается. Ещё вчера за лишнюю конфету на промке можно было получить нарушение. Сегодня мы стояли в пустой санчасти, а Мая набивала карманы лекарствами. И почему-то она выглядела самой разумной из нас.

— Давайте хоть журнал посмотрим, — сказала Эн. — Может, там написано, куда людей увезли.

Мы вернулись к стойке. Листы были исписаны фамилиями, датами и временем приёма. Последние записи обрывались на вчерашнем дне. Я нашла отметку о прибытии нескольких женщин из карантина, но разобрать, кто и куда их потом перевёл, не смогла. Чужой почерк вообще был похож на нитку, которую вытянули из шва: всё длинное, перепутанное, без начала и конца.

— Дальше не листай, — сказала Мая. — Времени нет.

Я положила журнал на место.

07:28.

Шаги мы слышали, когда уже собирались выходить из коридора. Сначала подумала, что звук идёт с улицы. Потом хлопнула входная дверь и зазвучали мужские голоса.

— Сюда, — шепнула Мая.

Мы быстро вернулись в кабинет. Дверь прикрыли, но не до конца. Из коридора было видно узкую полоску пола и часть стойки. Марго прижалась к стене. Я стояла рядом и чувствовала, как она дрожит. Эн осторожно взяла её за руку.

За стеной разговаривали двое. Один голос был незнакомый, второй я где-то слышала на проверках... Кто-то звякнул ключами, потом открыл металлический шкаф.

— Всё отсюда собирать? — спросил первый.

— Всё. Райд сказал, сначала медикаменты и перевязку.

Я посмотрела на Маю. Та едва заметно кивнула в сторону своего кармана.

— Блять, как чувствовала, — прошептала она. — Надо было больше брать.

Я приложила палец к губам.

— А для отрядов что оставляем? — спросил первый сотрудник.

— Будут выдавать через дежурку. Сейчас не до отдельных списков. Нам главное всё это в одно место убрать и под охрану поставить.

— Если дежурка вообще протянет до вечера.

— Не начинай. Я и так уже задержался на час после ночной смены.

Они прошли дальше по коридору. Зашуршали пакеты, что-то ударилось о стол. Я представила, как выносят шкафы с бинтами и лекарствами, а потом кто-нибудь придёт с тем-

пературой, порезанной рукой или просто за своей ежедневной таблеткой и упрётся в пустую комнату. Даже наш старый порядок с записями и очередями казался лучше этого.

— А тех, кто у прохода был, нашли? — спросил первый сотрудник.

Я перестала дышать.

— Кого именно?

— Ну, хозотряд. После ночной заварухи. У нас по списку людей не хватает.

— Нет. Один с поста говорил, видел несколько человек в зелёных робах возле хозяйственного прохода. В сторону промзоны двигались. Потом связь отрубилась. Может, туда ушли. Может, вообще не наши были.

— На промке ещё люди остались?

— Так вот именно, что там никто толком не отчитался. Мне сказали санчасть разгрузить. Вот я и разгружаю.

Я повернулась к Эн. Она уже смотрела на меня. Промзона. Фабрика. Конечно, это ещё ничего не доказывало, но у меня впервые с ночи появилось хоть какое-то направление, кроме «обойдём всё подряд и будем звать».

Марго открыла рот. Я испугалась, что она сейчас назовёт Диану, и наклонилась к ней.

— Тихо. Потом.

Она кивнула.

Сотрудники вышли из соседней комнаты. Судя по звуку, один тащил что-то тяжёлое. Второй остановился возле стой-

ки.

— А тут уже кто-то шарил, — сказал он.

Мая мгновенно посмотрела на открытый шкаф в нашем кабинете. Дверцу мы закрыли, но пакет с её фамилией остался сдвинутым к краю полки.

— Может, медички до нас собирали, — ответил другой.

— Медички, ага. Дверь тут почему открыта?

Тень легла поперёк щели под нашей дверью. Марго вжалась спиной в стену. Эн сжала её пальцы. Я стояла возле шкафа и старалась даже курткой не шуршать.

Ручка повернулась.

Дверь распахнулась, и в проёме появился сотрудник с фонарём. Он сначала посмотрел на Маю, потом на остальных, будто пересчитывал.

— Какого хрена вы здесь делаете?

Никто не ответил. Мая медленно выпрямилась. Я почувствовала в кармане нагрудный знак Дианы и машинально прижала его ладонью.

Сотрудник перевёл взгляд на открытый шкаф.

— И что вы успели отсюда взять?

Глава 4. До особого распоряжения

07:29.

— И что вы успели отсюда взять?

Я посмотрела на Маю. Она стояла у шкафа совершенно спокойно, только левую руку держала как-то неестественно, прижимая локоть к боку. В кармане куртки у неё лежал пакет с лекарствами, и я вдруг отчётливо увидела, как сотрудник просит всех снять верхнюю одежду и вывернуть карманы. Даже стало жарко.

— Ничего мы не брали, — сказала Эн раньше, чем кто-нибудь из нас успел открыть рот. — Мы подругу ищем. Она вчера с хозотрядом ушла и не вернулась. Нам сказали, что её последний раз здесь видели.

— Я тебя не спрашивал, кого вы ищете. Отряд какой?

— Четвёртый.

— Фамилии.

Он достал из нагрудного кармана сложенный лист. Не блокнот даже, а какой-то обрывок ведомости. Под глазами залегли тёмные круги, на рукаве формы было пятно, которое он, видимо, пытался оттереть мокрой тряпкой. От сотрудника пахло сигаретами и давно остывшим кофе. Он записал «четвёртый» на полях и поднял голову.

— По одной. И без ваших концертов.

Мы назвали фамилии. Марго с первого раза не расслыша-

ли, пришлось повторять. Сотрудник раздражённо щёлкнул ручкой.

— Кто вас выпустил?

— Мы сами вышли, — ответила Мая.

— Сами? А ключи от отряда у вас тоже сами появились?

— Нам открыли дверь.

— Кто?

— Вы же знаете, кто ключи держит, — сказала Эн. — Слушайте, мы сюда не за таблетками пришли. У нас человек пропал, а вы тут фамилии записываете.

— У меня за ночь трое с постов не вышли на связь, — сказал он. — И мне теперь надо ещё четыре фамилии разыскивать по санчасти? Вам понятным языком было сказано сидеть в отряде?

— Было, — ответила Мая.

— Ну так какого хрена?

Из коридора заглянул второй. У него в руках была большая сумка с красным медицинским крестом, набитая так, что молния не сходилась.

— Что там у тебя?

— Четверо из жилки. Шкафы открыты. Говорят, подругу ищут.

— Обыскивай, тогда поймём, что ищут.

— Да посмотрите вы на нас, — вмешалась Эн. — Мы с утра бегаем, а вы как будто специально не слышите. Диана Дэвис. Хозотряд. Её здесь ночью оставили. Мы даже не зна-

ем, живая она или нет.

— Отойди от шкафа, — сказал первый Мае.

Она сделала шаг. Не тот, которого от неё ждали: выставила вперёд левую ногу, словно собиралась закрыть проход, а правую руку осторожно опустила вдоль бедра. В другую сторону повернуться ей, кажется, было больно.

— Я здесь свои лекарства искала, — сказала она. — Мне их вчера должны были выдать. У меня назначение.

— А-а, вот уже и лекарства, — отозвался второй. — Только что ничего не брали.

— Она свои искала, — сказала Эн. — Вы сами собираетесь всё вывезти. Нам потом к кому за таблетками приходить?

— В дежурку. Вам объяснят.

— Там трубку не берут.

— Значит, позже объяснят!

Он произнёс это так громко, что у меня зазвенело в ушах. Марго вздрогнула.

— Так. Все в коридор. Быстро. Я сейчас вас здесь закрою до выяснения, а потом пусть ваши воспитатели вас и разбирают.

— Подождите, — сказала я.

Он уже повернулся к двери.

— Чего ещё?

Я достала из внутреннего кармана нагрудный знак. От волнения нитка зацепилась за подкладку, пришлось потя-

нуть сильнее. Только бы не разорвать окончательно.

— Вот что мы нашли. Это Дианы. Возле лестницы лежало. Марго видела её у калитки, потом она исчезла. Вы знаете, куда могли отправить хозотряд?

Он взял знак двумя пальцами и прочитал. Задержался на фамилии. Я чуть не выхватила его обратно.

— Дэвис... Это та, которая в рабочем отряде?

— Да. Вчера вечером их всех вызвали. Она отсюда не вернулась.

— А где нашли, говоришь?

— У лестницы. Прямо на полу.

— Знак мне верните, пожалуйста, — сказала я.

Он отдал знак. Я сразу спрятала его обратно.

— Нам говорили, что кого-то видели у промзоны, — продолжила я. — Это наши были? Вы знаете?

— Кто вам говорил?

— Ваши сотрудники. Только что в коридоре.

Второй недовольно посмотрел на первого. Тот отмахнулся.

— Здесь никто не знает, кто куда ушёл. Не сочиняй себе лишнего. Я сейчас доложу, что вас нашёл, а дальше по распоряжению.

Он достал рацию. Несколько раз нажал кнопку. В ответ сначала треск, потом чужой голос, которого я не разобрала. Сотрудник назвал себя, место и фамилии. На четвёртой фамилии связь снова зашипела.

— Повтори, — сказал кто-то из рации.

— Четыре осуждённые из четвёртого. Самовольно проникли в санчасть. По их словам, искали женщину из хозотряда. В кабинетах были, в карантин не заходили, с их слов. У одной обнаружен нагрудный знак Дэвис.

Я не ожидала, что он так точно всё повторит. Даже захотелось поблагодарить. Но потом я услышала знакомый голос.

— Пострадавшие среди них есть?

Райд.

Все эти три года мне было достаточно услышать это имя где-нибудь в коридоре, чтобы заранее испортилось настроение. И сейчас, когда вокруг всё летело к чертям, он умудрился заговорить своим обычным тоном, словно у него там за столом лежит наша ведомость выходов на работу.

— Видимых нет, — ответил сотрудник. — Одной плохо, говорит, после ночи.

— В карантин заходили?

— Отрицают.

— Лично проверил?

— Они из жилого сектора прошли к санчасти. Карантинное отделение с другой стороны. Следов не вижу.

— Вопрос был другой. Ладно. Вернуть в отряд под сопровождением. Фамилии передать. Завхоз четвёртого и одна участница этой прогулки пусть явятся для объяснения. Остальным из отряда не выходить. Ты меня понял?

— Понял.

— И поторапливайтесь с санчастью. Без новых экскурсий. Связь оборвалась.

— Ну что, — сказал сотрудник. — На выход.

Второй ещё раз оглядел шкаф. Я успела увидеть, как Мая поправила воротник и чуть сместила куртку, чтобы пакет не выделялся. Рука у неё дрогнула.

— Прошу прощения, — сказала Эн, — а нашу подругу кто искать будет?

— Не ко мне вопрос. Я вам сейчас до отряда отведу, а дальше топайте к остальным.

— Мы дорогу знаем.

— Что-то по вашему маршруту не скажешь.

Он махнул рукой, и мы пошли в коридор. Не обыскали. Я позволила себе нормально вдохнуть только у выхода. Мая даже не посмотрела на меня. И правильно: ещё не хватало нам начать радоваться прямо у сотрудников под носом.

07:52.

— Идём, — сказал сопровождающий. — Не растягивать-ся. До жилой калитки доведу, дальше сами. Мне назад надо.

Мы пошли вдоль стены. Он шёл первым, у него на поясе болтался фонарь, в руке была рация. Оружия я не видела, но теперь почему-то смотрела на каждого сотрудника и именно туда, где оно могло бы быть.

— Вы там кого нашли? — спросила я.

— Где?

— У санчасти. Ночью.

— Я не на том посту был.

— Но рапорт какой-нибудь должен быть.

— Я о рапортах сейчас не думаю. И тебе не советую.

— То есть никто ничего не знает?

Он остановился и обернулся.

— Ты хочешь со мной сейчас поспорить или к своему отряду вернуться?

Я замолчала. Не потому, что он убедил. Просто я действительно хотела вернуться. Вчера казалось, что главное — выбраться из отряда. Теперь я всё время думала о том, как туда попасть обратно.

Мая шла справа от меня. Она держала левую руку под курткой, словно ей было холодно. Я спросила шёпотом:

— Сильно?

— Терпимо.

— Ты вообще можешь ей двигать?

— Могу. Не сейчас.

— А пакеты?

— На месте, — коротко сказала она.

Эн услышала и покосилась на нас. Улыбаться никто не стал.

Марго всё чаще отставала. В санчасти она хотя бы старалась идти посередине, а теперь то забегала вперёд, то почти останавливалась. После каждого далёкого выстрела она дёргала головой. Лицо было бледным, возле носа выступил пот.

— Марго, тебе воды дать? — спросила Эн.

— Не надо.

— У меня есть.

— Я сказала, не надо!

Сопровождающий оглянулся.

— Чего встали?

— Идём, — сказала Мая.

Слева показался карантинный корпус. На одном окне по-прежнему виднелись бурые разводы. Я специально смотрела под ноги, чтобы не видеть их снова, и всё равно подняла голову. За стеклом что-то шевельнулось. Может, занавеска. Может, человек. Разбирать, что именно, не стала.

Раньше слово «карантин» никого из нас не пугало. Туда попадали все новенькие, когда приезжали в колонию. Две недели живёшь отдельно, проходишь осмотры, оформление, выслушиваешь правила, которые потом всё равно объяснят ещё раз. А после распределяют по отрядам. Я тоже там сидела, помню белую краску на подоконнике и как мы ночью шептались, кто куда попадёт. Тогда мне казалось, что хуже ожидания ничего нет. Сейчас хотелось оказаться той душой, которая переживала только из-за распределения.

Возле выломанной калитки сотрудник остановился.

— Это что ещё за херня?

Красный огонёк над замком всё ещё горел. Ответная пластина висела криво, рама не сходилась. Через щель можно было протиснуться, даже не поворачиваясь боком.

— Мы так прошли, — сказала Мая.

— Вижу, что прошли. Кто сломал?

— Она и так плохо держалась, — ответила Эн.

— Угу. Сама взяла и упала.

Он взялся за калитку и дёрнул. Металл ударил о стойку. Мая даже не вздрогнула, только ещё сильнее прижала руку. Мне захотелось сказать, что это я её сломала, но это бы никому сейчас не помогло. Сотрудник пробормотал что-то про техчасть и передал сообщение по радиии. Ему не ответили.

А потом из карантина закричали.

Сразу несколько голосов. Сначала отрывистый стук, будто кто-то колотил в металлическую дверь кулаком, потом женщина стала просить открыть. За ней ещё одна. Слова накладывались друг на друга, и я не могла разобрать, кто к кому обращается. Кто-то назвал фамилию. Потом раздался тяжёлый удар, от которого у Марго задрожали губы.

— Там люди? — спросила Эн.

— Да, — ответил сотрудник. — Быстрее. Не останавливаться.

— Они просят открыть.

— Я тебе сказал: вперёд.

Из-за стены опять закричали. На секунду мне почудился тот самый голос из ночи, возле запасной двери нашего отряда. Хотя это было невозможно узнать. Голосов на зоне сотни, если не тысячи, а когда человек кричит от страха, все они звучат немного похоже.

Марго стояла как вкопанная.

— Не туда, — сказала она еле слышно. — Не туда.

— Мы туда и не идём, — ответила Мая.

— Они дверь откроют.

Сотрудник подошёл к нам ближе.

— Здесь не задерживаемся. Быстро через калитку.

Он не объяснял, что произошло за стеной. Не предлагал проверить дверь. Просто сдвинул повреждённую створку, пропуская нас по одной. Я тоже не пошла выяснять. Если честно, даже не подумала об этом до того момента, когда мы уже оказались по другую сторону. И только потом вспомнила, как Эн ночью стояла перед засовом и смотрела на меня.

У калитки Марго вдруг ухватила за мой рукав так крепко, что ногти прошли сквозь ткань.

— Не оставляй меня здесь.

— Я рядом. Пошли.

— Ты не понимаешь, — выдохнула она и толкнула меня, хотя я даже не пыталась уходить.

— Марго, хватит! — сказала Мая.

— Не командуй мне!

Она выкрикнула это слишком громко. Сотрудник обернулся, и я увидела, как его лицо на секунду изменилось. Не испуг даже. Он просто стал внимательнее.

— Что с ней?

— С ночи на ногах, — ответила Эн. — Ей плохо.

— Температура есть?

— Откуда мы знаем? — спросила я. — Градусники все в

санчасти.

Он посмотрел на Марго, потом куда-то за наши спины. Повторять вопрос не стал.

— В отряде разберётесь. Только на территории не задерживайтесь.

Около жилой зоны он остановился у следующей калитки, открыл её ключом и выпустил нас.

— Прямо до четвёртого. Понятно? Никуда не сворачивать. Если кто-то из вас опять попадётся возле санчасти, я уже ничем помогать не буду.

— Вы и сейчас особенно не помогли, — пробормотала Эн, когда он отошёл.

— Он нас хотя бы не обыскал, — сказала Мая.

— Ага. Большой человеческий поступок.

08:16.

Марго шла медленно, и Эн всё время подстраивалась под неё. Я заметила, что у Марго правая манжета потемнела. Сначала решила, что это грязь. Потом она поправила косынку, рукав задрался, и на запястье показалась полоска покрасневшей кожи с неровным повреждением. Не глубоким на вид, но края были припухшие, а рядом засохла кровь.

— Стой. Ты руку поранила?

— Нет.

— Я же вижу.

Она быстро одёрнула рукав.

— Зацепилась ночью. Об железку. Чего ты пристала?

— Покажи. У Май есть...

Я вовремя остановилась. Мая повернулась ко мне так резко, что поморщилась от боли в плече.

— Что у Май? — спросила Марго.

— Ничего. Мы в санчасти были, там можно было хотя бы промыть. Почему не сказала?

— Потому что вы и так вокруг меня ходите, как вокруг ненормальной.

Эн взяла её за здоровую руку.

— Никто так не считает. Идём уже, почти дошли.

Марго вдруг тяжело задышала. Я испугалась, что она сейчас упадёт, но она согнулась, упёрлась ладонями в колени, несколько раз глубоко вдохнула и выпрямилась.

— Не трогайте меня. Просто дайте дойти.

Мы дали. Я шла рядом, не касаясь её, пока не увидела знакомое окно четвёртого отряда. Там стояла Нора. Она заметила нас и тут же исчезла из виду. Наверное, побежала к Стеф.

В обычный день, если бы кто-то опоздал на режимное мероприятие на час, нас уже ждали бы с фамилиями, объяснительными и обещанием лишить всего, чего ещё можно лишить. Сейчас мне даже хотелось, чтобы было именно так. Значит, всё по-прежнему, значит, никто не пропал и можно наконец нормально поругаться из-за какой-нибудь ерунды.

Но в окне уже появилась Кристина. И по её лицу я поняла, что нормального утра сегодня не будет.

08:22.

Стеф открыла нам не сразу. Сначала в двери щёлкнул один замок, потом второй, и она высунула голову, будто ожидала увидеть кого угодно, только не нас.

— Вы время видели?

— Видели, — сказала Мая.

— Я вам час дала! Час! А там сейчас такое творится, вы вообще представляете?

— Всё, Стеф, мы пришли, — сказала Эн. — Пусти нас сначала внутрь.

Стеф отступила. Мы прошли, и за нашими спинами дверь сразу захлопнулась. В проходе толпились женщины. Похоже, они стояли здесь с того момента, как Нора заметила нас из окна.

— Диана с вами? — крикнула Лиза из дальнего конца.

Я даже не успела снять куртку.

— Нет. Не нашли.

Несколько человек заговорили одновременно. Кто-то спросил про санчасть, кто-то про стрельбу. Лиза попыталась протиснуться ко мне, но впереди неё оказалась Кристина. Она быстро оглядела меня, взяла за подбородок и повернула лицо к свету.

— Целая?

— Целая.

— Руки покажи.

— Крис, я не маленькая.

— Покажи.

Я показала обе. Она отпустила меня, зато тут же заметила Маю.

— А ты что плечом дёргаешь?

— Калитка не открывалась.

— И?

— Открылась.

Марго направилась к ближайшей шконке. Эн проводила её, а я осталась в проходе. Лиза уже стояла передо мной.

— Ну что? Про фабрику узнали?

— Подожди. Дайте мне две минуты.

— Моя сестра там, Лив. Я не могу две минуты.

Я понимала. И всё-таки от её голоса хотелось просто уйти в умывальник, закрыться и постоять, пока никто ничего не спрашивает. Но Лиза ждала. И все остальные тоже.

— Диану мы не нашли, — сказала я уже громче. — В санчасти никого не было. В одной комнате следы... В общем, что-то там произошло. Нашли её нагрудный знак. Вот.

Я достала его и показала. Кристина взяла пластиковую карточку, прочитала фамилию, потом посмотрела на меня. Я забрала знак прежде, чем кто-нибудь ещё попросил подержать.

— А на промке? — спросила Лиза.

— Мы туда не ходили. Слышали, как сотрудники говорили, что возле хозяйственного прохода видели нескольких человек в зелёных робах. Они шли в сторону промзоны. Кто

именно — не знают. Это могли быть девочки из хозотряда, а могли и не они.

— Значит, живые!

— Я сказала: могли быть. Не надо пока...

— А разве их не на фабрике оставили? — перебила она.

— Марго вчера слышала, как в цехе стучали. Значит, хотя бы там кто-то был.

— Был, — сказала я. — Но когда именно и что сейчас, мы не знаем.

— А что в санчасти? — спросила Нэнси. — Трупы есть?

— Нет, — ответила Эн. — По крайней мере, мы не видели.

— Кровь была?

— Была.

Стеф вернулась с главного выхода.

— Вы мне объясните: вас кто-то из сотрудников видел?

Мы замолчали. Не очень удачно, если собирались делать вид, что просто быстро прогулялись к санчасти.

— Видел, — сказала Мая. — Внутри. Разговаривал по рации.

— С кем?

— С Райдом.

Стеф закрыла глаза.

— Блять. Ну спасибо.

— Мы тебя не называли, — сказала я.

— А он сам, конечно, никогда не догадается, кто у чет-

вёртого дверь открывает.

Мая тем временем незаметно отошла в сторону каптёрки. Я видела, как она придерживала куртку за край, чтобы пакет не шуршал. Эн заметила тоже и заговорила с Лизой ещё громче. У нас с ней, кажется, получалось прикрывать Маю даже без слов.

08:38.

Когда шум немного стих, я наконец дошла до своей шконки. Нора свесилась сверху.

— Я видела, как вы пришли. Марго что?

— Не очень.

— Она ещё ночью была какая-то странная.

— Она там одна бегала, Нор. Я бы тоже странная была.

Нора кивнула. Я сняла ботинки и вытащила из кармана помятое яблоко, которое сунула мне утром Кристина. Есть не хотелось. Нагрудный знак Дианы я подержала на ладони и снова убрала во внутренний карман куртки.

— Ты воду пила? — спросила Кристина за спиной.

— Пила. Чуть-чуть.

— На, допей.

Она подала мне кружку. Я выпила почти сразу и только потом заметила, что вода пахнет пластиком — наверное, из тех бутылок, которые мы ночью наполняли у крана. В умывальнике кто-то долго открывал вентиль. Из труб сначала хрипело, потом пошла тонкая струйка.

— Видишь, — сказала Крис. — Хорошо хоть набрали.

— А если совсем отключат?

— Тогда будем знать, сколько у нас осталось. Пока не надо раньше времени пугаться.

Я присела. Кристина заглянула мне в лицо.

— Ты ведь опять собираешься идти?

— Я ничего ещё не собираюсь.

— Ты с детства так отвечаешь, когда уже всё решила.

— Мы с тобой в моём детстве не знакомы были.

— Не мешай красивой фразе.

Мне стало смешно. На секунду, совсем ненадолго. Потом из соседнего прохода раздался голос Марго, и я поднялась.

Она сидела на шконке, Эн стояла рядом с кружкой. Марго кричала, что не хочет больше воды, и зачем её все заставляют. Эн ничего ей не навязывала, просто протянула кружку.

— Я не заставляю, — сказала Эн. — Поставлю здесь, если захочешь.

— Ты всё время возле меня ходишь!

— Хорошо. Отойду.

Марго прижала руку к груди. На манжете я опять заметила тёмный след.

— Слушай, — сказала я, присаживаясь рядом, — давай хотя бы ранку промоем. Тебе всё хуже, а у нас тут ни врача, ни нормальной аптечки. Надо посмотреть.

— Вы что, решили меня в санчасть обратно отправить?

— Нет. Я просто хочу посмотреть на руку.

— А потом скажете, что я ненормальная?

— Да кто тебе вообще это говорил?

Марго открыла рот, но не ответила. Эн уже принесла немного воды и чистую тряпочку. Я осторожно взяла Марго за запястье. Она сначала сопротивлялась, потом неожиданно разжала пальцы.

На внутренней стороне предплечья тянулась неровная ссадина. Чуть выше были два более глубоких повреждения, похожих на зацепы. У одного из них ткань прилипла к засохшей крови. От воды она отошла не сразу. Марго зашипела и попыталась вырвать руку.

— Всё, всё. Я же не врач, — сказала я. — Сама тогда промой, как тебе не больно.

— Это ночью, — сказала она. — Когда через проход бежала. Там железо торчало.

— Почему не сказала сразу?

— А что бы изменилось?

Я не нашла ответа. Действительно, что? Мы с утра дошли до санчасти, где лежали бинты и антисептик, а про её руку не знали. Обидно было именно это. Мая со своими украденными лекарствами оказалась права ещё раз.

Эн принесла чистую салфетку из своих вещей. Кристина достала из тумбы остаток антисептика, которым обрабатывала мелкие порезы, и мы вместе кое-как привели повреждение в порядок. Марго потом долго держала рукав закатанным, рассматривая повязку, будто не узнавала собственную руку.

— Ты поесть хочешь? — спросила Крис.

— Нет.

— Тогда полежи. Хоть полчаса.

Марго легла не раздеваясь. Эн укрыла ей ноги пледом. Я заметила, что на лице у Марго выступили мелкие капли пота, хотя в комнате было прохладно.

Мы не стали мучить её дальше. Сказать, что мне от этого стало спокойно, не могу.

09:02.

Мая нашла нас возле чаепитки. Куртку она уже сняла, лекарства исчезли, и я не собиралась спрашивать, куда именно. Левую руку она держала на весу.

— Крис, у тебя шарф какой-нибудь ненужный есть?

— Для чего?

— Руку подвязать. Я её, кажется, всё-таки отбила.

— Покажи.

Мая попыталась поднять локоть и тут же выругалась. Кристина не стала тянуть её за больное плечо, просто принесла длинный платок. Мы сделали что-то вроде косынки под предплечье. Мая посмотрела на себя в зеркало над раковиной.

— Красота. Осталось табличку «инвалид» повесить.

— И ещё раз в калитку разбежаться, — ответила Эн.

— Вот за это я тебя и люблю.

Стеф подошла к нам прежде, чем мы успели закончить.

— Звонок был из дежурки. Райд требует меня и одну из

вас. Сейчас.

Мая повернулась.

— Я пойду. Я же с тобой договаривалась.

— Ты куда пойдёшь с этой рукой? — спросила Кристина.

— Ногами же иду.

— Мая, — сказала Стеф, — он спрашивал не только того, кто разрешение выпрашивал. Любую участницу. Мне, честно говоря, вообще всё равно, кого. Лишь бы потом не пришлось объяснять, почему никто не явился.

Я посмотрела на перевязанный локоть Майи. Она ещё утром разбила плечо, но до сих пор пыталась делать вид, что ничего особенного не произошло. И лекарства надо было спрятать, и чужие вопросы отбивать. В конце концов, решение идти за Дианой было моё.

— Пойду я.

— Нет, — сразу сказала Эн. — Ты сейчас начнёшь с ним ругаться.

— А ты, конечно, будешь молчать.

— Я хотя бы сначала подумаю.

— Эн, хватит.

Стеф посмотрела на нас.

— Всё. Лив идёт. Одевайся.

Мая хотела возразить, но я покачала головой.

— Сиди. Ты калитку плечом открывала. Теперь хотя бы дай ему отдохнуть.

— Только лишнего не наговори, — сказала она.

— Я постараюсь.

— Вот это меня и пугает.

Кристина поправила ей косынку и сунула мне в руки куртку. Даже сейчас у неё находилось время следить, как кто одет. Я вздохнула, надела ботинки — второй раз за утро — и пошла вслед за Стеф.

09:17.

На этот раз дверь открыли официально. Пришедший за нами сотрудник сверился с фамилиями, велел идти рядом и предупредил, что никуда сворачивать нельзя. Стеф сразу начала объяснять, что никого не отпускала, просто ситуация была исключительная. Он сказал: «На месте расскажете». И дальше мы шли молча.

У административного корпуса мы подождали, пока сопровождающий поговорит с человеком за дверью. Внутри было прохладно. На подоконнике стоял электрический чайник с открытой крышкой, рядом две немытые кружки. Свет здесь работал, но одна лампа моргала. Я подумала, что у них, видимо, тоже генератор не справляется, и тут же разозлилась: наш отряд со свечками всю ночь просидел, а у них хоть одна лампа моргает.

Стеф теребила ключи. Никогда раньше я не видела, чтобы она так нервничала перед начальством. Обычно это мы стояли перед ней и придумывали, почему кто-то забыл подписать пакет в каптёрке или вышел не по строю. Сейчас она выглядела такой же заключённой, только с ключами.

— Ты только за меня не говори, — шепнула она.

— Не буду.

— И про то, что дверь открыла... Я сама объясню.

— Я же сказала: мы сами решили.

— Лив, не надо изображать благородство. Просто расскажи по-человечески, как было.

Я кивнула. Дверь в дальнем конце коридора открылась, и нам разрешили пройти.

Кейн Райд стоял у стола, а не сидел за ним. На столе лежали два списка, рация, связка ключей и зарядка от телефона. Он выглядел уставшим, хотя и не настолько, как сотрудник из санчасти. Рукава рубашки были закатаны.

— Четвёртый, значит.

— Да, — сказала Стеф.

Он узнал меня. Конечно, узнал. Вряд ли каждый день к нему приводили заключённую, которая при любой удобной возможности напоминала, как сильно ей понравилось распределение на швейку вместо библиотеки.

— Кросс. Не удивлён.

— А я рада, что мы с этого начали, — сказала я.

Стеф шумно вдохнула. Райд посмотрел на неё.

— Сколько человек покинуло отряд?

— Четыре, — ответила она. — Я их выпустила, да. Они хотели выяснить, где Дэвис. Я дала им час и велела вернуться. Никого больше не отпускала.

— Приказ оставаться внутри вы получили?

— Получила.

— И всё равно открыли?

— Если бы я не открыла, они бы сами попытались. Там половина отряда с ночи возле дверей стояла. Я решила, что четверо безопаснее, чем когда они все разом рванут.

Я посмотрела на неё. У Стеф получилось гораздо лучше, чем я ожидала. Райд, кажется, тоже заметил, что она не собирается прятаться за моей спиной.

— А вы, Кросс, почему решили, что можно самостоятельно ходить по территории?

— Потому что Диану вчера отправили на работу, а назад она не пришла. И ни один сотрудник не сказал, где она.

— Это не даёт права открывать режимные проходы и передвигаться без сопровождения уполномоченных сотрудников исправительного учреждения.

— Я знаю, что не даёт. А кто её искать будет?

Он положил ручку.

— Вы не знаете, что происходит снаружи вашего отряда.

— Да. Именно поэтому мы и пошли посмотреть.

— И обнаружили, что можно выломать калитку, зайти в санчасть и создать ещё одну проблему тем, кто пытается удержать учреждение в рабочем состоянии.

— А мы не создавали бы проблему, если бы сидели и ждали, пока нам скажут, что наша подруга пропала окончательно?

— Вы не знаете, что с ней случилось.

— Так скажите мне!

Я повысила голос. Стеф осторожно взяла меня за рукав, но я уже не могла остановиться.

— Вы вчера вызвали хозотряд. Их отправили куда-то ночью. Она была у санчасти, там её нагрудный знак лежал. На фабрике люди остались ещё со вчерашнего дня. Вы знаете хотя бы, сколько их сейчас там?

Райд выдержал паузу. Не как человек, который ищет красивый ответ, а как человек, которому за ночь этот вопрос задали уже раз двадцать.

— У нас нет подтверждённого списка людей по всем участкам, — сказал он наконец. — Связь с частью постов отсутствует. Ваша знакомая могла уйти с группой в другое помещение. Я не буду говорить, что знаю её местонахождение, если не знаю.

Я вдруг почувствовала себя глупо. Не потому, что он был прав, а потому, что я приготовилась ловить его на лжи, а он сказал ровно то, чего мы и так боялись.

— Тогда надо проверить фабрику.

— Проверят, когда будет возможность.

— Когда?

— Когда это не увеличит число пропавших.

— Очень удобно.

Он посмотрел мне прямо в лицо.

— Кросс, если бы я сейчас отправил туда четырёх человек и они не вернулись, вы бы спросили, зачем я их отправил.

И правильно спросили бы. Поэтому сейчас никто никуда не идёт по собственному желанию.

У меня нашлось что ответить, но Стеф заговорила раньше.

— Они в карантин не заходили. Но оттуда слышны крики. Райд посмотрел на неё, потом на меня.

— Вы подходили к карантинному корпусу?

— Шли мимо, — сказала я. — Сотрудник нас провожал. К калитке. Там дверь кто-то колотил, люди кричали. Он велел ускориться.

— Внутри не заходили? Ни в одно помещение карантина?

— Нет.

— Никого оттуда не выводили? Не разговаривали вплотную с людьми, которые были внутри?

— Нет. Мы даже их не видели. Только слышали.

Он что-то пометил в листе. Потом спросил про санчасть: какие кабинеты осматривали, что трогали, сколько времени там были. Я перечислила коридор, лестницу, комнату с перевёрнутым стулом, журнал на стойке. Про лекарства Майи не сказала. Про знак сказала сама: нашла его на полу возле табурета и забрала с собой.

— Нагрудный знак при вас?

— Да.

— Покажите.

Я достала его и положила на край стола. Райд повернул пластик, прочитал фамилию.

— У неё он и раньше плохо держался, — сказала я. — Это не значит, что с ней что-то случилось.

Он поднял взгляд. Наверное, хотел сказать, что я сама себе сейчас отвечаю. Но промолчал. Вернул знак.

— На территории были выстрелы, — сказала я, убирая его. — И за внешним периметром. Мы видели мужчину у забора. В него стреляли, а он продолжал лезть. Что происходит?

— По территории передвигаться без сопровождения опасно. Этого вам достаточно, чтобы выполнить распоряжение?

— Нет, недостаточно. Но я уже поняла, что другого ответа не получу.

Он опёрся ладонями о стол. Рядом затрещала рация. Кто-то назвал номер поста, попросил повторить, потом связь пропала. Райд нажал кнопку, ответил, подождал и положил её обратно.

— Мне не нужны ещё четыре человека, которых придётся искать, — сказал он. — И людям в вашем отряде тоже. Вы сюда явились давать объяснение, а не распределять сотрудников по объектам. В следующий раз дверь не открывать. Это касается и вас, и завхоза.

— Понятно, — сказала Стеф.

— А за калитку кто отвечает?

Я посмотрела на неё. Стеф — на меня. Мая, кажется, мысленно выругалась бы за нас обе, если бы стояла рядом.

— Мы открывали, — сказала я.

— Я уже вижу. Как именно?

— Плохо была закреплена. Ударили, и крепление оторвалось.

— Кто ударил?

— Я пришла вместо Май, — ответила я. — Если нужно объяснение от участницы, записывайте меня. Мы все решили пройти через неё.

Он задержал на мне взгляд. Я не знала, поверил ли он, что ударила именно я. Но и уточнять не стал.

— Объяснение напишете, когда выдадут бумагу. Сейчас возвращайтесь. У дверей отряда ещё раз проверите запоры. Стефани Маерс, людей в отряде пересчитать и отчитаться. И сообщить, кому требуется медицинская помощь. По возможности передадим препараты.

— У нас женщина поранилась, — сказала я. — Марго. Она с ночи плохо себя чувствует.

— Рану обработали?

— Чем смогли.

Он сделал пометку на своём листе.

Я уже повернулась к выходу, когда он добавил:

— И библиотека сейчас тоже закрыта, Кросс. Чтобы у вас не возникло новых идей.

Я остановилась. Ну вот. Значит, помнит.

— Не переживайте. Сегодня у меня другие планы.

Стеф почти силой вывела меня в коридор.

09:49.

Пока мы ждали сопровождающего, она смотрела на меня так, будто решала, ругать или благодарить.

— Я тебя просила по-человечески поговорить.

— Я и говорила. Ни разу даже не выругалась.

— Это ты считаешь достижением?

— Сегодня — да.

Стеф коротко засмеялась, сама от себя этого не ожидая, и тут же помрачнела.

— Он про лекарства не спрашивал?

— Не спрашивал.

— И не надо мне рассказывать, что вы ничего оттуда не взяли. Я вас знаю.

Я промолчала.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Не знаю — значит, не знаю.

Выйдя на улицу, я услышала короткую очередь со стороны внешнего периметра. Стеф автоматически остановилась. Сопровождающий сказал, что нам надо идти, и сам зашагал быстрее. В этот раз я не задавала вопросов. Их у меня стало ещё больше, а ответов никто не прибавил.

10:07.

В четвёртом отряде женщины уже ждали нас возле столов. Кто-то успел разлить чай по кружкам, кто-то перекладывал хлеб из пакетов в общую корзину. Воды из крана почти не было. От обычного воскресенья оставалось только то, что не надо было выходить на фабрику по расписанию. Для тех, кто

там остался, это, видимо, было не так уж приятно.

— Ну? — спросила Лиза, едва мы вошли. — Что он сказал?

— Ничего про Диану, — ответила я. — Не знают, где она. Обещают проверить промзону, когда смогут.

— Когда смогут! — повторила она. — Они всю ночь могут строчить из автоматов, а зайти на фабрику не могут?

— Лиза, я сама это спрашивала.

— И что?

— И ничего.

Эн сидела с Марго. Та не спала. Смотрела на дверь, обнимая колени здоровой рукой. Повязка на второй сползла к запястью.

— Она хоть ела? — спросила я.

— Полконфеты, — ответила Эн. — Потом сказала, что тошнит.

Мая вошла из каптёрки и тихо спросила, удалось ли нам объясниться. Я кивнула.

— Про мои вещи?

— Ничего.

— Хорошо.

— Я сказала, что твоё плечо пострадало, поэтому пошла я.

— Да и так бы пошла. Тебя же хлебом не корми, дай с Райдом поссориться.

— Не поссорила. Просто поговорили.

Кристина посмотрела на меня поверх кружки.

— Вот теперь совсем страшно.

Мы не успели продолжить. В главную дверь громко постучали.

Стеф подхватила ключи, но открывать сразу не стала. Сначала спросила фамилию, дождалась ответа и лишь потом отперла. Вошёл сотрудник с папкой. На секунду я решила, что нас опять вызывают писать объяснения. Вместо этого он попросил всех собраться в секции.

Женщины подтянулись из проходов. Кто-то остался у шконки: слышно было и оттуда. Лиза стояла рядом со мной, так напряжённо сжав руки, что побелели костяшки.

Сотрудник развернул бумагу.

— В связи с чрезвычайной обстановкой до особого распоряжения запрещено покидать жилые отряды без сопровождения и разрешения дежурной части. Производственная зона закрыта. Перемещение между локальными участками прекращено. Все остаются на местах. Сотрудники будут проводить проверку численности и решать вопросы снабжения по мере возможности.

— А на фабрике люди! — сразу выкрикнула Лиза.

Он поднял ладонь.

— Я ещё не закончил.

— А я уже закончила! У меня там сестра. Вы их будете выводить или нет?

— Самовольных выходов не будет, — произнёс он, гля-

дя в бумагу. — Это ради безопасности всех находящихся на территории. Необходимо исключить неконтролируемое перемещение между участками. До отдельного распоряжения к промзоне не подходить.

— Так они там останутся? — спросила Эн.

— Вопрос решается. По остальным отрядам распоряжение такое же. Не создавайте дополнительных проблем. Двери держать закрытыми.

— Вы хотя бы знаете, сколько там людей? — спросила я.

Он посмотрел на меня, и я узнала то самое выражение. Не раздражение даже. Просто просьба, чтобы мы не заставляли его отвечать на вопросы, ответа на которые у него нет.

— Информация уточняется.

Стеф расписалась за получение распоряжения. Лист убрали в папку. Сотрудник ушёл, и мы услышали, как за ним закрывается дверь.

На несколько секунд в секции стало очень тихо. Потом Лиза сказала:

— Они нас просто заперли.

— У нас тут хотя бы вещи наши есть и шконки, — ответила Нэнси. — На промке у девочек даже этого нет.

Мая стояла у стола и придерживала больную руку. Вчера она ещё могла приказать всем в цеху разойтись по машинкам. Сейчас смотрела на Стеф и ждала, что та скажет. А Стеф смотрела на лист с распоряжением, будто там между строк должен появиться ещё один пункт: что делать дальше.

— Ну что? — спросила Лиза. — Опять будем до завтра ждать?

Никто не ответил сразу. Я знала, что она спрашивает не только Стеф. Ещё утром я сама говорила почти то же самое.

Я дошла до своей шконки и достала нагрудный знак Дианы. Положила его на колено. Два чёрных стежка, за которые я столько раз над ней смеялась. Когда вернётся, пришью нормально. Хоть насильно посажу возле себя, никуда не отпущу, пока не закончу.

— Лив, — сказала Эн, остановившись рядом. — Ты что думаешь?

— Думаю, что они промзону открывать не собираются.

— Они сказали «до распоряжения».

— Знаю.

— И что теперь?

Я убрала знак в карман.

— Теперь надо узнать, кто там остался. И как туда вообще можно попасть.

Эн посмотрела в сторону главного выхода, потом обратно на меня. Мы обе видели, как Стеф проверяла замок.

За окнами было обычное воскресное утро. В какой-то другой жизни я бы сейчас спала, а Диана спала бы до десяти, как ей вчера разрешили. Но десять уже прошло. И никто больше не мог сказать, когда она вернётся.

Глава 5. Список

10:19.

— Еду несут! — крикнули от окна.

Я стояла у своей шконки. Эн сидела рядом, а Лиза уже третий раз ходила от главного входа до чаепитки. На словах про еду она даже не обернулась.

В обычное воскресенье мы сейчас были бы в столовой или ещё спали, если повезло с распорядком. Теперь на тележке привезли бак с кашей, хлеб и кипяток в большой закрытой ёмкости. Двое сотрудников оставили всё возле двери и велели Стеф распределить по людям. Один из них пытался подписать ведомость, положив бумагу на крышку бака. Ручка не писала. Он выругался, потряс её и ушёл, так и не спросив, сколько человек в отряде не завтракали.

— Кружки свои несите! — командовала Стеф. — И не толпитесь. На каждого по норме. Второй раз не подходить.

— А на промку отнесли? — спросила Лиза.

Стеф посмотрела на неё.

— Что?

— Еду. На фабрику отвезли?

— Привезли только на жилку. Я спросила. Промзона закрыта.

— Они там с утра вчерашнего!

— Лиза, я знаю.

— Да ни хрена ты не знаешь, раз стоишь и кашу разливаешь.

Стеф поставила половник в бак. Я уже видела, как она сейчас сорвётся, но она только сжала губы.

— Когда у меня появится возможность отправить туда хоть ложку, я отправлю. А сейчас дай другим поесть.

Лиза отвернулась. Мне тоже не хотелось есть. Но Кристина сунула мне кружку, как будто мы снова вернулись к привычной жизни и она следила, чтобы я не пропустила завтрак из-за швейки.

— Съешь. Потом думать будешь.

— Крис, мы уже думали.

— Видела я ваше думанье. Оно в прошлый раз калитку сломало.

Я съела две ложки и подумала, что Диана бы сейчас без разговоров вылизала эту кружку. На фабрике не было питьевой воды: на работу её брали с собой, из туалетного крана не пили. А сейчас, похоже, не работал и он.

— Ты опять туда пойдёшь, — сказала Кристина. Не спросила.

Я посмотрела на неё.

— Я хочу узнать, кто там остался. У Райда даже списка нет.

— И ты ему составишь?

— Если получится.

— А если не получится?

Я не ответила. Она тоже не стала настаивать.

В умывальнике открыли воду. Женщины бросились с тазами и бутылками. Кто-то намылил голову, кто-то ругался на холодную струйку. В баню больше не выводили. Хочешь помыться — лови воду у раковины. И желательно не трать всю на собственную задницу.

Лиза подошла ко мне, когда я споласкивала кружку остатками из бутылки.

— Я иду с вами.

— Мы ещё никуда не идём.

— Лив.

— Идём. Только не ори на весь отряд.

Она на секунду закрыла глаза. Выглядела она ужасно. Мы все выглядели неважно, но у Лизы было такое лицо, будто она боялась даже моргнуть: вдруг в эту секунду кто-нибудь принесёт известие о сестре, а она пропустит.

— Рэйчел осталась там из-за меня, — сказала она.

— Почему?

— Я попросила у неё закончить мой заказ. Она за свою машинку села, а мне надо было выйти. Я же говорила ей: «Я вечером вернусь, помогу». А потом этот ваш вывод в два. Я вышла. Она осталась. И всё.

— Не твой это приказ был.

— Я в курсе. Мне от этого легче не стало.

Я не нашла, что сказать. На фабрике всегда кто-нибудь просил кого-нибудь дошить, заменить на участке, взять чу-

жой крой. Вчера это было просто работой.

10:36.

Собрались у кровати Май. Она сидела с левой рукой на косынке и смотрела на нас троих так, будто заранее знала, что ничем хорошим собрание не закончится.

— Я не пойду, — сказала она сразу.

— Тебя никто не зовёт, — ответила Эн.

— Тогда зачем пришли?

— Как пройти на промку, не через дежурку? — спросила я.

Мая подалась вперёд, поморщилась и снова прижала руку.

— Ты только что у Райда была.

— Помню.

— И опять хочешь туда, куда он запретил?

— Да.

Она посмотрела на Кристину. Та стояла у прохода, сложив руки.

— Я пыталась, — сказала Крис. — Больше не собираюсь изображать, что могу её привязать к шконке.

— Оттуда не вывести людей втроём, — сказала Мая.

— Мы не собираемся всех втроём выводить. Надо понять, сколько их и где. Он сам говорил, что у него данных нет. Там наши девочки. На фабрике ни еды, ни воды. Если мы хотя бы список принесём, может, он зашевелится.

Лиза вставила:

— Мне не нужен список без сестры. Я хочу её увидеть.

— Все хотят кого-то увидеть, — ответила Мая. — Поэтому сейчас слушайте, а не перебивайте.

Она попросила лист и карандаш. Сначала нарисовала два цеха, между ними проход, комнату раскройщиц, лестницу, склад ткани и хозяйственный двор. Рисовала правой рукой, левой придерживала бумагу кончиками пальцев. Получалось криво.

— Это не карта, не привязывайтесь к каждому углу, — сказала она. — За загрузкой есть боковая дверь. Она обычно изнутри на засове, снаружи ничего не откроете. Но там окно над площадкой. Если внутри кто-то есть, стучите по трубе. Девочки из раскроя услышат.

— А до загрузки как? — спросила Эн.

— Через задний проход жилки, потом вдоль хозкорпуса. Дальше надо смотреть по месту. Камеры в первом цехе есть, но задний двор почти не просматривается. Только не думайте, что это значит, будто вас никто не заметит.

— Стеф не откроет, — сказала я.

Мая посмотрела на дверь нашего отряда.

— Главную не откроет. А запасную вы же ночью закрывали изнутри. Там засов, если тумбу оттащить. Снаружи обратно не откроете. Кто-то должен ждать.

— Я подожду, — сказала Кристина.

— Там могут патрули ходить, — предупредила Мая.

— Я видела их вчерашний патруль, — ответила Крис. — Но если пойдёте, назад тем же путём. И без самостоятельно-

сти с ещё одной калиткой.

Эн наклонилась к рисунку.

— Если они нас внутри не пустят, как список сделать?

— Через окно, — сказала Мая. — Или вообще назад идите. И не бродите по цехам, если там никого не видно. Не та сейчас игра.

Нора свесилась с верхней шконки.

— Стеф заметит, что вас нет.

— Скорее всего, — сказала я.

— А потом все будут говорить, что Крис открывала дверь.

Кристина покосилась на неё.

— Я не подписывалась за них отвечать. Но сделаю то, о чём попросили.

— Просто говорю, — буркнула Нора и убрала голову.

Мая отдала мне лист. На обороте она записала пару фамилий женщин, которые вчера точно оставались на смене, и места, где они обычно работали.

— И Диану ищи не только в первом цеху. Если они с хозотрядом от санчасти туда добрались, могли закрыться где угодно.

Я сунула бумагу во внутренний карман, рядом с нагрудным знаком.

— Вернёмся.

— Вот это сначала сделайте, — сказала Мая.

10:54.

Марго лежала на боку под пледом. Эн подошла узнать, как

она. Та открыла глаза, увидела нас в куртках и сразу нахмурилась.

— Опять идёте?

— Только посмотреть, — сказала Эн.

— Я вчера тоже только посмотреть пошла.

Я присела рядом. Повязка на её руке сползла, но трогать не стала. Она вся вспотела, волосы прилипли к вискам. Кристина утром пыталась найти градусник, но в отряде его не было.

— Ты полежи, — сказала я. — Если придут медики, покажи руку. Не скрывай.

— Я сама знаю, что показывать.

— Хорошо.

— И вы дверь не открывайте. Если кто-то с той стороны зовёт — не открывайте.

Эн выпрямилась. Она услышала. Я тоже.

— Мы не в карантин идём, Марго.

— Мне без разницы, куда вы идёте.

Марго отвернулась к стене. Через несколько секунд попросила убрать кружку: от воды её тошнило. Эн молча переставила её на соседнюю тумбу.

Я подумала, что мы опять уходим от человека, которому плохо, искать другого. И даже спросить было не у кого, правильно ли это. Медиков перевели в ПКТ, а оттуда к нам пока никто не приходил.

11:08.

Кристина с Эн отодвинули тяжёлую тумбу от запасной двери. Та стояла там с ночи. Я сняла внутренний засов. Металл неприятно звякнул, и мы втроём застыли. Из главного прохода доносился голос Стеф — она спорила о количестве порций и требовала не таскать хлеб в тумбы. Пока ей было не до нас.

— Два коротких, потом один, — сказала Кристина. — Постучите так, когда вернётесь. Не буду открывать на любой скрип.

— А если не ты услышишь? — спросила Лиза.

— Тут за стеной Нора. Она тоже знает.

Эн усмехнулась:

— Нора уже знает всё, что мы только собираемся сделать.

— Идите уже, — сказала Крис. — А то я передумаю.

Мы вышли по одной. Дверь закрылась за нами. Щёлкнул засов. Я на секунду повернулась к стене и представила, как сейчас Кристина ставит тумбу обратно. Изнутри можно было раздвинуть всё за полминуты, снаружи мы теперь зависели от неё. Не самое приятное чувство.

До внешнего периметра отсюда было ещё далеко, но собственный отряд уже не казался рядом. Вдоль здания тянулась узкая полоса земли, в которой даже трава росла кое-как. Лиза шла впереди, и мне пришлось дёрнуть её за рукав.

— Не гони. Нам сначала до хозкорпуса.

— Я знаю.

— Ты знаешь дорогу на фабрику. Это не одно и то же.

Она сбавила шаг. Впереди кто-то прошёл за углом. Мы втроём прижались к стене. Мимо, не заметив нас, проехала тележка с пустыми бачками. Толкал её мужчина в форме сотрудника, за ним шла женщина с ведомостью. Я узнала бачки — такие же доставили нам завтрак.

— Сами-то в столовой едят, — прошептала Лиза.

— Потихе, — сказала Эн.

Они скрылись за поворотом. Мы пошли дальше. Пахло мокрой землёй и хлоркой. Из одного окна доносился чей-то крик, из другого — смех. Колония была закрыта, люди боялись выйти из отрядов, а кто-то всё равно умудрялся спорить из-за посуды. Почему-то от этого стало немного спокойнее.

На межзонной калитке повреждённая створка так и стояла с щелью. Красный огонёк не горел. На металле висела бумажка «ВХОД ЗАПРЕЩЕН», приклеенная скотчем. Эн посмотрела на меня.

— Не надо вообще ничего больше ломать.

Мы протиснулись по одной. За административным зданием прозвучало два выстрела. Лиза замерла. Никто к нам не бежал. После вчерашнего даже это начинало казаться привычным.

11:27.

На хозяйственном дворе валялись пустые катушки, свёрнутый брезент и чья-то рабочая перчатка. Раньше здесь постоянно кто-нибудь курил или таскал коробки. Теперь ни души. На двери кладовой висел обычный замок. Рядом — таб-

личка, которую Мая нарисовала нам на своём листе: «ПРОХОД К ПРОИЗВОДСТВЕННОМУ КОРПУСУ».

— Только бы там не стоял пост, — сказала Эн.

За углом действительно стоял сотрудник. Мы увидели его раньше, чем он нас: у перекрытого въезда, спиной к нам. Он говорил по радиии, то поднимал её ко рту, то слушал. По обрывкам слов я поняла, что он спрашивает про транспорт к ПКТ.

Лиза уже открыла рот, и Эн зажала ей руку.

Пришлось возвращаться за пустые катушки. Мы выждали, пока сотрудник уйдёт к воротам, и пробежали вдоль погрузочной стены. Из-за брезента торчала ржавая труба. Лиза зацепилась курткой, выругалась и отдёрнула ткань. Раздался треск.

— Тише, блять, — прошипела Эн.

— Я не специально!

— Знаю. Потому и страшно.

Бежать хотелось страшно. Но бегущих людей заметнее всего, поэтому мы просто пошли дальше, стараясь не оглядываться каждые две секунды.

Впереди показался производственный корпус: цеха, лестницы, загрузочные ворота, пристройки. За три года я ходила сюда почти ежедневно, но с хозяйственного двора фабрика выглядела чужой. Столько входов и закоулков, что и в обычную смену полдня человека ищешь. Камеры висели у ворот и в цехах, а за складом почти ничего не просматривалось.

— Вот почему он боится туда людей посылать, — сказала я.

— Райд? — спросила Эн.

— У него половина постов не отвечает. А тут куда ни посмотри — дверь. Не знает, кто за ней.

— Мы тоже не знаем, — напомнила она.

Лиза посмотрела на нас обе.

— Может, хватит обсуждать, чего он боится? Давайте войдём.

11:41.

У погрузки было тихо. Ворота закрыты, боковая дверь не поддавалась. На окне над площадкой висела грязная штора. Я стукнула по трубе, как сказала Мая. Один раз, два. Потом ещё.

Ничего.

— Они дальше, — сказала Лиза. — Может, в первом цеху.

— Если пойдём к главному входу, нас заметят, — ответила Эн.

Я снова постучала. На этот раз сильнее. Железо загудело так, что я сама пожалела. За шторой что-то шевельнулось.

— Эй! — крикнула я вполголоса. — Девочки! Это Лив из четвёртого! Откройте!

Штора приподнялась на пару сантиметров. Лица я не разглядела.

— Назовись! — раздалось изнутри.

— Я назвалась! Кросс! Лив! С Эн пришли. И Лиза тут!

— Кто такая Лиза?

Лиза подскочила к окну.

— Элизабет! Рэйчел там? Рэйчел, это я!

С той стороны кто-то быстро заговорил, потом стихло. Мы стояли и смотрели на окно. Я слышала собственное дыхание и никак не могла решить, хочется мне плакать или на кого-нибудь заорать.

Наконец из-за двери щёлкнул засов. Створку открыли ровно настолько, чтобы показалась половина женского лица. Я узнала Эллу из раскройного — мы несколько раз занимали друг у друга ножницы.

— Вы что, совсем ебанулись? — прошептала она. — Откуда вы здесь?

— Из отряда. Нас трое. Можно войти?

— Подождите.

Дверь снова закрылась. Потом она закрипела, и Элла пропустила нас по одной. Изнутри засов вернули на место сразу, ещё до того, как Эн успела поправить куртку.

Элла посмотрела на нас. У неё пересохли губы, и когда она провела по ним языком, они потрескались ещё сильнее.

— Мы тут со вчерашнего утра. Из еды — ничего. Воды нет. У одной бутылка была с собой, её ещё ночью выпили. Вы хоть пить принесли?

Мы переглянулись. У Эн была небольшая бутылка, в которой оставалось меньше половины. Она достала её.

Элла даже не потянулась.

— Нет. Дай тем, кому хуже. У нас в раскрое двое лежат. Лиза уже шла к двери в основной коридор. Я поймала её за локоть.

— Сначала тихо. Пусть покажут, где люди. Мы не для того сюда шли, чтобы всех перепугать.

Элла устало усмехнулась.

— Перепугать? Ну попробуйте. С вчерашней ночи мы уже ничего не боимся.

11:53.

Внутри фабрика пахла не так, как обычно. Не было горячего воздуха от машин, сладковатой пыли от синтепона и табачного дыма из туалета. Было душно, пахло потом, тканью и несвежей одеждой. Когда мы вышли в первый цех, у меня свело живот.

Машинки стояли рядами, как всегда. На моей лежал недошитый крой. Кто-то поставил на стол перевёрнутую кружку, чтобы на неё не садилась пыль. И между этими рядами сидели женщины. На полу, на стопках ткани, на столах, завернувшись в куртки. Кто-то спал, хотя снаружи было уже почти полдень. Кто-то говорил вполголоса. Несколько человек повернулись к нам и встали.

— Лив?

Я услышала Диану раньше, чем увидела. Она вышла из прохода между машинками, и я не сразу смогла двинуться. На ней была та же зелёная роба, только косынка куда-то делась, волосы выбились из косы, а на подбородке засохла тон-

кая полоска крови. На её куртке у локтя зияла дырка.

— Ди?

— Ну ты и дура, — сказала она.

А потом мы обе почему-то засмеялись. Она обняла меня так крепко, что мне стало больно в рёбрах. Я вцепилась в неё и стояла, уткнувшись лицом в её плечо. От неё пахло потом, пылью и чем-то металлическим. Живая. Она была живая, тёплая, ругалась и дышала мне в ухо.

— Ты где была? — спросила я. Вышло глупо. — Ты вообще понимаешь, что...

— Я понимаю. Ты сама как сюда попала?

— Потом. Дай посмотрю на тебя.

Я отстранилась, взяла её за лицо. Под глазом небольшой синяк. На правой ладони несколько новых царапин. Старые порезы после колючки уже подсохли.

— Не кусали? — вырвалось у меня.

Диана посмотрела странно.

— Кто?

— Я не знаю. Мне Марго рассказывала, что там кто-то бросался на людей.

Диана перестала улыбаться.

— Не здесь. Пойдём, я расскажу.

— Рэйчел! — закричала позади Лиза.

Из второго ряда вышла невысокая девушка с такими же, как у Лизы, глазами. Волосы у неё были собраны в небрежный хвост, роба велика в плечах. Она увидела сестру, при-

крыла ладонью рот и буквально налетела на неё. Лиза начала что-то говорить, но слов не получилось. Рэйчел только повторяла: «Ты пришла, ты пришла», будто не верила, что это произошло.

Эн отвернулась, делая вид, что рассматривает станок. Я знала этот её приём. Когда она не хотела, чтобы кто-то видел слёзы, начинала изучать любую херню вокруг с видом самого ответственного человека на свете.

— Всё? — сказала Диана мне на ухо. — Нашлись?

Я обернулась. Женщины уже подтягивались к нам. Кто-то требовал рассказать, что происходит в жилке, кто-то спрашивал, правда ли за забором война, а кто-то просто хотел узнать, дадут ли им сейчас воду.

12:06.

Диана отвела меня в комнату, где раньше хранили готовые пачки кроя. Сейчас там сидели женщины из хозотряда. Одну я знала по имени, остальных видела на проверках. Семеро. Диана была среди них. Марго, как я знала, добралась до жилки. Где остальные, Диана не знала, и я не стала притворяться, будто могу успокоить её.

— Когда я закрыла калитку, — начала она, — Марго рванула к отрядам. А мы с сотрудником остались возле санчasti. Он хотел открыть другой проход и вывести тех, кто был у здания. Я слышала крик. Не такой, когда кто-то с кем-то подрался. Девочка кричала, пока голос не сорвала.

Диана присела на край стола. Руки у неё дрожали. Я села

напротив.

— Из двери выбежала женщина. Вся в крови, я сначала подумала, что ей лицо порезали. Следом медбрат или кто там был, я даже не успела разглядеть. Она на него бросилась. Схватила за шею и вцепилась зубами. Он орал, пытался оттолкнуть, а она как будто не слышала. Сотрудник рядом со мной крикнул отойти. Мы отошли. Он выстрелил.

— И?

— Она упала на колено. Потом встала. Лив, я видела, как в неё попали. Не просто рядом стреляли. У неё на куртке спереди дыры были, кровь шла. Она всё равно шла к нему. Он ещё стрелял. Тот, на кого она напала, уже не вставал. Я до сих пор помню, как он ногой по полу бил.

Она потёрла лицо ладонями. Я хотела спросить, куда попали в последний раз, но остановилась. Какая разница? Диана едва выбралась. Да и я видела мужчину у забора. После его падений он тоже поднимался, пока наконец не перестал.

— Потом из здания ещё кто-то выбежал, — продолжила Диана. — Мне кажется, две женщины. Может, одна. Там всё смешалось. Сотрудник велел нам уходить в сторону хозяйственного прохода. Мы побежали. Там встретили наших из хозотряда, их как раз гнали с другого участка. Один мужчина с поста открыл проход на промку, крикнул, чтобы запирались на фабрике. За нами пошёл, но ему по рации что-то сказали, и он остался у ворот.

— Ты его видела потом?

— Нет. Мы дверь закрыли. И всё. Сидим. На складе девочки пробовали дозвониться — связи нет. Кто-то вчера из окна видел сотрудника возле ворот, кричали ему. Он показал, чтобы оставались внутри.

— Почему ты не пошла к жилке?

Диана посмотрела на меня так, будто я спросила, почему она не вышла через забор.

— Как? Через ту дверь, где женщина человека жрала? Мы вообще не знали, что в отрядах происходит. Я думала, вас уже вывели. Потом услышала стрельбу за внешней. А здесь хотя бы все вместе и можно закрыться.

Она замолчала.

— У вас нормально?

Я вспомнила Марго и её рукав. Воду в бутылках, тумбы у двери, Райда с листьями на столе.

— Нет. Но пока все живые. Марго вернулась. Руку поранила, ей плохо. Медиков перевели в ПКТ. Карантин закрыт. На промзону теперь вообще запрещено.

— Про Марго я думала, — тихо сказала Диана. — Она так побежала, я потом думала, вдруг попала не туда.

— Она тебя тоже искала. Мы из-за неё сюда и дошли.

Я достала знак. Диана уставилась на него, потом взяла и провела пальцем по оторванному углу.

— Блять. А я его искала.

— Сколько раз я тебе говорила пришить нормально?

— Ты сейчас серьёзно?

— Очень. Когда вернёшься, сама пришью. И ты будешь сидеть и смотреть.

Она улыбнулась, но глаза опять заблестели. Потом протянула знак обратно.

— Сохрани пока. Я здесь ещё раз потеряю.

Я убрала его в карман. У нас ещё было слишком много дел.

12:23.

Первые десять минут мы пытались просто отвечать на вопросы. Выходило плохо. Все говорили одновременно. Элла показала женщину, которой стало дурно в раскройном; другая просила найти подругу с соседнего участка; третья уверяла, что в кладовой ночью кто-то стучал, но никто не пошёл проверять.

— Стоп, — сказала я, встав на ящик с тканью. — Вы меня сейчас по одной спрашивать будете до завтрашнего утра. Нам нужно понять, сколько вас. У администрации нет полного списка по промке. Я хочу принести им фамилии и сказать, где вы сидите. Тогда они хотя бы будут знать, кого выводить.

— Да они знают, кто на работе! — крикнули сзади.

— Знали вчера. У них половина постов не отвечает.

На это никто не ответил.

— Мы не будем всех выводить сами, — продолжила я. —

Нас трое. Но список составим. И кто ранен, кому плохо, тоже запишем. Только не орите мне одновременно. У меня голова уже раскалывается.

Диана принесла журнал смены. Там был субботний список, но его не закрыли после вывода в два часа. Мая в четырнадцать часов была уже в жилке, а рядом с её фамилией всё ещё стояла отметка, будто она работала. С другой стороны, несколько женщин из третьего отряда отсутствовали в журнале, потому что их перевели на другой участок. По одной бумаге считать было нельзя.

Мы разбились на части. Эн пошла с Эллой по раскрою и складам, Лиза с Рэйчел — по основному цеху, а я с Дианой проверяла подсобки, туалеты и второй производственный зал. Двери открывали по одной. За каждой сначала окликали людей. Я не собиралась заходить в тёмную комнату просто потому, что раньше там хранили нитки.

В первом туалете никого не было. Вода из крана не шла, хотя ручку кто-то вывернул до конца. На подоконнике лежала пустая бутылка. В ней ещё оставалась капля, и я поймала себя на том, что смотрю на неё слишком долго.

— Вы ничего не пили? — спросила я.

— Вчера было у нескольких девочек с собой. До ночи поделили. Потом всё. У некоторых губы уже в кровь. Одна хотела из технической канистры пить, ей не дали. Там не поймаешь, что внутри.

Я достала свою бутылку. Осталось совсем немного, но Ди-

ана не взяла.

— Отнеси той, которой плохо.

— Ты сама сколько не пила?

— Я же говорю. Иди.

В раскройном женщина лежала на утеплителе, подложив куртку под голову. Выпила два маленьких глотка и вернула бутылку. Я хотела сказать, чтобы допила, но рядом стояли ещё трое и смотрели на неё. Мы привыкли экономить сигареты и спички. А теперь люди делили последние глотки воды.

Во втором зале Лиза нашла запертую изнутри комнату. Там сидели две женщины из соседнего отряда. Они забаррикадировались ночью после выстрелов. Рэйчел узнала одну по голосу, и только тогда они отодвинули стол. Одна всё ещё держала ножницы.

— Я вас чуть не ткнула, — сказала она, когда мы вышли обратно в коридор.

— Спасибо, что предупредила уже после, — ответила Рэйчел.

Женщина попыталась улыбнуться, но заплакала. Лиза отвела её к остальным.

12:58.

Сверяли списки втроём, хотя писать было неудобно: карандаш тупился, бумага заканчивалась, у людей фамилии были похожие, а некоторые называли только имена. Диана заставляла каждую произносить полное имя и номер отряда.

Одна женщина возмутилась, что нас и так здесь все знают.

— Меня тоже все знают, — сказала Ди. — Только в жилке я уже сутки как пропала. Говори фамилию.

Наконец получили пятьдесят девять человек: пятьдесят две женщины с производства и семь из хозотряда. Лиза приписала рядом с Рэйчел «четвёртый» и подчеркнула дважды. Я не стала над ней смеяться. У себя в кармане я всё утро носила пластиковую карточку с одной фамилией.

Отдельно записали слабость, порезы, постоянные препараты. Я не стала делить людей на «заражённых» и «здоровых»: мы понятия не имели, что искать. Только то, что видели и слышали.

— Здесь у вас одна дверь со стороны загрузки открывается изнутри, — сказала Эн, сверяясь с рисунком Май. — Основные ворота закрыты, проход в жилку перекрыт, этот коридор мы проверили. А с дальнего склада как выйти?

Элла показала ещё один служебный выход, но предупредила, что там решётка. Мы записали. Две комнаты до конца не осмотрели: одна была заперта на ключ, у другой сверху заклинило раму. Мы не стали врать, будто проверили их. В списке напротив этих помещений поставили вопросительный знак.

Диана посмотрела на часы над цехом. Они остановились ночью. Я посмотрела на свои: времени было гораздо больше, чем хотелось.

— У вас пересчёт ещё не был? — спросила она.

— В жилке пока нет. Но медиков ждут. Стеф уже спрашивала, сколько у нас раненых.

— Значит, вам назад надо.

— Список ещё перепишу.

— Лив. Назад.

Мы с Эн переглянулись. Она уже поняла. Если к нам в отряд придут Клара или Тесса, начнут проверять людей по фамилиям и не досчитаются троих, всё вскрыется раньше, чем мы успеем принести сведения. А если на фабрику пришлют сотрудников, нас найдут здесь — тоже отличный результат.

— Подожди, — сказала я Диане. — Ты ведь с ними останешься?

— А куда я денусь?

— Нет, в смысле не лезь сама куда-то ещё. Мы теперь знаем, где вы. Я отнесу список. Пусть проверят вас и выведут.

— Ты уверена, что они это сделают?

— Нет. Но теперь им хотя бы не получится сказать, что они не знают, кто тут.

Диана забрала у меня карандаш.

— Тогда сюда припиши: воды нет, еды нет. С самого утра вчерашнего. И чтобы медики обязательно пришли. У нас женщина в раскройном почти не встаёт.

Я написала крупно, на отдельном листе. Подчеркнула два раза. Впервые за утро мне стало проще думать, когда пришлось записывать не про Диану, а про всех.

Прощаться оказалось хуже, чем встречаться. Рэйчел стояла рядом с Лизой и не выпускала её руку. Лиза уверяла, что сейчас придёт с сотрудниками, и сама понимала, что обещать это нельзя.

— Поесть принеси, — попросила Рэйчел.

Лиза зажала рот ладонью.

— Я попытаюсь.

— Я знаю. Я просто уже не могу о другом думать.

Эн отдала им свою куртку. Не потому, что там было холодно, просто у женщины на раскрое не было чем укрыться. Даже пустую бутылку я забрала: в отряде можно будет снова наполнить, если дадут воду.

Диана проводила нас к погрузке. За боковой дверью прислушались: тихо.

— Не открывайте никому, пока не назовутся, — сказала я.

— Да ладно? — Диана посмотрела на меня с прежним выражением. — А мы с утра собирались всех подряд приглашать.

Я обняла её ещё раз. Быстро, крепко.

— Я думала, ты умерла.

Она не ответила сразу.

— Я тоже пару раз так думала, — сказала наконец.

Засов отодвинули. Мы вышли на площадку. За спиной дверь сразу заперли. Я ещё несколько секунд стояла и смотрела на неё. Потом Эн взяла меня за локоть.

— Пойдём. Пока не увидели.

Обратная дорога показалась короче. Наверное, потому что теперь я боялась не того, что ждёт за фабричной дверью, а что кто-нибудь отберёт у меня эти два листа, и мы снова окажемся там, где были утром: «Информация уточняется».

У склада едва не столкнулись с двумя сотрудниками. Они тащили ящик, спорили о каком-то кабеле и не смотрели по сторонам. Мы успели пригнуться за брезент. У Лизы дрожали руки. Она держала ладони на коленях, и я видела, как пальцы ходят ходуном.

— Она живая, — прошептала я.

— Я видела.

— Мы вернём её.

— Не обещай, Лив.

Я кивнула. Она была права.

13:37.

Запасная дверь четвёртого отряда на наши три коротких удара не ответила. Я повторила: два, пауза, один. За дверью что-то заскребло. Потом послышался голос Норы:

— Назовитесь.

— Да блять, Нор, это я.

— Ты же сказала, два коротких и один. А в первый раз ты три подряд стукнула.

— Я сейчас здесь сдохну от твоей внимательности. Открывай.

Щёлкнул засов. Мы проскользнули внутрь. Нора стояла с такой серьёзной рожей, будто действительно нас задержала

на посту. Кристина уже оттаскивала тумбу обратно.

— Все? — спросила она.

— Все. Диана живая.

Кристина зажала губы ладонью и отвернулась. Потом взяла меня за плечи, тряхнула, посмотрела в лицо.

— Всё, говори теперь нормально. Где она?

— На фабрике. С остальными. У меня список.

Из прохода выглянула Стеф. Я не поняла, как долго она там стояла.

— Какой ещё список?

Мы замолчали. Эн села на край шконки. Лиза вдруг стала очень заинтересованно рассматривать шнурки на ботинках.

— Так, — сказала Стеф. — Вы опять выходили.

— Мы вернулись, — ответила я.

— Вы издеваетесь? Я вам только утром сказала, что больше никого не выпущу!

— Ты и не выпускала. Мы через запасную.

— А кто её открыл?

— Я, — сказала Кристина.

Стеф закрыла глаза. Когда открыла, выглядела не злой, а постаревшей лет на десять.

— Всё. Не хочу знать. Нет, хочу. Дай бумагу.

Я отдала ей лист. Она читала молча. Потом вернулась к началу, прошла взглядом по фамилиям, остановилась на строке «59».

— Это все, кого вы видели?

— Все, кого пересчитали по цехам. Есть две закрытые комнаты, их не проверили. Но в списке каждый, с кем говорили. Указано, кто где находится, кому плохо и где выходы.

— Вы там были?

— Были. Диана жива. Рэйчел тоже. Вода и еда на фабрику не поступали. С субботнего утра. Стеф, у них женщина почти не встаёт.

Стеф села на ближайшую шконку прямо с листом в руках. На секунду мне показалось, что она сейчас заплачет. Но она только потёрла лоб.

— У нас скоро медосмотр. Сказали подготовить людей и список раненых. Если обнаружат, что вы отсутствовали...

— Мы уже здесь. Никого не придётся искать.

— Ты думаешь, дело только в том, чтобы вас не искать?

— Нет. Но я этот список всё равно Райду понесу.

Она подняла голову.

— Он меня после первого раза чуть не сожрал.

— Я сама скажу, как вышла. Ты дверь не открывала.

— А Кристина открывала. Это, по-твоему, лучше?

Я посмотрела на Крис. Та покачала головой.

— Я знала, что делаю.

Стеф встала.

— Подожди здесь. Я попробую связаться с дежуркой. И не вздумай теперь сама бежать к администрации. Хоть эту дорогу пройдем официально.

Лиза села рядом и закрыла лицо ладонями. Эн рассказала остальным, что Диана жива. Потом пошли вопросы о других, и мне пришлось повторять: список есть, люди живые, но пока вывести их нельзя.

Марго приподнялась на шконке, когда услышала имя Дианы.

— Она живая?

— Живая. Она про тебя спрашивала.

— Что говорила?

— Что ты молодец, что добралась.

Марго смотрела на меня несколько секунд. Потом легла обратно и отвернулась. Я не стала подходить ближе. От неё пахло кислым потом. Эн поправила плед. Мне хотелось, чтобы пришли медики. И в то же время я поймала себя на том, что страшно представить, как они начнут расспрашивать Марго о её руке.

Стеф вернулась от двери.

— Райду передали. Велел явиться с документом и одной из участниц. У него, видимо, сегодня день встреч с тобой, Кросс.

— Я пойду.

— Я уже поняла. Куртку только застегни. Ты вообще когда-нибудь хоть раз делаешь всё так, чтобы мне за тебя не приходилось краснеть?

— Когда сплю.

— Что-то давно ты этим не занималась.

Кристина протянула мне маленькую кружку воды. Я выпила. Хотела взять побольше, но вспомнила фабрику и поставила обратно. Не потому, что от этого там прибавилось бы воды. Просто теперь любая капля казалась чужой.

14:09.

К Райду меня снова провели через административный корпус. Стеф шла рядом, держа список так, будто это был самый важный документ во всём учреждении. Может, сейчас так и было.

Кейн сидел за столом. При нашем появлении поднял глаза и на секунду просто замолчал.

— Кросс. Я не понял, вы тут поселиться решили?

— У меня новости про фабрику.

— Очень надеюсь, что они поступили законным путём.

Стеф положила листы на стол.

— Список. Фамилии, отряды, состояние, расположение. Девочки с промки. Пятьдесят девять подтверждённых человек.

Кейн перевёл взгляд с неё на меня.

— Откуда?

— Я была там.

Он откинулся на спинку стула. Тишина продлилась так долго, что я успела разглядеть на его столе остывший чай и две рации. Одна постоянно потрескивала, но он не брал её.

— Вы только что были здесь, Кросс. Вы слышали распоряжение.

— Слышала.

— И намеренно его нарушили.

— Да. Стеф меня не выпускала. Я через запасную дверь вышла.

— Прекрасно. Ещё одна дверь, которую нужно закрывать снаружи. У вас там секретный кружок по разрушению учреждения?

— Можете потом отдельно про дверь. Сейчас посмотрите лист.

Он взял его, но не начал сразу читать.

— Почему вы считаете, что я должен верить вашей информации?

— Не считайте. Проверьте. Там пофамильно, кого мы видели, где они сидят. Две комнаты не смогли открыть — так и написано. Если бы я хотела соврать, сказала бы, что всё проверила и никого больше нет.

Он посмотрел на пометки, стал читать. В какой-то момент перевернул лист, вернулся обратно, позвал сотрудника у двери.

— Подними журнал субботнего вывода и список производственных участков. Сверить с этим. Связаться с ответственным по промзоне. Если канал живой, сообщить, что в корпусе подтверждены люди. И медиков предупреди — понадобится выездная проверка.

Сотрудник взял копию. Я успела подумать, что надо было сделать три экземпляра, а не два. Кейн оставил оригинал у

себя.

— Откуда цифра пятьдесят девять?

— Пересчитали. Пятьдесят две с производства, семь из хозотряда. Там Диана Дэвис. Я её видела, говорила с ней.

— Её состояние?

— Нормальное, насколько после такой ночи может быть. Видимых тяжёлых ран нет. Но другие женщины слабые. У них нет еды и питьевой воды с субботнего утра. Питание шло только в отряды, на промку ничего не доставляли. Некоторые уже плохо стоят. Вот отдельно записано, кому нужна помощь.

Он дочитал строку, где я дважды подчеркнула «НЕТ ВОДЫ И ЕДЫ», и больше не шутил.

— Вы уверены, что на территории нет угрозы?

— На самом производстве мы никого такого не видели. Но это не значит, что я проверила каждый склад. За закрытые двери мы не ломались. Они сами закрылись внутри после того, что было ночью.

— Что именно было?

Я рассказала, что Диана видела возле санчасти. Как женщина напала на мужчину, как продолжала двигаться после выстрелов. Не пересказывала каждую деталь её словами, но не стала смягчать самое главное. Кейн слушал молча. Когда я сказала, что Диана видела укусы, он спросил:

— Она сама контактировала с нападавшими?

— Говорит, нет. Но у неё на руках ещё со вчерашнего дня

порезы после колючки. Я их видела. У остальных тоже могли быть рабочие раны, поэтому мы всё записали. Это врач должен смотреть, не я.

Он поднял на меня глаза.

— Вот с этой частью я согласен.

— Отлично. Значит, наконец-то хоть в чём-то.

Стеф незаметно толкнула меня локтем. Я замолчала.

Кейн свернул лист, потом снова развернул.

— Я не отправлял людей туда, потому что мы не знали, что внутри. Большой корпус, много закрытых помещений, камеры покрывают только часть проходов. По ряду постов связь потеряна. Если туда ввести группу вслепую, можно не вывести ни её, ни тех, за кем пришли. Теперь у нас есть направление и фамилии. Но ваши глаза — это не медицинское заключение, Кросс.

— Я не утверждала, что медицинское. Я говорю, что им надо дать воду и вывести. Сегодня. Не завтра.

— Сначала проверка. Никого не смешивать с жилыми отрядами до осмотра.

Он нажал кнопку рации, назвал имя Хелен Уорд и попросил соединить с медпунктом в ПКТ. Несколько секунд ждал. Потом по второму каналу ответил женский голос. Он сообщил количество людей, местонахождение, отсутствие снабжения, необходимость оценки состояния и возможного вывода по отрядам. Я слушала и впервые за день слышала, как мои слова превращаются во что-то, кроме очередного «по-

том разберёмся».

— Сколько человек можете выделить? — спросил он в рацию. — Да, понимаю, что у вас там уже очередь. Но без осмотра я их в жилку не выведу. Тогда сначала вода и сопровождение. Обход отрядов не отменяем. Согласуйте порядок, сообщите мне.

Связь опять зашипела. Кейн положил рацию.

— Воду отправим отдельной доставкой под охраной. Медицинскую группу подготовят. После осмотра и сверки списка будет организованный вывод. Тех, кто требует изоляции, направят в отдельные помещения. Остальных — в свои отряды.

— А когда?

— Когда соберём людей для безопасного прохода.

— У них уже сутки нет воды.

— Я слышал вас с первого раза.

Он посмотрел на Стеф.

— В четвёртом подготовить поимённый список, отдельно отметить раненых и заболевших. Обходы по жилым отрядам тоже не отменяются из-за того, что кто-то самостоятельно решил мне помочь. И запасную дверь закрыть так, чтобы из отряда больше не выходили по желанию. Понятно?

— Понятно, — сказала Стеф.

— Кросс, объяснение за повторный выход напишете. Не считайте, что я вам разрешил ходить, куда вздумается.

— Не считаю.

Он вернул мне копию списка.

— Дэвис вы увидите после проверки. До этого не лезьте.
14:38.

На обратном пути мы встретили сотрудников с канистрами воды на тележке. Я не знала, на фабрику ли везли эти канистры, и хотела спросить. Стеф заметила мой взгляд раньше.

— Нет.

— Я ничего не сказала.

— Ты лицом сказала.

— Он же обещал.

— Обещал. Теперь дай людям выполнить работу.

Я посмотрела на неё. С утра она только и делала, что пыталась удержать нас внутри. А сейчас шла рядом с листом, который мы привезли, и сама не знала, получится ли у сотрудников всё сделать.

— Ты правда не знала, что там столько человек? — спросила я.

— У нас был список выходов. Но кто именно успел выйти в два, кто остался на другом участке, кто вообще не попал в журнал, я знать не могла. Производство большое. И связи с ним с ночи нет. Мы своих-то каждую проверку по людям считаем, а не по бумажке.

— Теперь будут считать всех.

— Теперь хотя бы попробуют.

14:51.

В отряде уже готовились к осмотру. Стеф велела женщинам оставаться в секции и не разбредаться по помещениям, а Кристина на отдельном листе записывала, кто жалуется на плохое самочувствие и кому нужны постоянные лекарства. У Май левая рука висела на косынке. Она спросила про список, но я ещё не успела ответить, когда подошла Лиза.

— Что сказал?

— Воду отправляют. Медиков готовят. Вывод после осмотра.

Она смотрела на меня, словно пыталась понять, не приду-мала ли я это, чтобы отстала.

— Рэйчел вернётся?

— Если пройдёт проверку, её вернут в четвёртый.

— А Диана?

— Тоже.

Лиза кивнула. Потом вдруг села на ближайшую шконку и закрыла лицо руками. Я села рядом. Мы не разговаривали. Впервые за день у нас появилось что-то конкретное, чего можно было ждать.

Из главного прохода Стеф крикнула, чтобы все приготовились к осмотру. Кто-то заворчал, что она совсем спятила, кто-то побежал к раковине умыться, пока вода ещё шла тонкой струйкой. Марго лежала в соседнем проходе, и я увидела, как она потянула рукав ниже на запястье.

За дверью отряда слышались шаги. Потом осторожный стук.

— Медицинский обход, — сказал женский голос.

Я повернулась к двери. На фабрику сейчас должны были отправить воду, потом врачей, потом тех, кто сможет провести пятьдесят девять женщин обратно. А здесь нас уже собирались считать и осматривать по одной.

Диана снова была не рядом. Но теперь я хотя бы знала, где она. И впервые с ночи у меня в кармане лежал не только её оторванный знак, а листок с именами людей, которых уже нельзя было просто не заметить.

Глава 6. Вывод

14:51.

— Осмотр, — повторили за дверью.

Стеф подошла к выходу, но сразу открывать не стала. Приложила ухо к двери, хотя голос мы и так слышали прекрасно.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Уорд. С медгруппой.

Стеф посмотрела в сторону секции, где женщины уже успели собраться возле прохода.

— Отойдите подальше.

Конечно, никто никуда не отошёл. Просто сделали по полшага назад, а самые любопытные вытянули шеи. Я тоже стояла среди них.

Замок щёлкнул. Потом второй.

В отряд вошла женщина в медицинской куртке, с тёмными волосами, собранными в низкий хвост. За ней — молодая медсестра с сумкой через плечо и сотрудник, который сразу остался возле двери. По лицу женщины было видно, что она не первый час на ногах. Не такая усталость, когда хочется поспать. Скорее, когда уже и спать не хочется, потому что некогда.

— Доктор Уорд, — представилась она. — Мне нужен список отряда и отдельный список заболевших.

— Подготовили, — ответила Стеф.

Кристина принесла два листа. Хелен взяла первый, просмотрела, перевернула.

— Раненых сюда включали?

— Отмечены отдельно.

— Хорошо. Тесса, записывай.

Медсестра вытащила ручку, папку с зажимом и несколько бланков. Ручка почему-то сразу перестала писать. Она потрясла ею, чиркнула на ладони и попросила у Стеф другую.

У нас, значит, конец света, а ручки по-прежнему кончаются в самый нужный момент.

— Мы пришли проверять состояние всех, — сказала Хелен уже громче, обращаясь к отряду. — По очереди. Прошу не скрывать раны, температуру и другие жалобы. Если вы контактировали с человеком, который вёл себя необычно или нападал на окружающих, об этом тоже нужно сказать.

— А вы нам сначала скажите, что вообще происходит! — крикнули из дальнего прохода.

— На данный момент у нас недостаточно сведений.

— Ну конечно!

— Я понимаю ваше недовольство. Но я тоже здесь с вами.

Меня это даже немного удивило. В санчасти на обычной медкомиссии нам зачастую столько лишнего рассказывали, лишь бы скорее выпроводить из кабинета. А сейчас врач прямо сказала, что не знает. И как-то от этого спокойнее не стало.

Лиза стояла рядом со мной.

— Спроси про фабрику, — прошептала она.

— Уже спрашивала.

— У неё?

— У Райда. Совсем недавно.

— Ну и что?

Я повернулась к ней, собираясь ответить, но она уже смотрела на Хелен. Я Лизу понимала. Когда ждёшь одного конкретного человека, все остальные сведения совершенно бесполезные. Мне тоже хотелось спросить только одно: «Диану когда вернёте?» И желательно получить время. Часы, минуты. Лучше ещё фамилию сотрудника, который за ней пойдёт, чтобы потом было с кого спрашивать.

Медики начали осмотр.

15:03.

Первой вызвали Нэнси. Она долго возмущалась, зачем ей мерить температуру, если она здорова, потом пожаловалась на головную боль, а когда Тесса спросила, давно ли болит, ответила, что вообще-то уже неделю.

— Мигрень у неё, — не выдержала Кристина.

— Крис, не лезь!

Хелен попросила их обеих помолчать.

Очередь двигалась медленно. Температура, вопросы, осмотр рук, лица, шеи. Женщин с повреждениями просили объяснить, где и когда они их получили. Обычный порез на пальце после швейной машинки теперь превращался в целое

расследование.

Я машинально посмотрела на свои руки. Ногти обломаны, возле большого пальца содрана кожа. Даже не помню, когда. Вчера на промке? Сегодня у двери? Странно, раньше я такие мелочи замечала сразу. Особенно если кровь попадала на ткань и приходилось оттирать.

— Кросс, — позвала Стеф. — Не создавай там вторую очередь. Отойди.

— Я стою.

— В другом месте постой.

Я отошла к своей шконке. Там на подушке лежал список, который Кейн вернул мне после разговора. Я свернула лист вчетверо и засунула под матрас. На всякий случай. Хотя зачем он мне теперь? Оригинал у него, фамилии сотрудники сверяют. А мне всё равно было жалко оставлять бумагу на виду. Столько раз мы считали этих женщин, исправляли имена, переписывали номера отрядов. Не хотелось, чтобы кто-нибудь поставил на неё кружку.

На соседнем проходе зашевелилась Марго.

Она приподнялась, села и долго смотрела себе под ноги. Потом провела ладонью по лицу. Рукав снова сполз, и она быстро натянула его до пальцев.

Эн заметила это тоже.

— Ей хуже, — сказала она.

— Вижу.

— Она минут десять назад спрашивала, во сколько подь-

ём.

Я посмотрела на Марго.

— Может, спросонья.

— Лив, она не спала.

Марго вдруг повернулась к нам.

— Не смотрите на меня.

— Как ты? — спросила Эн.

— Нормально.

— Тебя сейчас врач посмотрит.

— Пусть смотрит.

Она произнесла это почти обычным голосом. Потом потянулась за кружкой, стоявшей на тумбочке возле шконки, и остановилась, будто забыла, зачем.

Я уткнулась лицом в свои колени и поняла, что выжата, как лимон, за эти сутки. Наверное, сейчас впервые за последнее время я сижу на кровати и просто жду. Интересно, отбой у нас будет так же в 21:30 или на это уже всем всё равно?

15:19.

— Марго Уилсон, — прочитала Тесса.

Марго не поднялась.

— Уилсон, — повторила Стеф.

— Да, иду.

Она встала слишком резко, покачнулась и ухватила за стойку шконки. На секунду мне показалось, что сейчас упадёт. Но Марго выпрямилась и пошла в сторону медработников.

— Жалобы? — спросила Хелен.

— Ничего.

— Температура была?

— Не знаю.

— Тошнота? Головокружение?

— От усталости.

Тесса измерила температуру. Посмотрела на экран и молча показала врачу.

— Когда началось недомогание?

— Сегодня.

— Во сколько?

Марго выдохнула.

— Утром.

— После возвращения в отряд?

— Я вчера вернулась.

— Ты вернулась сегодня утром, — сказала Стеф. — Она из хозотряда.

— Ну сегодня. Какая разница?

Хелен подняла глаза от бланка.

— Марго, посмотрите на меня. Какой сегодня день?

— Воскресенье.

— Хорошо. А где вы были ночью?

— На работе.

— На каком участке?

— Я же ответила вам. На работе. У санчасти.

— Что там произошло?

Марго провела языком по потрескавшимся губам.

— Ничего. Нас отправили к воротам, потом все побежали.

Я пришла обратно.

Она замолчала. Тесса ждала, держа ручку над листом.

— Закатайте рукава. Мне нужно посмотреть.

Марго протянула левую. Хелен осмотрела её, затем попросила правую.

— Эту зачем?

— Обе руки, Марго.

Марго нехотя подняла правую. Манжета закрывала почти всю кисть.

— Рукав.

— Там просто царапина.

— Мне нужно осмотреть.

Марго закатала его до локтя. Под повязкой, которую мы ей сделали утром, проступали тёмные пятна. Когда Тесса начала осторожно разматывать бинт, Марго дёрнулась, ведь рана у неё постоянно мокла, и ткань снова и снова прилипала. Тесса остановилась, смочила участок и только потом сняла повязку. На внутренней стороне предплечья оставались две более глубокие царапины, рядом — несколько мелких повреждений. Края кожи покраснели. Я помнила, как мы промывали ей руку, но сейчас всё выглядело хуже. Или просто тогда я старалась не смотреть. Надо бы сразу обработать в санчасти, когда были там, но кто же знал...

— Как поранилась? — спросила Хелен.

— О забор в санчасти. Там сбоку штырь торчит.

— Когда?

— Ночью.

— Контактировали с заболевшими? Кто-то хватал вас за руку?

— Нет.

Марго произнесла это быстро, словно хотела поскорее всё это закончить, а не получить медицинскую помощь.

— Точно? — спросила врач.

— Да точно! Я зацепилась. Зачем мне врать?

Эн сделала шаг вперёд.

Я поняла, что она сейчас скажет, ещё до того, как она открыла рот. Она всегда вставит свои пять копеек, но всегда только с добрым намерением.

— Она с утра плохо себя чувствует, — сказала Эн. — Её тошнило. Она вся мокрая была, мы ей одежду меняли. И сейчас она бредит.

Марго подняла взгляд на врача.

— Мне уже лучше. Я просто устала. Это бессонная ночь. Просто дайте мне поспать.

Хелен попросила Тессу записать сказанное, а Марго — сесть.

— Лив, — позвала меня Марго.

Я подошла. Очень не хотелось, но остаться на месте было бы ещё хуже.

— Скажи им.

— Что?

— Что я об железу. Ты же видела.

Я смотрела на её руку. Видела я только раны. Как она их получила, я не знала. Меня там не было.

— Ты нам так сказала, — ответила я.

— Вот!

— Но я не видела, как ты поранилась.

15:32.

Хелен ещё несколько минут расспрашивала Марго. Не о той женщине, которая напала возле санчасти, а о самой Марго: где болит, не трудно ли дышать, что ела, сколько пила.

Марго отвечала то нормально, то невпопад. В какой-то момент сказала, что хочет в отряд, хотя находилась в нём. И сама же разозлилась, когда поняла, что сказала это вслух. Мне хотелось списать всё на усталость. Мы ведь правда почти не спали. Я и сама не могу уже долго держать внимание на чем-либо. Я чувствую, что ещё чуть-чуть и сама буду нести чушь, как Марго.

Но Марго смотрела на Хелен странно. Будто слышала слова, а смысл до неё добирался с опозданием.

— Изолировать для дальнейшего наблюдения, — сказала врач Тессе.

Марго подняла голову.

— Куда?

— Во временный медпункт.

— В санчасть?

— Нет. В ПКТ.

Она замерла.

— Я туда не пойду. Оставьте меня в отряде. Мне тут спокойнее и я быстрее поправлюсь.

— Вы будете находиться отдельно от остальных, под медицинским наблюдением. Нам нужно установить причину вашего состояния.

— Нет.

— Мисс Уилсон, либо вы пройдёте с нами самостоятельно, либо вас доставят туда принудительно.

Она встала. Эн машинально отступила.

— Я туда не пойду, — повторила Марго. — Закройте меня здесь, если вам так надо. Я никуда не собираюсь.

Сотрудник у двери выпрямился. Хелен жестом попросила его пока не приближаться.

— Это не наказание, — сказала она. — И я не утверждаю, что вы заражены. Но оставлять вас в общей секции сейчас нельзя.

— Потому что рука?

— Из-за вашего состояния в целом.

— Да она просто поцарапалась! — крикнул кто-то из женщин.

— А если она нас сожрёт ночью? — отозвались с противоположной стороны.

Я обернулась. Возле наших шкафов уже образовалось пустое пространство. Никто не хотел находиться рядом с Мар-

го. Своё мнение выкрикивали издалека.

С утра мы помогали ей пить, приносили воду, поправляли одеяло. Даже не думали, что она может быть как-то опасна для остальных. И в голову такое не могло прийти. А теперь я смотрела, как женщина с кружкой в руке медленно отодвигается от её места и встаёт подальше. Марго тоже это заметила.

— Ну конечно, — сказала она. — Брезгуете мной.

— Перестань, — тихо попросила Эн.

— А ты вообще заткнись.

Эн не ответила.

Вот сейчас я разозлилась. На Марго. Хотя понимала, что ей плохо, и понимала, почему она боится. Но Эн столько с ней возилась с утра, что уже сама еле стояла. Неужели нельзя было хотя бы её не трогать? Поддержать свой рот закрытым?

Хелен попросила Стеф связаться с дежурной частью и вызвать дополнительный конвой.

Пока ждали, Марго снова сидела. Она больше не спорила, только молча вытирала рукавом лицо от слёз. На висках волосы прилипли к коже. Тесса дала ей чистую салфетку, но Марго не взяла.

Я принесла её куртку.

— Вот. Накинь, на улице холодно. Тем более температуры.

— Мне жарко.

— Тогда возьми с собой. Ты не знаешь, холодно там будет

или нет. Не спорь.

Она посмотрела на меня, потом на куртку.

— Диана вернулась?

— Ещё нет.

— А... Ты говорила, что нашла её.

— Нашла. Она на фабрике. Их скоро выведут.

Марго кивнула. Посидела немного и опять спросила:

— А Диана?

Я ответила ещё раз.

И вот тут мне стало действительно не по себе. Я посмотрела на Эн, она тоже это заметила.

15:47.

За Марго пришли двое сотрудников. Хелен коротко объяснила, куда её вести и что передать медпункту. Тесса вложила в папку бланк с показаниями.

Марго поднялась сама. Не пришлось ни держать её, ни тащить. Она дошла до двери и остановилась.

— Мои вещи?

— Останутся здесь, — ответила Стеф. — Если понадобится, передадим.

— Имейте в виду, я помню, сколько чего, — как-то ядовито произнесла Марго.

Она посмотрела на Эн. Та стояла возле ближайшей шконки, облокотившись на неё спиной.

— Ты довольна? — спросила Марго.

— Чем мне быть довольной? — в недоумении переспро-

сила Эн.

Её увели.

Я почему-то продолжала смотреть на дверь, пока Стеф не повернула ключ. Один раз, потом другой. Обычный звук, который мы слышали каждый день. Марго оставила не очень приятный осадок, будто мы во всём виноваты. Я попыталась выбросить это из головы и продолжила ждать свой черёд.

— Следующая, — сказала Тесса.

16:04.

Я прошла проверку вместе с Эн и Лизой. Хелен отдельно спросила, были ли мы на фабрике.

Я посмотрела на Стеф.

— Были, — ответила она за меня. — Все трое.

— Прямой контакт с заболевшими?

— Нет, — сказала я. — На производстве таких не видели. И вообще не видели их.

— В закрытые помещения входили?

— Не во все. Две комнаты остались закрытыми, я отметила в списке.

— Список у администрации?

— Да.

Врач осмотрела мои руки, спросила про царапины. Пришлось вспоминать, где я ободрала большой палец. Скорее всего, это произошло на фабрике или же когда я резала колбасу крышкой от консервной банки, но вторую версию я озвучивать не стала.

— Повреждения желательно обрабатывать сразу, — сказала Тесса.

Я посмотрела на неё. Очень хотелось спросить, чем именно она предлагает их обрабатывать, если нам даже обычные таблетки теперь выдают неизвестно где и как.

Мая подошла с левым плечом на косынке. Села боком, чтобы не задеть руку.

— Когда травмировались?

— Утром. Калитка не открывалась.

— А вы решили открыть её плечом?

— Ну открылась же.

Хелен на это ничего не ответила. Осторожно прощупала повреждённую руку. Мая старалась выглядеть совершенно невозмутимой, но когда врач попросила немного поднять руку, скривилась так, что даже я почувствовала боль за неё.

— Нагрузку на руку исключить.

— Мне бы обезболивающее, — сказала Мая.

Я вспомнила про её пакет из санчасти: сто процентов, у неё у самой есть обезболивающее.

Хелен перешла к следующей женщине.

Мая поднялась, придерживая плечо.

— Не смотри на меня так, — пробормотала она, проходя мимо.

— Как?

И Мая ушла к своей шконке. Эн посмотрела ей вслед, но тему тоже не подняла.

Обход закончился ближе к пяти. По крайней мере, основная часть. Тесса собирала бланки, Стеф что-то уточняла про лекарства. У нескольких женщин обнаружилась температура. Хелен расспрашивала их отдельно; кому-то велела повторно измерить через определённое время. Кого-то тоже определили в изоляцию.

Теперь любую температуру встречали взглядами.

Хотя ещё вчера Нэнси спокойно чихала на пол-отряда и никто даже не просил её отвернуться.

Перед уходом я всё-таки подошла к Хелен.

— На фабрику сейчас поедете?

— Да.

— Там женщина почти не встаёт. В первом цехе. Не знаю, передали ли вам...

— Кросс, — вмешалась Стеф. — Всё записано.

— Я помню, что записано.

— Тогда дай врачу работать.

Хелен ушла, и Тесса за ней. Сотрудник закрыл дверь.

Я ушла проверить наличие воды.

17:26.

После осмотра в отряде было даже тише, чем до него. Все почему-то разговаривали шепотом.

Эн расправила помятую простынь на шконаре Марго.

— Хватит, — сказала я.

— Что?

— Сейчас это не имеет смысла. Натягивать простыни.

Правильно повязывать косынку. Всё идёт к чертям.

Я села рядом с Эн.

— Ты правильно сделала, что не замолчала о Марго. Я бы, наверное, не смогла. А вдруг... Действительно что-то опасное.

Она виновато выдохнула.

— Она на меня так посмотрела. До сих пор перед глазами.

— Она бредила.

— Я это знаю, Лив, но всё же.

Мы замолчали.

На соседней шконке Лиза перебирала вещи, которые приготовила для Рэйчел. Чистую футболку, носки, расчёску. Потом передумала и убрала футболку обратно, оставив только носки.

— Чтобы она пришла и не тратила время на раскопки баула в поисках вещей. Я всё приготовила, — объяснила Лиза, заметив мой взгляд. — Мы так всегда друг другу вещи подготавливаем, если кто-то раньше с фабрики выходит.

— Это очень мило.

Минут через пять она всё-таки снова достала футболку.

Кристина скипятила воду для тех, кто вернётся. Попросила не занимать чаепитку, ведь они будут голодные. Ей отвечали, что никто и не собирался занимать.

Вода из крана шла тонкой струйкой, но всё же шла. Женщины по очереди наполняли бутылки. Одна поставила под струю кружку и отошла, а следующая начала возмущаться,

что ей теперь ждать до ночи. И начались привычные крики. Даже стало как-то спокойнее.

Я хотела прикрикнуть на них, но подумала, что вчера сама ссорилась из-за пустого чайника. Да и сегодня, наверное, поссорилась бы, если бы у меня не было других забот.

Стеф старалась держаться так, будто у неё всё под контролем, и она знает, что делать. Хотя она такая же осуждённая, как и мы, просто она всегда завхоз. И чересчур близко к сердцу воспринимает свои рабочие обязанности. Выдохни. Ты ничего не должна. Ни нам, ни администрации учреждения.

Я вернулась к своей шконке. Список по-прежнему лежал под матрасом. Достала, развернула. Пятьдесят девять фамилий. Некоторые я писала впопыхах, и теперь даже сама с трудом разбирала свой почерк.

Две комнаты. Не проверены.

Эту строчку я подчеркнула один раз. Теперь хотелось подчеркнуть ещё десять.

— Убери уже, — сказала Эн. — Они сейчас не по твоей бумажке в одиночку ходят. У них свои журналы есть.

— Я знаю.

Я сложила лист и убрала обратно.

17:58.

Ожидание оказалось хуже самой вылазки.

Когда мы шли к санчасти, я хотя бы знала, что надо делать. Смотреть по сторонам, не шуметь, не отставать. На фабрике

— найти Диану, пересчитать женщин, записать фамилии. В кабинете Райда — добиться, чтобы он этот список прочёл.

А сейчас надо было сидеть и ждать.

Не приближаться к двери. Не выходить. Не спрашивать каждую минуту. Даже в окно Стеф попросила не толпиться, потому что снаружи сотрудники уже ругались на наши головы, торчащие из каждого проёма.

Лиза всё равно стояла у окна.

Я подошла к ней.

— Есть какие-нибудь новости?

— Не-а.

Внизу проходила дорожка к хозяйственному проходу. Дальше часть территории закрывал угол соседнего корпуса. До фабрики отсюда было далеко, и мы не могли увидеть её ворота, как ни старайся.

Только ждать.

18:46.

Начало темнеть. В отряд вернули электричество. Сказали, что будут включать его с шести вечера и до отбоя. Мы зажгли тусклый свет, который обычно включают после отбоя. Я оглядела отряд и поняла, что сейчас уже действительно нет никому дела до правил внутреннего распорядка. Кто-то уже лёг спать, кто-то сидит на подоконнике, кто-то ест прямо на шконке. Никто не придёт проверять, чем мы занимаемся.

Я переоделась. На мне осталась чёрная плотно прилегающая футболка и тёмно-зелёные брюки. Пиджак с нагрудным

знаком и косынку я убрала в сторону. Расчесав волосы, я посмотрела на себя в зеркало. Без косынки и бирки и не похоже, что я сижу в тюрьме. Я улыбнулась и запрыгнула на своё спальное место, поджав под себя ноги.

Мая налила себе горячую воду, которая была предназначена для возвращающихся людей с фабрики, и пыталась одной рукой открыть пакетик чая. Эн подошла помочь. Они о чём-то заговорили тихо, я не слышала.

Я отвернулась.

Потом в проходе что-то загремело. Все вскочили. Оказалось, Нора уронила пустое ведро.

— Блять, Нора! — заорала Нэнси.

— Ну извини!

Они начали ругаться, и несколько человек даже засмеялись.

Мне тоже стало смешно. Совершенно некстати. Только вчера это раздражало, но сейчас это немного напоминает время, когда было стабильно. Стабильно плохо, но стабильно.

19:27.

Первой движение заметила Лиза.

— Их ведут!

Она даже не крикнула, а как-то завизжала. Я вскочила и подошла к окну так быстро, что ударилась мизинцем о тумбу.

Во дворе появился сотрудник, затем ещё двое. За ними

шли женщины в зелёных робах.

Не толпа. Несколько человек, между ними расстояние. У одной рука лежала на плече соседки. Другая шла медленно, всё время поправляя съехавшую косынку. Конвоиры постоянно оглядывались по сторонам, будучи начеку.

— Рэйчел видишь? — прошептала Лиза.

Я прижалась к стеклу.

— Не вижу.

— Вон та?

— Нет, она выше.

— А эта?

— Лиза, не вижу, там уже темно.

Мы стояли плечом к плечу. Стекло было холодным. За ним женщины сворачивали к жилой зоне и исчезали за углом, а мы не могли сделать ничего, даже помахать. Да и какой смысл махать, если они нас не видели?

Некоторое время спустя повели ещё одну группу. В ней женщина тяжело опиралась на сотрудника. Рядом шла медсестра, но не Тесса. Я попыталась разглядеть лицо, не узнала.

— Это куда их? — спросила Эн из-за спины.

— Может, в медпункт, — сказала я.

— А может, в другой отряд.

— Может.

Не хотелось гадать. После Марго любое отдельное сопровождение выглядело страшно.

Следующую группу мы ждали почти двадцать минут.

20:11.

Из прохода раздался голос Стеф:

— Девочки, тише! По фамилиям и без толпы у двери!

В проходе снова собрались женщины. Кристина оттесняла их от двери, Стеф проверяла лист, а Нора зачем-то поправляла на себе куртку. Будто у нас началась обычная вечерняя проверка, и она боялась получить замечание за внешний вид.

За дверью слышались шаги, короткий разговор сотрудников.

— Дэвис Диана, — прочитала Стеф, сверяя бумаги.

— Здесь, — ответил знакомый голос снаружи.

Я не увидела её сразу. Впереди прошла одна женщина, потом ещё одна. И только затем Диана.

На ней была та же грязная куртка. Косынка уже не белая, вся в пятнах. Волосы торчали из-под неё с одной стороны. Под глазом всё ещё темнел синяк.

Она увидела меня.

— Привет, — сказала она.

Я подошла и обняла её. От неё пахло промкой и потом.

Диана обняла в ответ. Крепко, но совсем недолго. Потом отстранилась и выдохнула:

— Мне бы прилечь.

— Да. Конечно. Пошли.

Я взяла её под руку. Это было больше нужно мне, а не ей.

— Лив, — сказала Диана. — Я могу сама.

— Знаю.

— Тогда дай мне хотя бы расстегнуться.

Я убрала руки.

Она села. Посмотрела на подушку, на одеяло, на кружку возле стены. Потом провела по лицу ладонями.

— Господи.

И всё.

Я стояла рядом, не понимая, надо ли принести воды или просто оставить её в покое. В прошлый раз, на фабрике, мы обнялись, засмеялись, успели наговорить друг другу кучу всего. Сейчас она была здесь, у своей шконки, а я смотрела на неё и никак не могла привыкнуть.

Эн подошла первой. Присела рядом с Дианой, осторожно обняла за плечи. Диана наклонилась к ней и на несколько секунд закрыла глаза.

— Вы обе меня достали, — пробормотала она.

— Взаимно, — сказала Эн.

Я засмеялась. И тут же захотелось заплакать. Но я сдержалась, отвернулась и пошла за водой. У соседнего прохода Лиза уже обнимала Рэйчел. Та сидела на краю шконки, а сестра пыталась одновременно снять с неё куртку и что-то сказать.

— Лиза, дай мне воды, — услышала я.

— Сейчас. Я принесла. Вот. И носки, смотри, чистые.

— Мне не нужны носки.

— У тебя ноги мокрые.

— Лиза, у меня во рту всё пересохло.

Я протянула ей свою кружку. Лиза посмотрела на меня почти обиженно, будто это она должна была первой догадаться. Потом взяла кружку и передала Рэйчел.

20:39.

Диана ела хлеб маленькими кусочками. Рядом стояла миска с тем, что осталось от нашего ужина. Я предлагала ей ещё, но она отказалась.

— У меня живот болит. Не могу пока. Позже доем.

Эн сидела с другой стороны и рассматривала её руки.

— Это врач обработала?

— Да.

— А это?

— Тоже.

— И что сказала?

— Что колючка не для того, чтобы её руками трогать.

— Очень полезное замечание.

Диана пожала плечами. Потом положила хлеб на край миски.

— Нам воду привезли. И хлеб. Ещё какие-то сухпайки были, но не всем сразу дали. Мы сначала на бутылки набросились.

Я остановилась с кружкой в руках.

— Значит, всё-таки дошло.

— Что?

— Вода. Я видела, как канистры везли, но не знала, к вам

или нет.

— К нам. Мы думали, опять сотрудник мимо ворот проедет и всё.

Она отпила немного, продолжила:

— Потом пришли медики. Списки проверяли. Весь цех по фамилиям гоняли. Где кто был, что болит, кто кого видел. У нескольких температура оказалась, их отдельно посадили.

— А те комнаты? — спросила я.

— Открыли.

— Обе?

— Да. В одной никого. Во второй женщина была. За стеллажом или как там... В общем, закрылась одна, потом ей плохо стало. Еле живая. Мы вообще не знали, что она там.

— Из наших?

— Не знаю. Из другого участка, кажется. Её на носилках вынесли.

Шестьдесят.

Я подумала о списке под матрасом. Там было пятьдесят девять. Я собственноручно написала цифру, дважды проверила и отдала Райду. А теперь выяснилось, что мы чуть не оставили ещё одну женщину за закрытой дверью. Не потому, что не захотели искать. У нас просто не получилось открыть.

Диана посмотрела на меня.

— Ты чего?

— Ничего.

— Лив, они её нашли и оказали помощь. Ты сделала, что

могла. Поэтому переставай гнать на себя.

Я кивнула.

— А остальных вывели?

— Кого осмотрели — тех выводили. Некоторых в медпункт. Там ещё одна женщина идти не могла, ей помогали, вся бледная была. Нас долго держали у прохода. Сначала думала, что обратно завернут. Потом фамилии сверили ещё раз и сюда повели.

— Рэйчел как?

— Нормально. Ну как нормально... Ты видела. Всё время ревела, хоронила всех нас. И вас.

Я посмотрела в сторону сестёр. Лиза сидела возле Рэйчел, держала её ладонь и уже не пыталась разговаривать. Рэйчел прислонилась к стене с закрытыми глазами. Носки, которые Лиза так старательно приготовила, лежали рядом с подушкой.

— Думала, тебя не выпустят из-за руки, — призналась я.

Диана посмотрела на повязку.

— Они спрашивали про ту женщину у санчасти. Я рассказала. И про укушенного мужика тоже. Мне сказали, если температура поднимется или плохо станет — сразу сообщить.

— И всё?

— А что ещё? Проверили меня, записали. Я им показала, что колючка это. Ты же видела мои руки на фабрике.

Я видела.

— Ты хотя бы не скрывай ничего, — сказала я. — Если будешь плохо себя чувствовать, говори сразу. Они смогут помочь.

— Да не собираюсь плохо себя чувствовать.

Она посмотрела на меня чуть дольше обычного.

— Что у вас тут было?

— Медосмотр, как и у вас.

21:06.

В отряде постепенно укладывались. Вернувшиеся женщины ещё умывались, искали свои вещи. Свет в проходе был включён, и от этого казалось, что вечер всё никак не закончится.

Стеф ходила со списком. Проверяла, все ли на месте. И повторяла, чтобы никто не покидал отряд. В основном возмущались курящие, они больше всех стремились попасть на улицу. Стеф разрешила им по одному курить в туалете после того, как стемнеет. И перед этим гасить свет.

Диана сняла косынку, распустила волосы. Долго возилась с резинкой: та зацепилась за спутанную прядь. Я протянула руку помочь, но она сама освободила её и положила на тумбочку.

— Крис где? — спросила она.

— Там у Стеф, говорят о чём-то.

— А Мая?

— На месте. Плечо болит.

— А Марго?

Я посмотрела на Эн.

Та сидела на своей шконке и складывала одежду и делала вид, что нас не слышит.

Диана проследила за моим взглядом.

— Что?

Я поставила кружку на тумбочку и посмотрела на Диану.

— Её увели.

Диана выпрямилась.

— Куда?

— В ПКТ. В медпункт. Отдельно от остальных.

Она молчала несколько секунд и будто не понимала, что я ей говорила.

— Из-за руки?

— Из-за всего. Температура, тошнота. Она путалась, когда её спрашивали. Не могла нормально сказать, что было ночью.

— Она же об железо поранилась.

— Она так и говорит.

Диана провела ладонью по лбу.

— Это я её тогда к жилке отправила.

— Не вини себя.

Я не знала, что ответить. ПКТ был совсем недалеко, но сейчас от этого не было никакой пользы. Марго находилась за очередной запертой дверью. Мы не знали, что с ней, когда разрешат её увидеть и разрешат ли вообще.

Диана посмотрела на её пустую шконку.

— Она знает, что я вернулась?

— Я сказала ей, что ты живая. Перед тем как увели.

— Она поняла хоть?

Я вспомнила, как Марго дважды спросила про Диану.

— Не знаю.

Эн наконец подняла голову.

— Это я врачу рассказала, что ей было плохо с утра, — сказала она. — Марго теперь меня ненавидит.

— Не думаю, что она ненавидит тебя, — ответила Диана.

— Ты не видела её взгляд.

Диана ничего не сказала. Она положила голову на подушку, но глаза не закрыла.

Я достала из кармана её нагрудный знак и положила рядом.

— Кстати. Твоё.

Она взяла пластик, провела пальцем по краю.

— Ну его к чёрту, — сказала Диана и положила знак на тумбочку.

Я посмотрела на спальное место Марго. Плед Эн аккуратно сложила в ногах, кружка стояла на тумбочке. Только самой Марго не было.

До этой ночи я думала, что самое страшное — не знать, где человек.

Теперь знала, где находятся обе. Но от этого не легче. Находясь тут, я всегда знала, что ждёт меня завтра. Тут хреново, но стабильно. Стабильно хреново. А сейчас впервые

за три года я даже и представить не могу, что будет завтра, сколько нас продержат по отрядам, когда нам разрешат пойти в столовую, баню, отдам ли я крой Мавлюде.

Я оставила Диану отдыхать и пересела на свою кровать. Достала книжку и сразу же убрала её обратно. Чтение совсем не идёт. Я хочу позвонить домой. Я хочу домой. Целые сутки у меня не было времени думать о семье, о доме... А сейчас словно снежным комом накопилось. Что за забором? Всё ли в порядке дома? Они же далеко отсюда... Как же мне узнать...

Глава 7. Казарменный режим

05:08.

В отряде было темно. Только из окна падал слабый серый свет. Кто-то храпел, где-то шуршал пакет. С противоположного прохода доносился кашель, который я слышу уже года два. Даже по нему можно определить, сколько примерно времени до подъёма.

Я повернулась на бок.

Диана спала.

Почему-то мне понадобилось несколько секунд, чтобы это осознать. Вот она, на своей шконке. Лицом к стене, волосы раскинулись по подушке, одеяло сползло почти до поясицы. Лежит и сопит.

Попыталась снова закрыть глаза.

Не получилось.

Мне снился дом. Не помню, что именно происходило, но там была мама. Я пыталась ей что-то объяснить, а она не слышала. Потом искала телефон и никак не могла набрать номер. Пальцы попадали не на те цифры. Тут мне часто снятся сны. Думаю, что это из-за того, что обычно здесь каждый день одно и то же, ничего не происходит, и мозг пытается любым способом развлечься.

Хочу позвонить.

Я повторила это про себя и сразу вспомнила, что телефоны не работают.

А может, уже нормально всё? Нас же просто наказали этим... А вдруг всё работает? У администрации ведь связь какая-то есть. По рациям переговариваются. Нам в отряд звонят. А если попросить через дежурку? Мне не нужно долго разговаривать. Хотя бы услышать, что дома всё нормально. Что мама ответила. Что Логан живой.

Две недели я не могла до него дозвониться ещё до всей этой истории. И тогда мне казалось, что хуже уже некуда. Злилась, придумывала всякое, пыталась себя успокоить. Сейчас с удовольствием вернулась бы в тот момент, когда самой большой проблемой было то, что муж занят и не берёт трубку.

Я посмотрела на часы.

До подъёма двадцать минут.

Двадцать минут, которые я могла бы получить совершенно легально, а вместо этого лежу и думаю о том, о чём всё равно ничего не знаю.

С противоположной стороны кто-то встал. Зашлёпали тапки. Через несколько секунд зажурчала вода.

Значит, вода есть. Уже неплохо.

Я села, осторожно опустила ноги на пол и нашарила тапочки. Один стоял под кроватью, второй оказался возле тумбочки Норы. Как он туда попал — понятия не имею.

Нора спала на верхнем ярусе. Из-под одеяла торчали толь-

ко волосы. Я слышала, как она ночью несколько раз просыпалась, поворачивалась, снова засыпала.

Через проход пустовала шконка Марго.

Эн вчера аккуратно заправила её. Слишком аккуратно. Даже уголки простыни натянула.

Сейчас плед лежал в ногах, кружка стояла на тумбочке.

Я отвернулась.

05:30.

— Девочки, подъём!

Стеф включила фонарик и направила его в потолок. По секции прокатилось недовольное мычание.

— Какой подъём, блять, если на работу не идём? — раздалось из дальнего прохода.

— Встаём по распорядку. Мне других распоряжений не поступало.

— Так сходи, пусть поступят.

— Сама сходи.

Я улыбнулась и потянулась за одеждой.

Вчера вечером я переделалась в футболку и брюки и на несколько часов вообще забыла про косынку и пиджак. А сейчас зачем-то снова начала собирать форму. Юбка, зелёная куртка, белая косынка.

Интересно, нас сегодня вообще будут проверять? Или можно просто сидеть в отряде в чём удобно?

Пока я размышляла, натянула юбку.

Три года вырабатывала привычку, а теперь попробуй от

неё избавься.

Диана приподняла голову.

— Уже?

— Ага.

— Сколько?

— Полшестого.

— Да вы охренели.

Она снова легла.

— Вставай, — сказала я.

— Не хочу.

— Я тоже.

— Вот и ложись обратно.

Я села рядом и потянула с неё одеяло.

— Ди, проверка будет.

— Пусть проверят, что я здесь. Вчера проверяли, сегодня проверят. Очень важная работа.

Диана поворчала, но всё-таки поднялась. Села, свесив ноги, и посмотрела на меня такими глазами, будто собиралась рассказать, насколько сильно ненавидит этот мир. Потом заметила мои волосы и засмеялась.

— Ты на себя посмотри.

— Что?

— Ничего. Иди в зеркало.

Я подошла к небольшому зеркалу возле умывальника. На затылке торчал здоровенный клоч. Ну прекрасно. Я потратила минут пять, чтобы расчесать его и собрать волосы. Ди-

ана тем временем добралась до раковины, умылась, а потом долго стояла, держась руками за края.

— Плохо? — спросила я.

— Нет. Спать хочу.

Последние сутки я только и делала, что спрашивала у неё, как она себя чувствует. Понимаю, что достала, но остановиться почему-то трудно.

06:17.

Зарядки не было, и проверяли нас не на плацу, а внутри отряда.

Строились между шконками. Кто-то успел одеться полностью, кто-то стоял в домашней футболке, а Нэнси вообще накинула куртку поверх ночной одежды и заявила, что раз из отряда не выпускают, то какая кому разница.

Стеф спорить не стала.

Когда пересчёт закончился, никто не разошёлся сразу.

— А завтрак? — спросила Скарлетт.

— Принесут.

— А столовая?

— Не идём.

— А фабрика?

Стеф посмотрела на неё.

— Ты вчера где была?

— Здесь.

— Тогда должна знать, что фабрика закрыта.

— Я спрашиваю, сегодня тоже?

— Сегодня тоже.

Скарлетт недовольно вздохнула. Видимо, надеялась, что за ночь всё волшебным образом исправилось.

Я бы тоже не отказалась.

Завтрак принесли в больших ёмкостях. Каша, хлеб и чай. Обычный завтрак, только без нашего привычного похода в столовую и «круга почёта».

Женщины выстроились за порциями прямо в отряде. Кто-то уже ел свой хлеб, не дожидаясь каши. Нэнси жаловалась, что чай холодный, хотя его только что принесли. Кристина велела ей хотя бы попробовать, прежде чем начинать.

Я забрала свою кружку и ушла к шконке. Есть особо не хотелось. До этого я почти всегда пропускала завтрак в столовой, но сейчас съела несколько ложек. Когда тебе принесли еду прямо к кровати, как-то глупо от неё отказываться.

Диана уселась рядом. Ела медленно, останавливаясь после каждой пары ложек. Эн подошла к нам с чаем. Присела, посмотрела в сторону спального места Марго. Никто из нас не спросил вслух, что с ней. С утра мы уже раза три обсуждали это и ни к чему не пришли.

— Стеф сказала, что сегодня снова медицинский обход будет, — сказала Эн.

— Вот и спросим, — ответила я.

— А если не скажут?

— Будем каждый раз спрашивать, значит.

С этими прекрасными планами мы допили чай.

08:12.

В отряд пришёл сотрудник с папкой и листом приказа. Не Райд. Мужчина был мне знаком по утренним проверкам, но я не знала его фамилии. Он вошёл, попросил Стеф собрать всех и сразу предупредил, чтобы вопросы задавали после объявления.

Ну да. Как будто это когда-нибудь работало.

Мы построились в проходах. Диана встала рядом со мной, Эн — чуть впереди. Сотрудник дождался, когда стихнут разговоры, и начал читать.

Со вчерашнего дня учреждение переведено на казарменный режим. Внешний периметр закрыт для входа и выхода. Свидания и приём передач приостановлены. Вывод на производство отменяется до отдельного распоряжения. Заключённым разрешается находиться в жилых отрядах и закреплённых локальных участках; перемещения между секторами — только с разрешения и в сопровождении сотрудников.

— То есть вообще никто? — спросили сзади.

— Я закончу, — ответил он.

Отдельным пунктом шло обязательное сообщение о любом ухудшении самочувствия: температуре, тошноте, повреждениях кожи, странном поведении соседок. Нельзя скрывать такие случаи или пытаться самостоятельно оказать помощь. Врачей вызывают через дежурную часть.

Я посмотрела на Эн. Она смотрела прямо перед собой. Сотрудник дошёл до телефона.

— Телефонная связь для осуждённых временно недоступна. Вопрос восстановления решается.

— В каком смысле недоступна? — громко спросила Лиза.

— А вы своим звоните? — спросила женщина из дальнего ряда.

— Не перебивайте.

— Нет, ответьте. У вас-то телефоны есть?

— Служебная связь используется для обеспечения безопасности учреждения.

И всё. Очень содержательно.

Женщины заговорили одновременно. Кто-то требовал дозвониться до детей, кто-то до матери. У Нэнси брат должен был забрать какие-то документы; она хотела знать, почему их теперь нельзя хотя бы передать. Стеф пыталась успокоить отряд, но её уже никто не слушал.

— А если дома что-то произошло? — спросила я. — Как нам узнать?

Сотрудник посмотрел на меня поверх бумаги.

— Я не могу вам предоставить сведения о ваших семьях, Кросс.

— Я и не прошу сведения о каждой семье. Я спрашиваю, как позвонить.

— Пока никак.

— А когда?

— Неизвестно.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость. Даже не

на него конкретно. Просто слово «неизвестно» мы слышали столько раз, что им уже можно было заменить весь сегодняшний приказ.

Стеф подняла руку.

— Девочки, всё. Дайте человеку дочитать.

Он дочитал. Оказалось, сотрудники тоже остаются на территории, наружу никто не выходит. Режим действует до отдельного распоряжения. Сколько именно — не указано.

— А начальник колонии где? Думаю, многим необходимо с ним поговорить, — выкрикнула Нэнси.

— Организация работы обеспечена дежурным руководством.

— Я не это спросила.

— Объявление закончено.

После этого он подписал у Стеф лист ознакомления и ушёл. Мне было интересно, успел ли он сам позвонить домой до того, как мы его достали. Но спросить уже было не у кого.

— Ну вот, — сказала Диана. — Теперь хотя бы гулять разрешили.

— Как оптимистично.

— Хочешь, будем сидеть внутри?

— Нет уж. Пошли на воздух.

09:46.

В локалке было холоднее, чем я ожидала. Солнце уже поднялось над крышей, но возле ограждения оставалась тень. Женщины разбрелись маленькими кучками, кто-то курил,

кто-то просто ходил по кругу.

У третьего отряда тоже выпустили людей. Между нами было ограждение, через которое прекрасно слышно, что происходит с той стороны, особенно если кричать.

— Четвёртый! — позвали оттуда. — Живые?

Тут же началось. Каждая пыталась ответить своей знакомой, и через минуту мы уже перекрикивали друг друга так, что не разобрать ни одного слова.

— По одной, блять! — заорала Нэнси.

— Сама заткнись! — ответили из третьего.

Я засмеялась. Нэнси уже собиралась выяснять, кто именно ей ответил, когда услышала знакомое:

— Кросс!

Мавлюда.

Стояла возле забора в куртке, с косынкой, завязанной как всегда так плотно, будто боялась, что её сдует ветром. Увидев меня, она махнула рукой.

— Крой когда отдашь?

Я даже остановилась.

— Ты сейчас серьёзно?

— Серьёзно. Ты его обещала закончить.

— Мавлюда, фабрика закрыта.

— Я знаю, что закрыта. Крой-то где?

— На моей машинке, где я его и оставила! Приходи забирай, если пустят.

— Вот ты смешная. Я тебя нормально спросила.

— А я нормально отвечаю. До следующего апокалипсиса дошью, не переживай.

Кристина рядом со мной приснула. Мавлюда поджала губы, потом сама усмехнулась.

— Вот видишь. Даже конец света не помогает от тебя отдохнуть.

Она показала мне средний палец, и я наконец-то рассмеялась нормально. Не нервно, не от испуга. Как раньше на промке, когда мы специально друг друга доводили на перерыве.

— Диана в отряде? — спросила Мавлюда уже другим голосом.

— Да. Она здесь.

Я позвала Диану. Та подошла, помахала через забор. Несколько женщин из третьего стали спрашивать про наших. Мы отвечали, кого видели, кого вернули, а про остальных говорили, что не знаем.

С соседней стороны передавали слухи. Будто один пост уже не отвечает. Будто у ворот ночью стояла машина. Будто начальник колонии сбежал. Каждая говорила, что знает точно, потому что слышала от человека, который разговаривал с другим человеком, и так далее.

Я давно заметила: в колонии новости вообще не нуждаются в источниках. Здесь главное произнести их уверенно.

— У вас свет появился? — спросила Мавлюда.

— С шести до отбоя обещали.

— У нас так же. С утра опять темень.

— А вода?

— Идёт пока. Только слабая.

Надзиратель возле прохода приказал отойти от забора. Никто особенно не спорил, но разговоры не прекратились. Просто женщины сделали два шага назад и стали орать ещё громче.

— Кросс! — донеслось напоследок. — Про крой не забудь!

— Да пошла ты!

Я улыбалась ещё какое-то время. Потом я увидела двух сотрудников: мужчина, который зачитывал нам объявление, и Риверу. Она тоже застряла с нами. Мужчина выглядел очень потерянным, что-то рассказывал ей, а она внимательно его слушала и понимающе кивала. Они в одинаковой ситуации. По обрывкам разговора я поняла, что мужчина переживал, что застрял здесь, а не дома с семьёй.

Мне захотелось отвести глаза. Но я смотрела.

11:43.

Стеф вернулась от дежурки с новостями. Вернее, с новостями пришли девочки из столовой, которые принесли обед, и пока они разливали суп, Стеф успела расспросить их обо всём, что касается продуктов.

Обычная машина снабжения не пришла. Вчера тоже ничего не привозили. На кухне пока есть крупы, консервы, замороженные продукты и хлеб. Сколько именно, девочки не

знали, зато уверяли, что на несколько дней точно хватит.

— Ну и отлично, — сказала Нэнси.

— Любая информация нужна, — ответила Стеф. — Хочу знать, что происходит.

— Ещё и собственных запасов достаточно. Протянем. Недолго это всё будет продолжаться.

Здесь у каждой лежал запас на случай, когда не хочется есть столовское или не успеваешь после фабрики. Лапша, чай, печенье, банки с тушёнкой, какие-нибудь конфеты. У кого родственники часто присылали передачи, им вообще можно было открывать маленький магазин.

Я вспомнила свой баул. В нём оставалось две пачки лапши, почти целая пачка печенья, несколько пакетиков растворимого кофе и консерва, которую я собиралась съесть уже который месяц. Ещё конфеты.

Обед, кстати, был вполне нормальный. Суп и что-то вроде картошки с подливой. Я даже доела всё. Диана уже ела охотнее и потом попросила у меня кусок хлеба. Я отдала, не комментируя, хотя очень хотелось сказать, что вот видишь, значит, лучше становится.

Кристина принесла с кухни кипяток и объявила, что желающие могут попить чай, пока вода горячая. Мая подставила кружку, придерживая её здоровой рукой. Плечо у неё всё ещё было на косынке.

— Тебе помочь? — спросила Эн.

— Да. Налей, пожалуйста.

Я посмотрела на Маю. Про её лекарства мы не разговаривали с воскресенья. Она тоже ничего не рассказывала. Врач вчера спрашивала про обезболивающее, а Мая сидела с совершенно спокойным лицом, хотя я прекрасно помнила тот пакет из санчасти.

Ещё вчера такая история закончилась бы шмоном и объяснительными. Теперь всем стало не до этого. Но это не означало, что никто никогда не вспомнит.

Когда я доела, пошла к своему баулу. Открыла, достала консервы и подержала банку в руках. Срок годности нормальный. Положила обратно.

Я ведь не голодала. Наоборот, сегодня накормили два раза, и ещё ужин будет. Но теперь эта баночка вдруг перестала быть едой на вечер, когда хочется чего-нибудь вкусного. Стала запасом. Сколько она может пролежать? На сколько человек хватит? Я даже не знала, зачем задаю себе такие вопросы.

— Что там? — спросила Диана, проходя мимо.

— Ничего. Смотрю, что у меня есть.

— У меня тоже лапша. Если что, поделимся.

— Ага.

Она пошла дальше. И вот от её обычного «поделимся» мне сделалось почему-то теплее, чем от всего кипятка в чайпитке.

13:26.

Кейн появился в локалке вместе с двумя сотрудниками.

До этого я видела его издалека возле административного корпуса, но он шёл быстро и даже не смотрел в нашу сторону. Теперь остановился у входа и начал разговаривать со Стеф.

Женщины сразу стали подтягиваться поближе. Не потому, что кто-то особенно любил Райда. Просто он хотя бы иногда отвечал на вопросы, а не отправлял нас ждать нового распоряжения.

Я стояла рядом с Дианой и пыталась понять, что они обсуждают. Кейн что-то отмечал в папке, Стеф называла фамилии тех, кому нужна медпомощь. Один из сотрудников держал рацию и постоянно отвлекался на треск из динамика.

Вообще раньше я старалась не рассматривать Райда. Когда человек тебя бесит, лучше видеть его как форму с фамилией, так проще. А сейчас он стоял всего в нескольких шагах, и я впервые за долгое время нормально посмотрела на него.

Высокий. Шатен, волосы небрежно убраны за уши, видимо, расчёски у него с собой не было. Серые глаза. Ему точно не больше тридцати. Красивый, сукин сын. В обычной жизни я бы, наверное, заметила его где-нибудь в кафе и потом ещё обернулась. Но у нас с ним не обычная жизнь.

Сейчас у него были тёмные круги под глазами и щетина. Рукава формы застёгнуты, но воротник расстёгнут на одну пуговицу. Похоже, переодеваться после вчерашнего ему тоже было некогда.

— Кросс, — сказал он, не поднимая головы от папки.

Надеюсь, не заметил, что я рассматривала его.

— Да?

— Объяснительная.

Я сделала вид, что вспоминаю.

— Какая именно?

Он наконец посмотрел на меня.

— За повторный самовольный выход с территории отряда. Вам напомнить, когда это было?

— Вчера. Помню.

— Прекрасно. Значит, память у вас работает. К вечеру передадите через Стеф.

— Я список принесла.

— Я в курсе.

— И людей вывели.

— Их вывели сотрудники после проверки. Вы принесли информацию. Это разные вещи.

— Не спорю. Но без информации вы бы до сих пор гадали, есть там кто-то или нет.

Диана рядом тихо толкнула меня локтем. Знакомый жест. Отстань, называется.

Кейн закрыл папку.

— Кросс, я уже сказал, что ваш список пригодился. Хотите, чтобы я повторил при всём отряде?

— Нет. Просто уточняю.

— Тогда уточните для себя ещё одно: через запасную дверь вы больше не выйдете. Её опечатали. И если вы снова решите организовать самостоятельную экспедицию, это бу-

дет уже не разговор в кабинете.

— Поняла.

— Буду рад, если на этот раз действительно поняли.

Он повернулся к Стеф. Разговор продолжился так, будто меня здесь больше нет. В принципе, отлично. Я тоже не горела желанием общаться.

Но потом кто-то из женщин спросил, почему начальник колонии сам не пришёл объявить новый режим.

Райд не сразу ответил.

— На данный момент руководство учреждением осуществляю я.

— А он где?

— За пределами учреждения.

Вот и всё. Начальник успел уйти с работы ещё до того, как началась вся эта херня. Где он сейчас — непонятно. Вернуться не смог, или ему не дали, или уже некуда возвращаться. Никто нам, конечно, не объяснял.

Кейн продолжил обход. На другом конце локалки он остановился возле сотрудника, который с утра жаловался Ривере. Тот говорил сначала негромко, затем всё громче. До нас долетело:

— У меня дома ребёнок! Мне что, здесь неделю сидеть?

Кейн ответил так тихо, что я не расслышала. Мужчина провёл ладонью по лицу и отвернулся. Потом что-то сказал ещё. Кейн не повысил голос, но сотрудник всё-таки замолчал и пошёл к посту.

— Ты слышала? — спросила Диана.

— Угу.

— Они тоже здесь теперь живут, получается.

Я посмотрела на сотрудников. Для меня провести ночь в отряде — ничего особенного. Для них это должна была быть обычная смена. Потом домой, нормальная еда, душ и возможность закрыть дверь собственной квартиры. А теперь даже человек с ключами не мог просто открыть ворота и уйти к семье.

И мне совершенно не хотелось его жалеть. Но не жалеть тоже не получалось.

15:06.

Эн всё-таки дождалась, когда Стеф вернётся из дежурки, и спросила о Марго. Я стояла рядом, Диана тоже подошла.

— Узнала что-нибудь?

— Она жива, — ответила Стеф. — Находится под наблюдением. Больше мне ничего не сообщили.

— А температура? А рука? — спросила Эн.

— Эн, я не врач. И никого из нас не пустят.

— А можно передать ей вещи?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что посещения запрещены. Мне повторили это дважды. Я тебе повторяю в третий раз.

Эн опустила глаза.

— Я не прошу посещения. Я хочу хотя бы узнать, что с

ней.

— Я понимаю. Но это всё, что я знаю.

Мы разошлись по шконкам. Диана долго смотрела в сторону пустого места Марго, потом спросила, нельзя ли ещё раз обратиться к врачу во время следующего обхода.

— Обратимся, — сказала я.

— А если они не скажут?

— Тогда будем ждать, когда скажут.

Меня раздражало, как спокойно это прозвучало. Я сама себя бесила. Вчера, пока Диана была на фабрике, мне казалось, что я переверну всю колонию, если мне не дадут узнать, что с ней. А сейчас Марго находится в ПКТ, а я сижу на кровати и говорю «будем ждать, когда скажут».

Но куда мы пойдём? Стеф теперь не выпустит. Да и правильно сделает. Я даже думать не хотела, что произошло бы, если бы Марго вчера оставили в нашем проходе до утра.

— Это я сказала врачу, — снова начала Эн.

— Эн, — остановила её Диана.

— Я знаю.

— Тогда хватит себя жрать.

Эн ничего не ответила. Убрала кружку Марго с тумбочки, вымыла её и унесла в чаепитку. Я решила не комментировать.

16:22.

После обеда время тянулось совершенно отвратительно. Я достала лист бумаги для объяснительной, нашла ручку и

долго смотрела на пустую страницу. Как написать? «Самовольно покинула отряд, поскольку администрация не предоставила своевременную информацию о находящихся на производстве»? Звучит красиво. Райд наверняка оценит. В конце написала обычными словами: когда вышла, что была одна, зачем пошла, когда вернулась. Без рассказа о том, какой он мудака. Хотя хотелось.

Поставила подпись и передала Стеф.

— Наконец-то, — сказала она.

Я отошла. В локалке уже стало прохладно, но многие всё равно не хотели возвращаться внутрь. Надоело сидеть среди кроватей, особенно когда никто не говорил, сколько это продлится.

В локалке третьего тоже сидели люди. Перекрикивались про сигареты, про воду, про кого-то из медпункта. Мавлюды не было. Наверное, и не знает, чем себя занять вне фабрики. У калитки один сотрудник заносил в журнал фамилии тех, кому разрешили пройти в хозяйственный сектор. Женщины из столовой, уборщицы, ещё двое с тележкой. Они двигались только с сопровождением. Раньше мы бы пошли туда строем, ругались бы, что стоим на ветру, и ждали, пока нам откроют следующие ворота. Сейчас открывали по одной калитке, проверяли список, закрывали и только потом шли дальше.

Система работала. Медленно, с задержками, но работала. Меня это даже немного успокаивало.

Плохо только, что неизвестно, сколько она продержится.

17:42.

Вики весь день шутила.

Сначала сказала, что наконец-то дождалась выходного незапланированного. Потом предложила записать всех желающих на длительное свидание прямо в чаепитку, раз настоящие комнаты теперь заняли сотрудники. Кто-то посмеялся, кто-то попросил её не триндеть. Она не обиделась. Вики вообще умела смеяться так, что и самой хотелось, даже когда шутка была довольно дурацкая.

Вечером она села рядом со мной у окна. Принесла чай, но не пила. Крутила кружку в ладонях.

— Представляешь, я сумку до сих пор не разобрала.

— Для длительного?

— Ага. Там бельё чистое, кружевное. Даже полотенце новое положила. Вчера хотела всё обратно убрать, да руки не дошли.

— Оставь пока.

— Зачем?

Я пожала плечами.

Она посмотрела за окно. В локалке кто-то ходил, хотя уже начинало темнеть. Сотрудник у калитки курил, спрятав сигарету в ладони.

— Я ведь не знаю, приехал он или нет, — сказала Вики.

Сначала даже не поняла, о ком она. Потом вспомнила её хвастовство в курилке: в воскресенье муж приедет, нормальный душ, нормальная кровать, три дня без нас всех.

— У вас во сколько должно было быть свидание?

— С утра. Он обычно заранее выезжает. Дорога неблизкая. Я в субботу вечером должна была ему звонить, но нас наказали звонками. А потом вот это ещё всё.

Она махнула рукой в сторону окна.

— Я сначала думала, просто отменят и перенесут. Ну бывает. В прошлый раз тоже переносили. А сейчас даже неизвестно, доехал ли он.

Я молчала.

— Если доехал, то что? Его развернули у ворот? Он обратно поехал? А дорога там какая? Я вообще не знаю, что там творится. Может, он в городе остался. Может, домой вернулся. У меня голова скоро лопнет.

У неё затряслись губы, и она сразу отвернулась, будто пыталась сделать вид, что просто смотрит в окно.

— Я так соскучилась по нему, Лив.

— Знаю.

— Да откуда ты знаешь. — Она всхлипнула и вытерла щёку рукавом. — Извини. Знаешь, конечно.

Она попыталась засмеяться.

— Я ещё бельё купила красивое. Берегла. А теперь сижу с ним в бауле, как дура.

— Ну бельё не испортится.

— А муж?

Она сказала это неожиданно. И тут же закрыла лицо ладонями.

Я сидела рядом. Что ей ответить? «Всё будет хорошо»? Мне самой бы кто-нибудь показал человека, который точно знает, что всё будет хорошо. Я бы первая к нему побежала.

Вики плакала тихо, почти без звука. Не как Марго вчера, когда её уводили. Просто слёзы текли и текли, а она иногда вытирала лицо и пыталась нормально вдохнуть.

Я вспомнила Логана. Звонки ему без ответа, мамины слова о том, что он много работает. Дурацкую обиду, с которой я засыпала в субботу. Тогда ещё думала, что вот, наказали нас на две недели звонками, не буду ему звонить, пусть тоже понервничает. Сейчас отдала бы всё, лишь бы услышать его голос.

— Может, сотрудники что-нибудь знают, — сказала я.

— Они про свои семьи не знают. Куда им до моего мужа.

И ведь права.

Я обняла её за плечи. Она посидела так немного, потом выпрямилась, сморщила нос и сказала:

— Всё, хватит. А то завтра опухшая буду.

— Перед кем тебе завтра красоваться?

— Перед вами, уродинами.

Я засмеялась. Она тоже попыталась, но не очень получилось.

18:34.

Свет включили на полчаса позже, чем обещали. Сначала в проходе что-то щёлкнуло, потом лампы моргнули и загорелись. Женщины тут же побежали к раковинам, чайнику и

розеткам. Будто всем одновременно приспичило использовать каждую минуту электричества.

Я тоже поставила чайник, хотя минуту назад не хотела пить. Просто пока есть возможность, нужно набрать горячей воды. У нас уже начали копить её в термосах и бутылках. Раньше я бы посмеялась, что мы готовимся к походу. Сейчас взяла свою бутылку и поставила рядом.

Стеф с каким-то листом ходила от шконки к шконке и спрашивала, кому требуются постоянные лекарства, потому что запланированный медобход отменили и попросили передать всю информацию по телефону через завхоза. Диана лежала и читала старую книгу, которую взяла с моей тумбочки. Не потому, что ей было интересно. Она уже минут десять не переворачивала страницу.

— Ты хоть понимаешь, что читаешь? — спросила я.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы ты перестала спрашивать, как я себя чувствую.

— Ладно.

Я села рядом и тоже взяла книжку. Через две минуты убрала.

В коридоре заговорили о том, что сотрудникам выделяют комнаты длительных свиданий. Сначала я решила, что кто-то опять шутит. Потом Стеф подтвердила: размещают тех, кто остался на смене и не может уйти домой. Там есть кровати, душевые, можно хотя бы переодеться, если найдут во

что.

— Вики, слышала? — крикнула Нэнси. — Твоё длительное теперь у надзорки!

— Да пусть подавятся, — ответила Вики, не поднимая глаз от кружки.

Нэнси замолчала. Видимо, даже она поняла, что шутка вышла не очень.

У меня в голове возникла совершенно дурацкая картинка: сотрудники, которые всю жизнь открывали нам двери и командовали строиться, теперь делят комнаты, ищут полотенца и выясняют, кто где будет спать. И при этом у каждого где-то снаружи есть собственная жизнь, в которую он не может вернуться.

Вечером видела двух сотрудников с сумками. Несли одежду и подушки.

20:28.

Стеф собрала нас на вечерний пересчёт. Все уже были уставшие от ничегонеделания. Странное состояние: весь день практически сидишь, а к вечеру ощущение, будто отработала две смены на промке.

Эн стояла рядом с местом Марго. Когда называли фамилии, на её имени Стеф сделала отметку в отдельном списке. Никто ничего не прокомментировал.

После проверки мы все занялись своими делами до отбоя. Из третьего через забор доносились голоса, но слов мы не разбирали. Потом сотрудник что-то крикнул, и стало тихо.

Я пошла умываться. Вода ещё шла, правда совсем слабо. Пока набирала небольшое ведёрко, успела вспомнить, как в субботу мечтала нормально вымыться после фабрики. Тогда это казалось важным. Сейчас я стояла в очереди к раковине и радовалась, что вообще могу помыть лицо.

Сотрудники теперь будут спать в комнатах для длительных свиданий, кому-то несли постельные принадлежности прямо в дежурную часть. Наверное, не всем хватило места.

Стеф прошла мимо с ключами.

— Свет до отбоя, — напомнила она. — Потом не включаем ничего. И по локалке ночью не шастать.

— А если очень надо? — спросила Нэнси.

— Тебе особенно.

Кто-то засмеялся. Я тоже.

21:24.

Я легла, но не укрылась. В проходе ещё горел свет, женщины шептались, кто-то возился с пакетом. Диана уже отвернулась. Эн лежала на своей кровати, закрыв глаза, и я не могла понять, спит она или просто задумалась.

Потом свет выключили.

За окном остались отдельные освещённые участки двора. Не все фонари, только возле постов и проходов. Я приподнялась на локте и посмотрела в сторону административного корпуса. Отсюда было видно лишь часть его окон. В одном горел свет.

Не знаю, кабинет ли это Райда. Наверное, даже этаж не

тот. Но я представила, как он устраивается на своём диване, не снимая форму до конца, и кладёт рацию поближе к руке. Кто-то спит в комнате, где вчера должна была встречаться Вики со своим мужем. А кто-то пытается тоже понять, что происходит.

За три года я столько раз мечтала выйти через эти ворота, что могла мысленно пройти весь путь до них с закрытыми глазами. Из отряда, через локалку, дальше по плацу, ещё несколько дверей и постов. Потом внешний забор, за которым нормальная жизнь.

Теперь снаружи не было никакой понятной нормальной жизни. По крайней мере, мы ничего о ней не знали.

Начальник колонии успел уйти домой. Остальные остались здесь. И Кейн, который теперь за всех отвечает, тоже никуда не уходил. Даже ему придётся спать на работе и ждать утра.

Я посмотрела на Диану. Она дышала ровно. Наверху кашлянула Нора.

Раньше мне казалось, что забор нужен только затем, чтобы не выпускать нас.

Сегодня он не пускал внутрь вообще никого.

Глава 8. Нам врали. Часть 1

05:34.

— Девочки, подъём!

Я открыла один глаз и посмотрела на Стеф. Она стояла посреди прохода с фонариком и ждала, пока кто-нибудь начнёт вставать. Кто-нибудь, кроме меня, желательно.

— Зачем вставать? всё равно же никуда не идём... — спросила я.

— Лив, я каждый день должна перед тобой плясать?

— Сегодня можешь просто не будить.

Она посветила мне в лицо и пошла дальше. Ну вот. Переговоры закончились, даже не начавшись.

Я натянула одеяло до подбородка. В секции пахло спящими людьми, вчерашней едой и мокрым бельём, которое никак не могло высохнуть. Кто-то ночью развесил носки на изголовье моей шконки. Я ещё вечером видела их и собиралась спросить, чьи. Потом забыла. Теперь один носок лежал рядом с подушкой.

Убрала его двумя пальцами и села.

Две недели.

Примерно столько прошло с того дня, когда нам объявили казарменный режим. Первую неделю я ещё считала дни. В субботу особенно хотелось позвонить. Потом снова суббота.

Спрашивать, когда восстановят связь, я перестала: по лицу Стеф заранее было видно, что она ответит.

Вначале казалось, через день, ну через два, нам всё объяснят. Уберут запреты, и мы опять будем ругаться, что не дают нормально поспать.

На фабрику нас так и не вывели.

Зато вставать в полшестого мы продолжали. Какое-то удивительное постоянство в этом месте. Свет может не работать, телефон может не работать, а подъём работает всегда.

Я потянулась за юбкой. Нашупала на стуле брюки, подержала их и всё-таки надела. За последнюю неделю нас то заставляли полностью одеваться на проверку, то пересчитывали прямо так. Зависело от сотрудника. Один искал глазами нагрудные знаки, другому было достаточно, что ты сама находишься на месте.

Пиджак с косынкой я положила рядом. Вдруг сегодня опять кому-нибудь понадобится, чтобы мы выглядели, как положено.

— Твой носок? — постучала я по верхнему ярусу.

Нора высунулась сверху.

— Мой.

— Он у меня возле головы лежал.

— Упал, наверное.

Я протянула ей носок. Нора забрала его. Через минуту второй тоже исчез со спинки.

В умывальнике уже собралась очередь. Вода шла, и это

означало, что сначала надо наполнить всё, что у тебя есть, а уже потом умываться. Я поставила свою бутылку под кран и наблюдала, как медленно поднимается уровень. Пока нальются полтора литра, можно успеть переделать много дел.

Я умылась, пока из крана ещё шло, и отнесла бутылку к своей кровати.

Посмотрела на себя в зеркало. Волосы начали жирниться у корней. Вчера хотела вымыть, но решила, что до утра потерпят. Вот они и потерпели. Я пригладила волосы мокрыми руками и собрала их в хвост. Надену косынку, если совсем будет плохо. Впервые за три года нашла ей применение по собственному желанию.

06:18.

На проверку никто не пришёл.

Мы уже построились между шконками, постояли, потом начали рассасываться. Стеф сказала далеко не уходить. Куда мы могли далеко уйти в запертом отряде, она не уточнила.

Я села на край кровати. Эн подошла с расчёской, забрала у меня резинку и устроилась рядом.

— Опять задерживаются.

— Может, проспали.

Она пожала плечами. Сотрудники за эти дни примелькались так, что по шагам уже можно было угадать, кто идёт по коридору. Новые смены больше не появлялись.

Через несколько минут за дверью заговорили. Стеф ушла открывать, а мы снова поднялись. Эн закатила глаза и встала рядом.

Пришедший сотрудник первым делом попросил список. Не поздоровался, не сделал замечание Нэнси за футболку. Взял лист и начал считать.

В коридоре оставался второй. Я его не видела, только слышала, как он разговаривает с кем-то по рации.

— Я не могу одновременно здесь и на проходе стоять, — сказал он. — Где смена?

Рация затрещала.

— Это я уже слышал. Мне кого ждать?

Сотрудник перед нами сбился, выругался себе под нос и начал считать ряд заново.

— Не разговариваем, — сказал он.

Мы и не разговаривали. Он посмотрел на меня, потом на Эн, будто всё равно хотел назначить кого-нибудь виноватым, и пошёл дальше.

Стеф проводила его до двери. Пока она расписывалась, второй сказал:

— Эти двое так и не вышли.

— Кто?

Он назвал фамилии. Мне они ничего не сказали.

— Им повторно передали?

— Передали. Они хотят сначала с руководством разговаривать. Я за них третью смену вытягивать не собираюсь.

Первый что-то ответил тихо. Я вытянула шею, но Стеф закрыла дверь.

— Что там? — сразу спросила Нэнси.

— Пересменка задержалась.

— Я слышала, что они вообще не вышли.

Стеф убрала список в папку. Руки у неё были красные от холодной воды. На одном пальце пластырь начал отклеиваться, и Стеф прижала его ногтем.

Я подумала о тех двух сотрудниках. Что значит — не вышли? Сидят в комнате, и всё? Им стучат, а они говорят, что не будут работать?

Я подумала: нам бы попробовать так не выйти на фабрику.

Баланда уже остыла.

Я поставила кружку на стол, выскребла ложкой то, что прилипло ко дну, и посмотрела на свой кусок хлеба. Теперь его отрезали тоньше. Не настолько, чтобы можно было сразу устроить скандал, но настолько, чтобы заметить.

Скарлетт подержала хлеб на ладони, будто он мог от этого стать потолще, и отошла.

Мы пока не голодали. Завтрак, обед, ужин приносили. Где-то в столовой ещё были крупы, консервы, что-то из морозилок. Только каждый раз, когда кто-нибудь спрашивал, надолго ли хватит, выяснялось, что спрашивать надо другого человека. А тот другой тоже не знал.

Конфеты и печенье у меня закончились. Консерву мы открыли в прошлую субботу и съели вчетвером. Оставалась пачка лапши и немного кофе. Кофе я теперь насыпала меньше: вода получалась коричневая, а вкус приходилось вспоминать.

— Ты чего хлеб рассматриваешь? — спросила Диана.

— Выбираю, с какой стороны вкуснее.

— С любой. Давай сюда, если не хочешь.

— Хочу.

Я откусила и посмотрела на Эн. Она сидела напротив, подперев щёку рукой, и мешала кашу.

— Ешь, — сказала Кристина.

— Сейчас.

— Ты уже десять минут «сейчас».

Эн послушно взяла ложку. Крис дождалась, пока она проглотит, и только тогда отвернулась к Мае.

Та сидела без перевязки. Плечом двигала осторожно, но кружку уже могла держать левой рукой.

— Я сегодня ещё раз спрошу про таблетки, — сказала Мая Стеф.

— Фамилию записала.

— Ты её и вчера записала. Я хочу получить ответ.

— Я тоже хочу получить ответы. По всем спискам.

Мая кивнула. Ссориться не стала.

Я соскребла остатки каши и поймала себя на том, что слушаю каждый разговор о еде. Раньше меня бы больше занимало, как не ходить на завтрак. Теперь я уже знала, кто сегодня не доел, кто забрал хлеб в тумбу и у кого ещё оставалось печенье.

Неприятно это в себе замечать. Особенно когда понимаешь, что остальные, скорее всего, замечают то же самое.

08:47.

Потеплело, и на солнечной стороне локалки уже можно было сидеть без куртки. Я всё равно надела свою. В отряде холодно, снаружи жарко, потом заходишь обратно и снова мёрзнешь. Каждый год одно и то же.

В третьем обсуждали закрытый магазин. По одной версии, там всё ещё были продукты, по другой — только мыло. Я бы и мыло купила. И шампунь. Но заявление всё равно никто сейчас не подпишет.

У прохода стояли Ривера и мужчина с рацией. Он говорил громко. Мы с Дианой замолчали.

— Я не отказываюсь от службы, — сказал он. — Я прошу мне объяснить, сколько это будет продолжаться.

— Сейчас мне нужно, чтобы ты сменил человека на посту, — ответила Ривера.

— А мне нужно узнать, что с моей семьёй. Я две недели спрашиваю. У меня мать одна.

— Я знаю.

— Вы всё время знаете. А нам что делать?

Она подошла ближе, и дальше я уже не расслышала. Мужчина отвёл взгляд, потёр лоб. Ривера не махала руками и не повышала голос. Стояла и говорила с ним. Потом показала в сторону прохода.

Он ушёл. Не сразу, сначала ещё что-то ответил. Ривера

осталась на месте и посмотрела ему вслед.

Каждую ночь думаю о маме. Иногда представляю, что она дома и переживает, почему я не звоню. Это самый хороший вариант: если переживает, значит, живая. Может, они с Логаном пытаются сюда дозвониться.

А может, ему вообще не до меня. Я и раньше прекрасно умела испортить себе настроение, придумывая, с кем он сейчас. Теперь вариантов стало больше, проверить ни один нельзя.

— Пойдём? — спросила Диана.

Я посмотрела на неё.

— Пойдём.

На обратном пути она придержала дверь в отряд, а я машинально оглянулась на Риверу. Та уже разговаривала по радиации. На солнце было видно, что у неё тоже тёмные круги под глазами. И волосы собраны кое-как, не так аккуратно, как раньше.

09:36.

Новенькую привели, когда я пыталась постирать трусы под тоненькой струёй.

Подходящий момент, чтобы в отряде что-нибудь случилось. Только намочишь вещь, руки в мыле, и сразу кто-то начинает орать.

— От прохода отойдите! — крикнула Стеф.

Я отжала ткань, положила её в ведёрко и высунулась из умывальника.

В коридоре стояли Тесса, сотрудник и молодая женщина на костылях. На ней были широкие тёмные брюки, одну штанину разрезали снизу. Правая нога была зафиксирована плотной повязкой с жёсткими накладками. Она держала её чуть над полом и смотрела на лестницу за спиной так, будто не верила, что наконец поднялась.

— Сюда, — сказала Стеф. — Ещё немного, потом сядешь.

— Я уже поняла.

Новенькая переставила костыли. Один заскользил, и сотрудник взял её под локоть. Она резко дёрнулась.

— Не надо. Я сама.

Он убрал руку. Тесса придержала костыль, дождалась, пока женщина снова обопрётся, и повела её в секцию.

Я пошла следом. Трусы пока никуда не денутся.

— Миллер Тара, — прочитала Стеф по бумаге. — Пере-

ведена в четвёртый отряд. Спальное место сейчас покажу.

— А откуда её? — спросила Скарлетт.

— Из медпункта.

— А чего с ногой?

— Скарлетт, отойди.

Свободная нижняя шконка была через два прохода от меня.

Тара опустилась на кровать и сразу вытянула ногу. На лбу выступил пот.

Я смотрела на её лицо, пытаясь вспомнить, видела ли раньше. Тёмные волосы обрезаны до подбородка, светлые брови, кожа вокруг губ шелушится. На шее тонкая царапина. Кажется, нет. Тут так много людей, что можно три года прожить рядом и однажды спросить у женщины, давно ли она приехала. А она ещё до тебя здесь была.

Тесса поставила возле кровати небольшой пакет.

— Всё по назначению. Если боль усиливается, отёк увеличивается или поднимается температура, сообщаете завхозу. Нагрузку на ногу не давать. На верхний ярус не подниматься.

— А она не опасная? — спросила Нэнси.

Медсестра подняла голову.

— Нет. Период наблюдения завершён, оснований держать её в изоляции больше нет.

Нэнси кивнула. Я видела, как Таре не понравился вопрос Нэнси.

Сотрудник передал Стеф ещё один лист, и они с Тессой

ушли. Тара следила за ними до самой двери. Я смотрела на её лицо и пыталась вспомнить, видела ли раньше. Кажется, нет.

Кристина подошла с подушкой.

— Подложи под ногу. Так удобнее будет.

— Спасибо.

Тара кивнула. Нэнси уже стояла рядом и рассматривала повязку.

— Сломала?

— Да.

— Где?

— На улице.

— Упала?

Тара подняла на неё глаза.

— Спрыгнула.

— Откуда?

Она помолчала.

— Из карантина.

Я посмотрела на Нэнси. Та стояла возле тумбы, держа в руках чистую наволочку.

Нэнси выпрямилась.

— Из того карантина?

— А у вас их несколько?

Стеф пыталась отправить всех заниматься своими делами. Получалось плохо. Женщины отходили на пару шагов и оставались стоять, как будто с такого расстояния они уже никому не мешают.

— Ей отдохнуть надо, — сказала Кристина.

— Пусть скажет, что там было, и отдохнёт, — ответила Нэнси.

Тара обхватила кружку ладонями. Вода была тёплая, Крис смешала остатки кипятка с холодной. Я заметила, что новенькая не выпускает ручку костыля, который прислонила к кровати. Держит его, даже когда пьёт.

— Ты с тем этапом приехала? — спросила я.

Она кивнула.

— В субботу?

— Да.

Значит, она одна из тех, на кого девочки бегали смотреть из фабричного туалета. Восемнадцать человек. Молоденькие. Наркоманки, наверное. Скорая приезжала. Или не приезжала. Мы тогда столько всего обсуждали, и почти ничего не знали.

— А остальные? — спросила Эн.

Тара посмотрела в свою кружку.

— Со мной ещё Джун вышла.

— А остальные где?

— Не знаю.

Нэнси открыла рот, но Мая подошла и встала рядом с ней.

— Стул подвинь.

— Для чего?

— Сяду.

Нэнси подтащила стул. На него села Мая.

— Сама тоже можешь сесть, — добавила она. — А то нависла над человеком.

— Если не хочешь, сейчас не рассказывай, — сказала я Таре.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Потом всё равно будете спрашивать.

— Будем, — честно ответила я.

Тара коротко усмехнулась.

10:11.

— Ещё в дороге им плохо было, — начала она. — Двоим точно. Одна всё время просила воды. Другая лежала, когда разрешали лечь. Я думала, их укачало. Там такой воздух был, что меня саму тошнило.

— Температура? — спросила Мая.

— Потом узнали, что температура. Медикам сказали. Нас осмотрели, кому-то таблетки дали. Я со своей головной болью тоже ходила. Там очередь была, все после этапа с чем-нибудь.

Я кивнула. После месяца дороги у меня болело всё, даже то, о существовании чего раньше не знала. И если бы рядом кто-нибудь пожаловался на слабость, я бы точно не побежала поднимать тревогу.

— У нас в комнате одна лежала, — продолжила Тара. — На верхней кровати. Не спала, просто лежала. Мы её звали есть, она отказалась. Потом спустилась, в туалет пошла и дверь не могла открыть.

— Заперто было?

— Нет. Она от себя толкала. Там ручку повернуть и потянуть надо. Я ей сказала, а она будто не слышала. Стоит и давит. Потом ещё раз сказала, она повернулась, посмотрела на меня. Я подумала, что сейчас пошлёт. Но она опять к двери. В итоге ей другая помогла.

Я машинально посмотрела в сторону нашей запасной двери. Тумбу от неё давно отодвинули, но печать оставалась. За эти две недели я несколько раз подходила и проверяла засов, хотя снаружи уже тоже закрыли. Просто трогала его и уходила. Не знаю, что именно хотела проверить.

— Потом она села прямо на пол, — сказала Тара. — Ей помогли встать. Кто-то позвал сотрудницу. Её вывели. Мы решили, что в санчасть. Я дальше её не видела.

— А ночью? — спросила Нэнси.

Тара облизнула губы.

— Ночью сначала из другой комнаты кричали. Я проснулась, думала, драка. Тут же в первый день уже сцепились двое. Из-за места. Ну и я подумала, опять выясняют.

— Кто-то дверь открыл. В коридор вышли. Потом обратно побежали. Я встала, обувь искала. Ещё свет был такой тусклый. Одна женщина в нашу комнату зашла, вся в крови. Держала руку возле лица. Я подумала, что нос разбили. Она прямо на меня шла.

Тара поставила кружку на тумбу. Не попала на подставку, и Кристина аккуратно пододвинула её дальше от края.

— Я спросила, что случилось. Она не ответила. За мою футболку схватилась. Вот здесь.

Тара показала себе под горло. Я посмотрела на её шею. Царапина уходила под ворот.

— Я оттолкнула её. Она опять. Сильная такая. Я вообще не поняла, что ей от меня надо. Джун рядом была, мы с ней

ещё днём из-за кружки поругались. Она меня оттащила. А женщина за ней пошла. Рот открытый, весь в крови. Я ей сказала, что врача надо. Она вцепилась другой девчонке в плечо.

Эн медленно убрала руки с колен и скрестила на груди.

— Зубами? — спросила она.

Тара кивнула.

— Та кричала. Я так ещё не слышала, чтобы человек кричал. Мы её тянем, а эта не отпускает. Я за волосы схватилась. Даже не знаю зачем. От боли должна же отпустить. Она на меня повернулась, и я побежала.

— А девочку вы оставили? — спросила женщина за спиной.

Тара сделала паузу.

— Я оставила, — сказала она наконец. — Джун за мной побежала. Потом кто-то ещё. Там в коридоре тоже люди были. Кто-то на полу сидел, кто-то пытался дверь открыть. Мы дошли до лестницы, а снизу бежали. Один мужчина что-то кричал. Мы обратно повернули.

Диана сжала Эн за плечо. Я заметила это и посмотрела на неё. Она покачала головой.

— В конце коридора комната была, — продолжила Тара. — Я днём там ведро брала. Кладовка или старый кабинет, не знаю. Шкаф, стол, всякие тряпки. Мы с Джун туда забежали. Дверь закрыли, стол подвинули. Пока толкали, по коридору кто-то пробежал. Я пыталась понять, это за нами или мимо.

— А те, кто с вами бежал? — спросила Мая.

— Не знаю. Один человек в другую сторону ушёл. К лестнице. А дальше свет погас.

Она подняла глаза.

— Мы сначала вообще ничего не видели. Я только Джун слышала. Она всё говорила, что нас найдут. Я сказала ей заткнуться.

10:39.

Из умывальника принесли ведро и поставили его возле стены. Дужка ударила по краю.

Тара резко повернулась и ухватила за костыль. Все посмотрели на неё. Женщина с ведром замерла.

— Извини, — сказала она. — Я не подумала.

— Ничего.

Тара отпустила костыль не сразу. Я подвинулась ближе, чтобы видеть её лицо, но не заслонять выход. Мне бы самой не понравилось, если бы вокруг меня вот так расселись и начали смотреть, как я дёргаюсь от каждого звука.

— Они на звук шли, — сказала Тара. — Мы тогда ещё не поняли. Просто молчали. Стоят снаружи, по двери чем-то водят, иногда ударят. Потом уходят. Мы начинаем шептаться — снова приходят.

Нора спустилась с верхней шконки и остановилась у прохода. Обычно она слушала оттуда, а сейчас подошла ближе.

— А сотрудники?

— Утром из окна звали. Там двор такой сбоку, стены, какой-то сарай. Никого не было. Потом кто-то прошёл далеко, мы кричали. Он не повернулся. Может, не услышал. Мы всё время потом слушали, не идут ли к нам.

Она вытерла ладони о брюки.

— Там возле двери ещё одна раковина была. Маленькая,

грязная. Вода еле шла. Мы бутылку нашли и набрали. Джун в шкафу кружку откопала. Из неё пили.

— А ели? — спросила Кристина.

— У меня в кармане два печенья осталось. И сахар в пакетике. Потом ничего.

Я посмотрела на её щёки. Раньше, наверное, были полнее. Как у меня, когда приехала. Сразу начинаешь почему-то вспоминать фотографии до заключения. Кажется, что ты на них была какая-то особенно красивая. Даже если тогда на эту фотографию смотреть не хотела.

— Мы пытались открыть окно, — продолжила Тара. — Нижнее. Оно намертво стояло, ручка ходила, а рама нет. Наверху маленькая форточка была, в неё звали. Большое стекло решили пока не трогать. Ждали, что придут.

— Решётка была? — спросила Мая.

— В той комнате нет. На остальных окнах была, я видела, когда нас завели. А там только стекло. Во внутренний двор выходило.

Мая кивнула.

— На второй день, кажется, тише стало. Или на третий. Я уже не знаю. Мы по свету считали, когда ночь, когда утро. Джун говорила, что надо посидеть ещё. Они затихнут, потом выйдем.

— И затихли? — спросила я.

— Да. Надолго. Мы решили, что ушли. Я к двери подошла, послушала. Потом стол чуть сдвинули. Ножка по полу

скрипнула.

Тара замолчала. Я почему-то задержала дыхание вместе с ней.

— Сначала одна пришла. Потом ещё. Или они там и стояли, я не знаю. Но в дверь начали бить. До этого так сильно не били. Стол отъехал, я его назад толкаю, а он опять. Джун шкаф тащила, за неё всё цеплялось. Мы подпёрли, они перестали. Ненадолго.

— А потом?

— Потом опять. И возле замка дерево треснуло. Мы решили, что хватит ждать.

Я представила их в комнате. Стол, который приходится снова и снова прижимать к двери. Бутылка воды, два печенья. Ты знаешь, что снаружи есть сотрудники, оружие, другие отряды. И всё равно никто не приходит.

Сначала я собиралась спросить, почему они раньше не разбили окно. Уже открыла рот. Потом передумала.

Я ведь сама половину той ночи надеялась, что достаточно дождаться утра.

11:03.

— Чем разбивали? — спросила Диана.

Тара впервые посмотрела прямо на неё.

— Стулом. Он там маленький был, деревянный. Джун ударила, стекло пошло трещинами. Потом ещё раз. Мы куртку на руку намотали, чтобы куски убрать. Я всё равно порезалась.

Она показала костяшки.

— У вас куртки были с собой?

— В комнате висели. Рабочие, старые. Мы их и под себя клали, когда сидели. Я одну на подоконник бросила. Там такие куски торчали. Джун сказала, что пойдёт первой.

— Вы близко знакомы? — спросила Эн.

Тара покачала головой.

— На этапе пару раз разговаривали. Здесь она у меня кружку взяла, не спросив. Я ей сказала, чтобы свои вещи брала. Потом вот вместе сидели.

— Кружку вернула? — спросила Нэнси.

Кристина повернулась к ней. Но Тара вдруг усмехнулась.

— Нет. В комнате осталась.

Я тоже улыбнулась. Ненадолго. Смешно было только то, что Нэнси из всей истории понадобилась именно кружка. Хотя я её понимала. Когда у тебя почти ничего нет, взятая без спроса вещь иногда вызывает больше ярости, чем долж-

на бы.

— Джун перелезла, — продолжила Тара. — За край держалась. Я ей сказала, что не смогу. Она ответила, что тогда я останусь. Я разозлилась. Потом она отпустила руки.

Я знала, как выглядит второй этаж снизу. Наше окно, например. Каждый день смотришь на него со двора и не видишь ничего особенного. А теперь я представила, как надо сесть на подоконник и перекинуть ноги наружу. Внутри даже что-то сжалось.

— Она упала, потом встала. Кричала мне, чтобы я быстрее. А я никак ногу не могла перекинуть. Штаны за стекло зацепились. Я думала, что в порванных выйду, за это ещё объяснение писать. Представляете?

— Представляю, — кто-то тяжело выдохнул в толпе.

Оставить зажигалку перед тем, как идти искать Диану. Не забыть правильно повязать косынку. До сих пор, если слышу резкое «Внимание!», первым делом смотрю, как я одета. А уже потом пытаюсь понять, кто кричал и зачем.

— В дверь опять ударили. Я выдернула ткань и полезла. Не знаю, за что держалась. Руки соскользнули. Ногами вроде встала, а потом что-то хрустнуло, и я упала. Сразу не больно даже было. Я попыталась подняться, не смогла.

Эн посмотрела на повязку.

— Джун меня тянула, — сказала Тара. — Я на неё орала. Всё уже болело. Хотела, чтобы она оставила меня в покое. Потом услышала: «Стоять!»

Она снова взяла кружку, но вода закончилась. Крис без вопросов забрала её и пошла в чаепитку.

— Двое сотрудников прибежали. С оружием. Сначала на окно смотрели, потом на нас. Я стала объяснять, что ногу сломала. Один орал, чтобы мы не подходили. Я к нему и не могла подойти. Сидела. Джун руки подняла. Сказала, что мы здоровые.

— А они? — спросила я.

— Не слушали. Один всё время повторял, что из карантина никого не выпускать. Второй сказал ему дожждаться распоряжения. Первый на меня ствол направил. Я даже не сразу поняла. Смотрю и думаю, он ведь видит, что у меня с ногой. Видит, что я с ним разговариваю. Зачем?

Тара вцепилась пальцами в край матраса.

— Джун опять ко мне наклонилась. Помочь хотела. Я на неё заорала, чтобы она не двигалась. Он же сказал не двигаться. Я думала, если мы всё сделаем, как он говорит, тогда не выстрелит.

— Инспектор, женщина с тёмным длинным хвостом, подошла со стороны прохода, — продолжила Тара. — Наверное, услышала. Сначала спросила, что произошло. Тот ей сказал, что двое из карантина вылезли. Она велела оружие убрать. А он ей: распоряжение, никого не выпускать.

— И что она?

— Сказала, что слышала. Потом ещё раз приказала убрать оружие. Он начал говорить, что она не знает, с кем имеет де-

ло. Она спросила нас, как зовут. Мы ответили. Она подошла ко мне, а он всё равно оружие не опустил.

Это была Ривера. Я представила её на том дворе. Такую же, как сегодня возле калитки. Только вместо человека, который не хотел идти на пост, перед ней сотрудник, уже напавший оружием на женщину.

— Она встала перед ним, — сказала Тара. — Не вплотную к нам, между нами и ним. И спросила, он её приказ понял или нет. Он сказал, что она будет отвечать, если что-нибудь случится. Она сказала, что знает.

— А дальше?

— Дальше он убрал. Не сразу. Второй позвал медиков. Нам сказали ни к кому не подходить. Джун всё отвечала, что поняла. Я уже ничего не отвечала. Меня трясло так, что зубы стучали.

Диана присела возле Эн. Места на кровати хватало, но раньше она стояла, будто не собиралась задерживаться.

— Ривера нас сама проводила, — добавила Тара. — Меня на носилках понесли. Я спросила, куда. Она сказала, к врачу.

11:28.

Стеф пришла со списком и попросила Тару назвать дату рождения. Та ответила. Стеф записала, проверила номер на бумаге и осталась стоять.

— Ты знала? — спросила её Нэнси.

— Что именно?

— Что из карантина люди выбрались.

— Мне сообщили о переводе Миллер. Я не знаю, что было до этого.

— А нам сказали, карантин закрыт и туда не подходить. Они там сидели, а мы тут две недели!

— Они не две недели сидели, — сказала я. — Слушай нормально.

— Я нормально слушаю! А ты не перебивай.

Тара посмотрела на Стеф.

— Джун уже давно перевели. В седьмой. Меня из-за ноги оставили, ещё повязку меняли. Сказали, потом сюда.

— Сколько вы в комнате пробыли? — спросила Мая.

— Две ночи точно. На третье утро выпрыгнули.

Стеф прижала папку к себе.

— Сейчас обед принесут. Дайте человеку полежать. И хватит толпиться.

— Нам от неё хоть что-то стало понятно, — сказала Скарлетт. — А ты всё время ничего не знаешь.

— Потому что я такой же осуждённый человек, как и ты.

— Только с ключами.

— Так возьми.

Стеф достала связку и протянула ей. Скарлетт отступила.

— Мне зачем?

— А мне, думаешь, зачем? Я дверь открываю, списки составляю, передаю, что сказали. Больше у меня полномочий нет.

Она убрала ключи. На этот раз я не стала вступать в спор. Стеф действительно не могла ответить на половину наших вопросов.

Из дальнего прохода женщина сказала:

— Надо прекращать эти рассказы. У людей и так нервы. Они из ПКТ пришли, мало ли что там придумали. Нам теперь ночью не спать?

Тара опустила глаза. Пальцы опять нашли ручку костыля. Я встала.

— Она тебе спать не мешает. Она рассказывает, что с ней произошло.

— Я разве сказала, что мешает? Я говорю, зачем всех пугать. Пришла в отряд, пусть спокойно живёт.

— И делает вид, что ничего не случилось?

— А что от этого изменится?

Я даже сразу не нашла ответа. Потом посмотрела на Диану.

Та поднялась.

— Я видела, как женщина напала на мужчину у санчасти,
— сказала она. — Не в комнате, где они сидели. Снаружи.
В неё стреляли, она продолжала идти. Я вам уже рассказывала.
Она сейчас рассказывает то же самое, только со своей стороны.

— Да слышали мы.

— Тогда не говори, что она придумывает.

Женщина скрестила руки на груди.

— Я не говорила, что она придумывает.

— Ты только что сказала, — ответила я.

Мая постучала пальцами по спинке стула.

— Девочки, всё. Давайте без ещё одной драки из-за слов.
Мы спросили, она ответила. Кому не нравится, можно не слушать.

Никто не ушёл.

11:57.

Обед всё-таки привезли. Мы разошлись за кружками и тарелками, но разговоры не прекратились. Теперь уже обсуждали без Тары. Кто сколько услышал, тот столько и пересказывал.

— Двое из окна выпрыгнули, — говорила Скарлетт женщине возле чаепитки. — Одна чуть ногу не оторвала. Их чуть не пристрелили.

— Кто?

— Надзорка. Ривера спасла.

Мне стало интересно, что рассказывала Джун в седьмом. То же самое? Или она считала, что сотрудники правильно держали их под прицелом, потому что не знали, здоровые они или нет? Тара явно так не считала. Я тоже. Но я сидела в своём отряде и закрыла дверь перед женщиной, которая просила помочь. Очень удобно потом рассуждать, кому и как надо было открывать.

Эн принесла Таре суп. Кристина спросила, где её ложка. Оказалось, в пакете. Мы нашли пакет, ложку, кружку, футболку, ещё несколько вещей. Небольшой узелок. Я вспомнила собственные баулы и подумала, что у неё всё наверняка осталось в карантине.

— Поддержать? — спросила Эн, когда Тара попыталась поставить тарелку на колени.

— Нет. Поставь на тумбочку.

Мы пододвинули тумбу ближе. Костыли пришлось переставить, и Тара опять посмотрела, где они. Я поставила так, чтобы могла дотянуться.

— Спасибо.

— Не за что.

Эн села рядом. Я вспомнила бельё в ведре. Пошла, прополоскала в оставшейся воде и развесила.

Пока возилась, думала о комнате с раковиной. Они молчали, когда за дверью кто-то стоял. Я тоже ночью слушала. И тумбы мы двигали. И на стук спрашивали фамилию.

Только у нас были шестьдесят женщин, вода в бутылках и собственные кровати. А у них стол, который ездил по полу, когда в дверь ломились.

Мне захотелось узнать, действительно ли кто-то из той комнаты или коридора мог прибежать к нашей запасной двери. Но Тара этого не видела. Она не знала ни наш отряд, ни даже расположение остальных зданий. Спросить её, не слышала ли она ту женщину, было бы глупо. Там все кричали.

Я развесила бельё и вернулась.

12:24.

Тара почти доела. В тарелке плавали два кусочка капусты. Она собирала их ложкой и никак не могла поймать.

— Вот эти специально не едятся, — сказала я.

Она посмотрела на меня.

— Что?

— Капуста. Мы её тут годами ловим.

Тара усмехнулась, зачерпнула оба кусочка и съела.

Эн сидела рядом. Наволочку, которую так и не надела, сложила у себя на коленях.

— В ПКТ вас вместе держали? — спросила она.

Тара покачала головой.

— По одной. Сначала осмотрели. Всю одежду попросили снять, смотрели руки, спину. Спрашивали, кто хватал, где порезалась. Я сказала про стекло. Они всё записали. Потом Ривера ещё раз пришла, мы рассказывали, что в комнате было. Каждая отдельно.

— Не верили? — спросила я.

— Не знаю. Джун тоже спрашивали.

— А почему по одной?

— Чтобы наблюдать. Так сказали. И чтобы, если одна заболит, вторая рядом не оказалась.

Я кивнула. Нормальное объяснение. Только представила, каково ей было опять сидеть за запертой дверью и прислу-

шиваться.

— Тебе сразу помогли с ногой?

— Да. Хелен смотрела. Больно было ужасно. Потом дали таблетки, я уснула. Когда проснулась, дверь закрыта, Джун нет. Я начала стучать. Они подошли. Всё объяснили.

— Тесса хорошая. Она меня хоть слушала. Даже когда я одно и то же спрашивала.

Я вспомнила, как Тесса записывала ответы Марго. И как та сказала, что хочет обратно в отряд, находясь посреди нашей секции.

— А остальные, которых туда отвели, где? — спросила я. Тара перестала улыбаться.

— Какие остальные?

— Из отрядов. Когда осмотры были. Женщин с температурой увели, кого-то с ранами. К нам не все вернулись.

Она отставила тарелку.

— Там отдельно держат. В другой части. Нас туда не водили.

— Они болеют?

Эн разгладила наволочку ладонью.

— У нас Марго туда забрали, — сказала она. — Она из хозотряда. Руку поранила. Температура, ей плохо было. Мы спрашивали, сказали, что живая, под наблюдением. Ты не слышала про неё?

Тара посмотрела на Эн. Потом на меня.

— Фамилия какая?

Я почувствовала, как напряглась, ещё до того, как ответила.

— Уилсон.

Тара опустила глаза.

Я ждала, что она скажет: нет, не слышала. И мы опять будем спрашивать Стеф, Стеф опять передаст вопрос, потом нам опять сообщат, что сведений пока нет. За две недели к этому почти привыкли. Даже кружку Марго убрали. Плед оставили, вещи не трогали. Но никто уже не ждал, что дверь откроется и она войдёт прямо сейчас.

— Ты знаешь её? — спросила Эн.

— Я не знаю, как она выглядит.

— Но фамилию слышала?

Тара кивнула.

— Где?

— Когда меня перевязывать водили. В коридоре разговаривали. Хелен и сотрудник. Они говорили, что Уилсон уже перевели от обычных больных. К тем, кого отдельно держат.

— К кому? — спросила я.

Тара посмотрела на меня. Долго, слишком долго для простого вопроса.

— К таким, как в карантине.

12:41.

Я даже не сразу поняла, что она сказала.

В другом проходе Нэнси спорила, кому мыть бак после каши. Из чаепитки звякнула ложка. Кто-то спросил, не включают ли сегодня свет пораньше, потому что надо одежду зашить. Обычные разговоры. Я почему-то ждала, что они прекратятся.

Эн смотрела на Тару.

— Может, ты не так поняла?

— Может.

— Там же отдельно всех держат. Ты сама сказала. Для наблюдения.

Тара провела ладонью по лбу.

— Эн, да? Тебя так зовут?

Эн кивнула.

— Я не хочу говорить то, чего не видела. Я её не видела. Но я слышала, что они сказали.

— Что именно? — спросила я.

Мне уже не хотелось знать. Но если она сейчас опять ответит неопределённо, я всё равно буду сидеть и перебирать каждое слово. Лучше пусть скажет сразу.

— Хелен сказала, что Уилсон обратилась ещё в понедельник, к утру. И что её оставили для наблюдения. Я эту фамилию запомнила, потому что у нас в дороге женщина была

Уилкс. Сначала подумала, про неё. Потом поняла, что дру-
гая.

Эн положила наволочку на кровать. Очень аккуратно.
Складка к складке.

Я смотрела на ткань. На ровный край. Она и простыню
Марго тогда так же натягивала.

— Когда это было? — спросила я.

Тара прикусила губу.

— Почти сразу, как нас привезли. На следующий день,
кажется. Я потом ещё спрашивала Тессу, зачем тех людей
продолжают держать. Она сказала, что врачи наблюдают. Я
больше не спрашивала.

Почти сразу.

Значит, пока мы здесь ждали, передавали вопросы, спо-
рили, можно ли отнести Марго вещи, они уже знали.

Эн встала.

— Я Стеф позову.

Она сделала шаг, задела ногой табурет и остановилась. Я
протянула руку, но Эн убрала локоть раньше, чем я успела
коснуться.

— Я сама.

Тара вжалась плечами в стену.

— Я думала, вам сообщили.

— Нет, — сказала я.

Мая подошла ближе. Я не заметила, когда она встала со
своего стула. Диана тоже уже была рядом.

— Что сообщили? — спросила Ди.

Эн повернулась к ней. Попыталась ответить, но ничего не сказала.

Я посмотрела в сторону места Марго. На тумбочке теперь стояла чужая тарелка. Кто-то поставил, потому что свободно. Её плед всё ещё лежал в ногах, аккуратно сложенный.

— Марго обратилась, — сказала я.

Диана моргнула. Посмотрела на Тару, потом снова на меня.

— Кто сказал?

— Там врачи говорили. Она слышала.

— Но её саму не видела?

— Нет.

Диана взяла Эн за руку. На этот раз та не отстранилась.

Мне хотелось, чтобы кто-нибудь сейчас пришёл и объяснил, что мы неправильно поняли. Что Уилсон другая. Что врач имела в виду совсем не это. Я бы выслушала любое объяснение, даже самое глупое.

Но я помнила её руку. Пот на лице. Вопросы про Диану, которые она задавала снова и снова. И то, как смотрела на Эн, когда её уводили.

— Она там одна такая? — спросила Мая.

Тара покачала головой.

— Нет. Там другие есть. Кого из отрядов привели. Не все, но есть. Мне говорили не подходить к тому проходу. Они отдельно заперты.

Эн наконец посмотрела на меня.

— Ты слышала? — спросила она.

Я кивнула.

— Нам две недели говорили, что она под наблюдением.

Я открыла рот и закрыла. Потому что больше всего хотелось ответить: ну ведь действительно под наблюдением. Какой-то ужасный, удобный ответ. Им даже врать не пришлось.

Стеф шла к нам с папкой и уже на ходу спрашивала, кто опять не получил свою порцию.

Эн развернулась ей навстречу.

— Позвони в дежурку.

— Что случилось?

— Позвони. И спроси, когда Марго обратилась.

Стеф остановилась:

— Как понять «обратилась»?

Я смотрела на неё и впервые за эти дни поняла, что ещё одного «информация уточняется» мы уже не выслушаем.